

Сахалинский государственный университет

В. А. Грищенко

РАННИЙ НЕОЛИТ ОСТРОВА САХАЛИН

Монография

Южно-Сахалинск
2011

УДК 902/904(571.642)(035.3)
ББК 63.442.14(2Рос-4Сах)
Г 85

*Серия «Монографии ученых
Сахалинского государственного университета»
основана в 2003 году*

Г 85 Грищенко, В. А. Ранний неолит острова Сахалин: монография / В. А. Грищенко. – Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. – 184 с.

ISBN 978-5-88811-344-8

Данная монография является специальным исследованием, посвященным проблемам раннего этапа новокаменного века в островном регионе Дальнего Востока. Книга адресована профессиональным археологам, историкам и всем интересующимся древней историей Сахалина и сопредельных территорий.

Научный редактор

А. А. Василевский, доктор исторических наук

Рецензенты:

А. В. Табарев, доктор исторических наук;

А. Н. Попов, кандидат исторических наук

*В дизайне обложки использованы фотографии находок
с ранненеолитической стоянки Славная-5
(о. Сахалин)*

Фото Гавриловой Е. А. и автора

Рисунки находок выполнены Тороповой Н. В.

© Сахалинский государственный
университет, 2011
© Грищенко В. А., 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА 5

ВВЕДЕНИЕ 7

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО НЕОЛИТА ОСТРОВНОГО МИРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (САХАЛИН, КУРИЛЫ, ХОККАЙДО)

1.1. Остров Сахалин	10
1.2. Остров Хоккайдо	22
1.3. Курильские острова.	25
1.4. Основные историографические проблемы изучения раннего неолита островного мира Дальнего Востока	26

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО НЕОЛИТА ОСТРОВА САХАЛИН

2.1. География, топография и стратиграфия	27
2.2. Памятники первого этапа раннего неолита	30
2.3. Памятники второго этапа раннего неолита	37
2.4. Памятники раннего неолита, не идентифицированные по этапам	53
2.5. Малоизученные памятники и отдельные находки раннего неолита	56

ГЛАВА 3

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ РАННЕГО НЕОЛИТА ОСТРОВА САХАЛИН. ПРОБЛЕМА НАЧАЛЬНОГО НЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

3.1. Хронология и периодизация раннего неолита	69
3.2. Археологические критерии и этапные признаки раннего неолита	72
3.3. Проблема начального неолита и мезолита в островном мире Дальнего Востока	86

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	92
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	95
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	114
ИЛЛЮСТРАЦИИ	115
ПРИЛОЖЕНИЕ	178

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Исследования памятников эпохи неолита, которые проводит В. А. Грищенко, имеют научное значение, выходящее за пределы островного региона, и по праву привлекают внимание коллег — сибиряков, дальневосточников, зарубежных исследователей. Монография В. А. Грищенко освещает слабо изученный его предшественниками период коренных изменений в жизни первобытных обществ Сахалина в VIII–VII тыс. до н. э. Исследования В. А. Грищенко формируют новую источниковую базу, полученную им в результате раскопок стратифицированных объектов, автор широко привлекает данные естественных наук. Введение в научный оборот опорных объектов раннего и среднего неолита острова Сахалин: Славная-4 и 5, Пугачево-1, Набиль-1, Одопту-2, Чайво-6 (п. 2) и др. определяет высокий уровень обоснованности выводов и научную новизну монографии.

Исследования, продолженные автором монографии и его коллегами уже после того, как книга была написана, неоднократно доказали правоту высказанных им суждений о ранней приморской адаптации древних сахалинцев. Процессы неолитизации происходили в разных ландшафтных и климатических зонах Евразии в период от X до VII тыс. до н. э. как реакция первобытных коллективов на глобальные изменения климата и окружающей среды раннего голоцене. Направление и характер данных изменений в каждом районе мира имел свои особенности, обусловленные, прежде всего, природным потенциалом. Там, где это было возможно, возникли очаги производящей экономики, там, где земледелие и пастушество были еще невозможны, люди искали иные пути спасения — шли по пути специализации на эксплуатации тех ресурсов, которые могли обеспечить устойчивое выживание социума. В данном случае — ресурсов водной среды. Соответственно, процессы неолитизации для островного региона понимаются как приспособление охотничьих обществ к жизни у берега моря. Приморские общества Северной Евразии, формируя особый хозяйственно-культурный тип каменного века, в течение нескольких тысяч лет создали и развили целый ряд принципиально новых направлений в образе жизни, социальном устройстве, материальной культуре и хозяйстве. В числе таких нововведений неолита следующие: оседлость в прибрежных поселках; полуподземные жилища, способные противостоять тайфунам и снежным бурям; закрепление собственности на угодья; родоплеменная структура общества; сетевое рыболовство; зверобойный промысел; плавсредства, способные обеспечить нужды прибрежного морского рыболовства и путешествий между островами; обменная деятельность и т. д. Именно эта концепция разрабатывается учеными из Сахалинской лаборатории археологии и этнографии Сахалинского государственного университета и Института археологии и этнографии Сибирского отделения

Российской академии наук, к которым относится и автор обсуждаемого научного труда.

Все ли перечисленные выше черты неолита прибрежного типа удалось доказать В. А. Грищенко, основываясь на изученных им памятниках древней культуры? Безусловно, не все, многое еще впереди. Однако все происходящее оставляет след, важно найти метод. Автор монографии идет именно по этому пути. Поэтому выбранное им направление — системный подход к изучению археологических источников методами разных научных дисциплин с привлечением специалистов в области естественных и точных наук — считаю верным и перспективным. Монография В. А. Грищенко формирует большой задел в изучении эпохи неолита в островном мире Северо-Восточной Азии, что обуславливает ее фундаментальную и практическую значимость.

*Научный редактор
доктор исторических наук
Василевский А. А.*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению раннего неолита острова Сахалин. В ней представлена всесторонняя характеристика ранней стадии новокаменного века на островах Охотского и Японского морей, вводится в научный оборот периодизация и хронология его этапов. Географическое положение острова Сахалин в зоне перехода от материковой к островной суше, на границе Восточной и Северной Азии определило круг проблем и особенностей историко-культурных процессов, рассматриваемых в монографии.

Актуальность темы исследования определяется следующими положениями: необходимостью обобщения материалов по раннеголоценовым археологическим объектам островного мира дальневосточных морей; отсутствием в отечественной историографии специальных работ по проблемам раннеголоценовой археологии островов Дальнего Востока; возможностью выхода на принципиально новый уровень анализа и интерпретации новейших данных по раннему неолиту острова Сахалин; необходимостью исследования раннеголоценовых памятников островного мира в общем контексте изучения древней истории Дальнего Востока и Северо-Восточной Азии.

Вышеприведенные положения диктуют логику определения целей и задач исследования. Основная цель работы — путем всесторонней характеристики археологических материалов, раннего неолита острова Сахалин, определить их место среди синхронных памятников и культур островного мира дальневосточных морей. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: характеристика этапов изучения и историография исследований раннеголоценовых археологических объектов на островах Дальнего Востока; анализ географического положения, топографии и стратиграфии ранненеолитических комплексов острова Сахалин; выделение этапов раннего неолита Сахалина, на материалах каменной индустрии, керамики, жилищных конструкций; определение хронологических границ раннего неолита и его этапов по результатам радиоуглеродного датирования; обоснование периодизации раннего неолита на островах Дальнего Востока; рассмотрение проблем изучения начального неолита и мезолита на островах Дальнего Востока.

Территориальные рамки работы определяются границами острова Сахалин. В ряде случаев при необходимости они включают остров Хоккайдо и Курильские острова. При этом используется понятие «островной мир дальневосточных (Японского и Охотского) морей», куда входят Курильский архипелаг, остров Сахалин, часть Японского архипелага — острова Хоккайдо и Хонсю. Хронологические рамки исследования определяются временными границами раннего голоцена. Периоду раннего неолита острова Сахалин соответствует хронологический интервал 9—7,2 тыс. лет назад. В отдельных случаях рассматриваются материалы, выходящие за эти временные рамки.

Основной принцип изучения археологических объектов, описанных в данной книге, – междисциплинарный подход, обеспечивающий комплексность и объективность исследования. Комплексные исследования велись специалистами в области археологии, палеоботаники, палеозоологии, четвертичной геологии и др. наук. Использовались следующие теоретические, методические и научно-практические разработки современной археологической науки: анализ окружающей среды, в том числе палинологическое и гранулометрическое изучение культурных слоев, сравнение топографического положения памятников, их географических особенностей; геолого-стратиграфическое обоснование относительного возраста культурных слоев, определение их абсолютной хронологии по результатам радиоуглеродного, в том числе акселераторного масс спектрометрического датирования в лабораториях России и США; компьютерное моделирование археологических объектов раннего неолита; морфологический, технико-типологический, морфометрический, статистический анализы артефактов; историко-сравнительный анализ и реконструкция древних культурных процессов в островном мире Охотского и Японского морей; историографический анализ, выделение этапов исследования и определение ведущих концепций.

В результате исследований последних лет принципиально изменилась источниковая база изучения раннего неолита острова Сахалин. Материалы новейшего изучения опорных ранненеолитических объектов острова позволили создать периодизационную модель и выделить археологические критерии основных этапов раннего неолита островного мира дальневосточных морей. В работе приводятся также новейшие данные смежных дисциплин по раннему голоцену региона, включая данные радиоуглеродного датирования и палинологического анализа. Эти данные позволили уточнить хронологические границы раннего неолита и его этапов. В монографии, в рамках существующей концепции каменного века Сахалина [Василевский, 2008], предлагается расширенный взгляд на ряд теоретических положений, изложенных ранее. В частности, на конкретных материалах доказано наличие обменной деятельности в экономике ранненеолитических социумов Сахалина и Хоккайдо, обоснована возможность применения к ним терминов «оседлое проживание» и «морская адаптация».

Основой для данной работы послужили материалы полевых и камеральных исследований автора и коллектива Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и Сахалинского государственного университета. В период с 2005 по 2008 г. автором проведены археологические раскопки опорных памятников раннего неолита на Сахалине: Пугачево-1, Славная-4, Славная-5. Общая площадь раскопов на этих объектах составила 1288 м². Получены и проанализированы коллекции артефактов общим числом более 6000 единиц. Кроме того, в монографии рассматриваются опубликованные материалы, коллекции и отчеты о раскопках ранненеолитических объектов Одопту-2, Стародубское-3, Поречье-4, Набиль-1, а также материалы подъемных сборов из многочисленных местонахождений. Всего в работе использована информация о 40 ранненеолитических

объектах, известных в настоящее время на острове Сахалин. Автор изучал также коллекции артефактов и отчеты по исследованию памятников начального и раннего неолита в фондах Сахалинского областного краеведческого музея и его филиалов в районах области, в Хабаровском краеведческом музее им. Гродекова, в Центре сохранения культурных остатков и в Музее Хоккайдского госуниверситета г. Саппоро (Япония).

Основные положения и выводы, представленные в данной работе, нашли отражение в научных отчетах о полевых исследованиях, публикациях и докладах автора на конференциях регионального, всероссийского и международного уровней, в том числе в Саппоро (2002, 2008), Ногликах (2006), Южно-Сахалинске (2006, 2007, 2009), Иркутске (2007), на XVII Всероссийском археологическом съезде в Суздале (2008). Помимо этого, данная работа представлена как докторская диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «археология» и защищена в докторской диссертационном совете при Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) в 2009 г.

Автор выражает глубокую признательность своему учителю А. А. Василевскому за неоценимую помощь и поддержку на всех этапах осуществления данного исследования. Хочется поблагодарить отдельно ученых Института археологии и этнографии СО РАН: А. П. Деревянко, М. В. Шунькова, В. Е. Медведева, А. В. Табарева, С. В. Алкина, принявших самое активное и живое участие в обсуждении данной работы, что позволило выполнить ее в русле традиций этой сильнейшей научной школы. Автор благодарен коллегам-археологам: А. Н. Попову, И. Я. Шевкому, А. В. Постнову, Т. И. Нохриной, А. А. Анойкину, А. И. Кривошапкину, К. А. Колобовой, Е. П. Рыбину, А. А. Цыбанкову, В. О. Шубину, О. А. Шубиной, Като Хирофуми, Амано Тэцуя, Оно Хироко, Кияма Кацухiko, Учияма Сачико и многим другим за помощь, искреннюю поддержку и участие. Отдельная благодарность специалистам естественно-научных дисциплин, принявшим участие в изучении новейших материалов стоянок раннего неолита Сахалина, – Я. В. Кузьмину, Л. А. Орловой, Н. А. Рудой, без результатов деятельности которых данное исследование было бы неполным. Хочется высказать самые теплые слова в адрес своих ближайших друзей и коллег – сотрудников Сахалинской лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и СахГУ и археологической экспедиции Сахалинского государственного университета: В. Д. Федорчука, А. В. Можаева, А. С. Перегудова, художника Н. В. Тороповой, выполнившей рисунки находок, представленных в иллюстративной части этой книги, а также в адрес всех участников раскопок и камеральной обработки материалов, положенных в основу данной монографии.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ РАННЕГО НЕОЛИТА ОСТРОВНОГО МИРА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (САХАЛИН, КУРИЛЫ, ХОККАЙДО)

1.1. Остров Сахалин

Археологические исследования острова Сахалин начинаются со второй половины XIX века и продолжаются до сегодняшнего дня, формируя научную историю края, обусловленную рядом особенностей, имеющего свои традиции. Истории археологических исследований на острове Сахалин посвящено множество работ. Главой или предисловием соответствующего содержания предварялись монографические работы по археологии острова [Козырева, 1967; Васильевский, Голубев, 1976; Голубев, Лавров, 1988; Васильевский, 2008], диссертационные исследования [Козырева (Чубарова), 1955; Шубин, 1977; Шубина, 1990; Васильевский, 1990; Васильевский, 2003], кроме того, истории археологических исследований посвящен ряд специальных статей [Голубев, 1989, с. 3–5; Шубина, 1992, с. 112–119; Плотников, 1994, с. 139–140; Прокофьев, Дедяхин, 1998, с. 163–167] и сборник библиографических очерков [Прокофьев, 2006].

Наиболее подробный обзор истории археологического изучения каменного века острова Сахалин с авторской периодизацией, основанной на критериях качественного состояния науки, предложен А. А. Васильевским [Васильевский, 2008]. В его диссертационном исследовании и монографии выделяется четыре этапа в истории археологических исследований на Сахалине:

1. 1868–1924 гг. – ознакомительный этап.
2. 1924–1968 гг. – этап сбора и систематизации информации на основе широких подъемных сборов и археологических раскопок.
3. 1968–1988 гг. – этап широких археологических исследований в рамках программ СО АН СССР, формирование региональной школы археологов и укрепление региональных археологических учреждений.
4. 1989–2003 гг. – современный этап, характеризующийся интернационализацией исследований и началом перехода к новой (информационной) археологии.

Данная периодизация, на наш взгляд, полностью соответствует современному уровню изученности вопроса и является наиболее современным подходом к истории исследования каменного века острова Сахалин. Вопросы истории исследования и историографии раннего неолита острова как частной проблемы раскрываются в настоящей главе, что обуславливается темой исследования.

Первые находки ранненеолитических артефактов сделаны на

острове Сахалин в первый (ознакомительный) этап археологических исследований острова и связаны эти находки с именем первого русского профессионального археолога, побывавшего и работавшего на острове, – Ивана Семеновича Полякова. В 1881–82 гг. И. С. Поляков вместе со студентом А. М. Никольским побывали на Сахалине по заданию Русского Географического Общества, где обследовали несколько древних памятников, в т. ч. Александровское городище и Сусуйскую стоянку. Среди находок, переданных им в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Санкт-Петербург), в свете темы настоящей работы особый интерес представляют артефакты из коллекции № 565, часть из которой собрана И. С. Поляковым в окрестностях поста Александровского – «концевой скребок высокой формы; три пластины из серого кремня, одна из которых обработана односторонней краевой ретушью с дорсальной стороны; пластинчатый отщеп черного обсидиана с ретушью от работы в качестве скребка или скобеля; небольшое теслецо удлиненно подтрапецевидной формы, трапециевидное в сечении, обработано оббивкой по краю и шлифовкой части поверхности и лезвия...» [Шубина, 1992, с. 112–119]. По мнению А. А. Васильевского, описанные выше изделия типичны для раннего неолита на Сахалине и предположительно могут быть отнесены к периоду 10–8 тыс. лет [Васильевский, 2003, с. 9]. Сам И. С. Поляков ограничился наиболее общей датировкой своих находок, определив их как «принадлежности каменного века» [Поляков, 1884. Цит. по: Шубина, 1992, с. 112–119], что в свете тогдашних представлений о Северо-Восточной Азии вообще и острове Сахалин в частности стало выводом этапным.

Второй этап в археологическом изучении острова, характеризующийся сбором и систематизацией информации на основе широких подъемных сборов и археологических раскопок, ознаменован исследованием памятников профессиональными археологами, выделением культур и керамических типов в широком хронологическом диапазоне от неолита до средневековья. Что касается раннего неолита, то исследование этого периода ограничилось обнаружением отдельных находок.

В первой половине XX века японские ученые, преимущественно из высших учебных заведений страны, в том числе такие блестящие историки, этнографы, археологи и антропологи, как Рюдзо Тории, Щубои Сёгоро, Киено Кендзи, отец и сын Коно (Цунэкити и Хиромити), Кодама Кенити, Баба Осаму, Ока Масао, Ито Нобую и др., провели систематические научные исследования в рамках комплексных государственных программ по изучению Хоккайдо, Курил, Сахалина.

В 1924 г. Коно Хиромити и Кимура Синроку открыли такие памятники каменного века, как Отонаока-чаши (Стародубское-3) и «Сонипастбище» (Кузнецово-3 и -4). Исследования на них носили характер разведки, однако полученный материал стал отправной точкой для первых крупных обобщений. На основе подъемных сборов на стоянке Сони талантливый молодой ученый из университета Тохоку (г. Сендай) Ито Нобую, командированный на Сахалин в 1930-х гг.,

выделил тип керамики Сони и высказал мнение о его большей древности по сравнению с керамикой сусуйского типа. Классификация археологической керамики, составленная и опубликованная Ито Н. в 1930-х гг. [Yoshizaky, 1963, с. 131–135], также подчеркивает этапный характер событий в археологии Сахалина 1930-х гг. Она и поныне не потеряла своей актуальности — ее до сих пор используют археологи Сахалина и Хоккайдо. В тот же период был сделан ряд находок, предвосхитивших успехи в изучении доисторического прошлого островного мира на тот период и, к сожалению, не до конца понятые современниками. Среди них ножевидные обсидиановые пластины, обнаруженные близ деревни Фукауми-Мерей (ныне п. Пригородное Корсаковского района), относящиеся, по-видимому, к раннему неолиту. Об этих находках сказано буквально следующее: «Находки из Мереи сделаны из обсидиана с красно-коричневыми прожилками. Они относятся к категории орудий, изготовленных из красивого сырья. Они большого размера, поэтому относятся к особому типу, отличаясь от обычных и большими размерами, и наличием рукояток. Материал — обсидиан, тот же, что и у скребков, которые, вероятно, изготавливались из таких ножевидных пластин. Обстоятельства находки неизвестны, известно лишь, что искали керамику, но не нашли, а нашли три пластины» [Нииока, 1977, с. 172. Цит. по: Васильевский, 2008, с. 22; Нииока, Утагава, 1990, с. 108–109]. В 2004 г. А. А. Васильевским, а также Сато Х. и Ш. Онуки на стоянке Пригородное-1 обнаружены артефакты ранненеолитического облика, в том числе нуклеус конического типа из обсидиана (колл. №! 652, фонды музея археологии СахГУ), возможно, данные находки имеют отношение к обнаруженным в первой половине XX века японскими исследователями, в этом случае удалось установить точное место находок, интриговавших исследователей в течение последнего времени.

Таким образом, на этапе сбора и систематизации информации в южной части острова Сахалин обнаружено несколько ранненеолитических артефактов, данные находки носили случайный характер и не были правильно оценены современниками. Исследования 50-х гг. XX века на острове, связанные с именем Риммы Васильевны Козыревой (Чубаровой), проводились на памятниках развитого, позднего неолита и последующих эпох. Сама Р. В. Козырева (Чубарова) в своих работах начинает древнейшую историю острова с эпохи развитого и позднего неолита [Козырева (Чубарова), 1955; 1967].

Археологическое изучение северной части острова, в силу причин политического характера, в первой половине XX века заметно отличалось по количественным и качественным показателям от археологии юга. Сказывалось отсутствие квалифицированных кадров, археологические исследования носили случайный и любительский характер. Тем не менее информация об археологии острова достигала научную общественность — в первом выпуске такого авторитетного издания, как «Советская археология», опубликована статья видного советского этнографа А. М. Золотарева о работах сахалинских краеведов Аюян и Медведева на неолитической стоянке в районе по-

селка Ноглики, кроме того, упоминаются поселения на р. Вал и др. [Золотарев, 1936, с. 273–274].

Первые находки изделий, характерных для пластинчатых комплексов, были сделаны одновременно с началом более или менее систематического изучения северного Сахалина. В 1965 г. сотрудница Южно-Сахалинского краеведческого музея В. В. Вязовская собрала на правом берегу р. Имчин (Ногликский район) коллекцию каменных изделий, среди которых были призматические ножевидные пластины, микропластины, двустороннеобработанные наконечники и резцы. В отношении этих находок автор высказала идею о том, что памятник отражает самую раннюю на тот период изучения стадию раннего неолита или мезолита, кроме того, В. В. Вязовская упоминает небольшое рубильце, дисковидный двусторонний нуклеус и скребло, характеризуя эти находки как «грубые орудия палеолитического типа» [Вязовская, 1973, с. 256]. Позднее коллекция и собственно памятник Имчин-1 стали предметом исследования и обсуждения в научных кругах за пределами Сахалина — А. П. Окладников и Р. С. Васильевский высказались о ранненеолитическом или финальномезолитическом возрасте находок [Окладников, 1977, с. 119; Васильевский, 1979], особое мнение (по сообщению В. В. Вязовской) высказал Ю. А. Мочанов, подчеркивая близость материалов Имчина к мысахтахской культуре [Вязовская, 1973, с. 257].

Таким образом, в результате деятельности профессиональных археологов и краеведов-любителей на ознакомительном этапе и этапе сбора и систематизации информации обнаружен ряд артефактов ранненеолитического облика. Рубежным событием этапа стало обнаружение первой стоянки индустрии микропластин на острове и, что немаловажно, ее верная интерпретация В. В. Вязовской и оценка возраста. Итак, ранний неолит на севере острова был обнаружен, задачами следующего этапа стало обнаружение соответствующих комплексов в южной части острова, публикация материалов и корреляция с памятниками сопредельных территорий.

В рамках следующего этапа изучения археологии каменного века острова, и раннего неолита в частности, отмечаем появление двух научных центров изучения древностей Сахалинской области, первоначально в качестве любительских кружков, постепенно оформившихся в научные лаборатории на базе Южно-Сахалинского государственного пединститута (ныне Сахалинский государственный университет) и Сахалинского областного краеведческого музея. Немаловажное значение имеет и тот факт, что научное руководство над работами островных исследователей осуществлялось в Сибирском отделении АН СССР (Институт истории, филологии и философии, в настоящее время Институт археологии и этнографии (ИАЭТ СО РАН)).

В 1972–73 гг. стоянки на р. Имчин стали объектом изучения группы сотрудников лаборатории полевых исследований ИИФиФ СО АН СССР под руководством Р. С. Васильевского. На стоянке Имчин-1 заложен разведочный раскоп, на поселении Имчин-2 (на территории которого В. В. Вязовская в 1965 г. собрала коллекцию пластин) проведены подъемные сборы. Материалы исследований опубликованы

Р. С. Васильевским, В. А. Голубевым и Е. Л. Лавровым в работах разных лет. Р. С. Васильевский в статьях «Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине» и «Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей» [Васильевский, 1973, с. 127–133; 1979, с. 71–80] публикует материалы имчинских стоянок и выделяет имчинский бескерамический комплекс. В 1976 г. выходит монография Р. С. Васильевского и В. А. Голубева [Васильевский, Голубев, 1976], где публикуются материалы раскопок и подъемных сборов на имчинских стоянках. Важное значение, в свете темы настоящей работы, имеет корреляция «имчинского бескерамического комплекса» с «мезолитическими и докерамическими комплексами Дальнего Востока» и датировка «в пределах 6–7 тыс. лет» на «основе типологических сопоставлений» [Васильевский, 1973, с. 127–133; Васильевский, Голубев, 1976, с. 12].

Наиболее масштабные исследования имчинских памятников проведены археологическими экспедициями Сахалинского отдела географического общества СССР и Сахалинского областного краеведческого музея под руководством В. О. Шубина в период 1973–1984 гг. Исследованы методом археологических раскопок широкой площадью два поселения — Имчин-2 и Имчин-12, ставшие опорными памятниками имчинской неолитической культуры, выделенной Р. С. Васильевским и В. А. Голубевым [Васильевский, Голубев, 1976, с. 12], материалы которой легли в основу кандидатской диссертации О. А. Шубиной [Шубина, 1990; 1987]. В целом результаты раскопок жилищ на поселении Имчин-2 таковы: основываясь на анализе стратиграфии, археологического инвентаря и серии радиокарбоновых датировок, О. А. Шубина выделяет на памятнике разновременные комплексы в хронологическом диапазоне нач. IV – сер. I тыс. до н. э. [Шубина, 1987], объединенные в одну археологическую культуру эпохи неолита, причем определение «неолитическая» приведено в названии культуры, видимо, с целью отделить материалы, полученные в ходе раскопок жилищ на поселении Имчин-2, от более древних материалов подъемных сборов В. В. Вязовской, Р. С. Васильевского и В. А. Голубева. О. А. Шубина подчеркивает отсутствие признаков техники пластин в инвентаре имчинской неолитической культуры, хотя и признает отсутствие четкого разграничения культурных слоев на поселении Имчин-2 и композитный характер слоя, где «поздние жилые комплексы впущены в более древний культурный слой» [Шубина, 1987, с. 5]. Симптоматичной в этом ключе является находка конического микронуклеуса и микропластин на полу котлована, примыкающего к жилищу 20 на поселении Имчин-2.

Несколько иной взгляд на материалы памятников Имчин-2 и Имчин-1 предложен В. А. Голубевым и Е. Л. Лавровым в монографии «Сахалин в эпоху камня». Авторы основываются на материалах подъемных сборов разных лет, двух раскопов Р. С. Васильевского 1973 г. на поселении Имчин-2 и раскопа на стоянке Имчин-1. Развивая идеи Р. С. Васильевского, авторы отделяют материалы «имчинского бескерамического комплекса» от материалов имчинской неолитической культуры. Характеризуя его, авторы отмечают

две «явно разновременные традиции изготовления каменных орудий: раннюю галечную и более позднюю верхнепалеолитическую-мезолитическую» [Голубев, Лавров, 1988, с. 89]. Ранняя галечная традиция связывалась с предшествующим пластинчатому, эпилеваллуазскому этапу каменной индустрии, имеющему прямые аналогии в инвентаре стоянки Адо-Тымово¹, а на базе более поздней пластинчатой традиции прослеживается, по мнению В. А. Голубева и Е. Л. Лаврова (не исключая материального влияния), дальнейшее развитие сахалинского неолита.

В 1973 г. В. О. Шубин обнаруживает стоянку Такое-2 в Долинском районе (Южный Сахалин). Материалы стоянки представлены исключительно подъемными сборами и характеризуются микропластинчатым расщеплением, наличием орудий на пластинах и бифасах, отсутствием керамики в инвентаре. Материалы стоянки неоднократно публиковались, подвергались анализу и корреляции с комплексами сопредельных территорий. Часть коллекции опубликована Р. С. Васильевским и В. А. Голубевым в монографии «Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка)», где авторами высказано мнение о соответствии материалов Такое-2 стоянке Устиновка в Приморье и в докерамических культурах Японии. Но, учитывая широкий хронологический диапазон докерамических культур с пластинчатой техникой (от 8000 до 19 000 лет) и отсутствие стратиграфического контекста находок, авторы ограничиваются верхней датой для коллекции Такое-2, объединяя эти материалы с бескерамическим комплексом Имчин-1 в рамках докерамической культуры, «всесело стоящей на мезолитическом уровне» [Васильевский, Голубев, 1976, с. 16]. Интересен также, хотя и не бесспорен, вывод авторов об изолированности Сахалина и как следствие этого — возможность переживания здесь отдельных типов и форм орудий. Позже в статье «Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей» Р. С. Васильевский типологически разделил коллекцию Такое-2 на три группы изделий (А, Б, С), соотнеся их с периодизационными схемами развития докерамических культур Хоккайдо. В свете темы настоящей работы имеет важное значение вывод Р. С. Васильевского о близости материалов группы С из коллекции Такое-2 и некоторых орудий со стоянки Имчин-2 (нижний слой) с коллекцией стоянки Юбецу-Ичикава (о. Хоккайдо) [Васильевский, 1979, с. 78]. В. А. Голубев, Е. Л. Лавров в монографии «Сахалин в эпоху камня», развивая идеи Р. С. Васильевского и основываясь на его типологическом анализе коллекции, уточняют аналогии с японскими докерамическими комплексами и датировки групп. Так, группа А соотнесена авторами с поздней культурой

¹ В настоящее время палеолитический возраст галечных орудий и нуклеусов из Адо-Тымово и Имчин-2 оспаривается. См.: [Васильевский, 2008, с. 34–36].

Сиратаки возрастом около 12 500 лет, изделия группы В имеют мезолитический облик с тенденцией к миниатюризации изделий и соотнесены с этапом товарубецу возрастом 11 000–10 000 лет, наконец, группа С соотнесена с культурой татикава возрастом 9000–8000 лет [Голубев, Лавров, 1988, с. 140–141].

Особое место в археологии каменного века острова Сахалин занимает стоянка Сокол – первый стратифицированный объект эпохи палеолита – начального неолита на острове. Стоянка обнаружена в 1970 г. В. И. Зайцевым, в 1975–1976 гг. В. А. Голубев, позднее В. О. Шубин проводят на памятнике подъемные сборы, однако публикация материалов была отложена на несколько лет, до получения результатов раскопок.

Таким образом, рассмотренный период в изучении микропластиначатых комплексов отмечен следующими результатами и особенностями:

- Обнаружены стоянки с микропластиначатым расщеплением и присутствием следов техники пластин в инвентаре, на севере и юге острова.

- Первоначальная интерпретация Имчин-2 как мезолитической стоянки [Вязовская, 1973; Васильевский, 1973; Окладников, 1977] сменилась на определения «бескерамический комплекс», а затем «докерамический», распространившийся и на стоянки юга острова [Васильевский, 1979; Голубев, Лавров, 1988] по аналогии с японскими материалами. Тесная корреляция сахалинских верхнепалеолитических – ранненеолитических материалов с японскими схемами и как следствие этого – активное использование термина «докерамический», не характерного для советской историографии, является своеобразной ступенью в теоретическом обосновании материалов и становится отличительной чертой данного и следующего этапов изучения.

- Выводы исследователей относительно датировок, корреляций и интерпретаций инвентаря данных стоянок основывались исключительно на материалах подъемных сборов, поэтому задачей следующего этапа становится поиск и исследование стратифицированных объектов.

Следующим шагом в изучении пластинчатых комплексов острова стали работы Археологической лаборатории ЮСГПИ в 1978 г. под руководством В. А. Голубева. В ходе экспедиции 1978 г. на север острова обнаружены и проведены раскопки двух стоянок, в материалах которых отчетливо прослеживаются присутствие пластинчатых комплексов.

Стоянка Кадылань-2 (стрельбище) – на поверхности стоянки был заложен раскоп общей площадью 32 м². В ходе работ автором раскопок был выделен «единий культурный слой, который стратиграфически не разделяется» [Голубев, 1979]. Глубина раскопа около 40 см.

Материал представлен большим количеством отщепов, фрагментами и орудиями на пластинах (в т. ч. концевым скребком), бифасами. Пластины средние и мелкие до 6–7 см в длину, треугольные и трапециевидные в сечении, края пластин ретушированы мелкой отжимной ретушью с дорсальной части орудий. Бифасы треугольной

и овальной форм выполнены комбинацией крупной и мелкой отжимной ретуши. Основываясь на типологическом сходстве каменного инвентаря, В. А. Голубев относит стоянку Кадылань-2 к начальному этапу неолита [Голубев, 1979].

Стоянки Одопту-1–3 расположены в северной части косы залива Пильтун и приурочены к морской террасе 20 м цикла. На площади около 200 м² были произведены подъемные сборы (Одопту-1, -2), а в 150 м от этих местонахождений заложен раскоп площадью 96 м² (Одопту-3).

Коллекция со стоянки включает в себя нуклеусы конические и цилиндрические с отчетливыми негативами снятой микропластины.

Пластины и пластинчатые отщепы длиной до 8–10 см, некоторые фрагментированы, края пластин ретушированы мелкой отжимной ретушью с дорсальной части орудий, часть пластин обработана резцовыми сколами. Пластины трапециевидные и треугольные в сечении, отдельные экземпляры без граней, обработанные поentralной поверхности стекающейся ретушью.

Микропластины и микролиты представляют собой значительную часть коллекции, выделяется группа так называемых «ногтевидных» микропластиночек, снятых с конических нуклеусов, заостренных и изогнутых в профиле.

Автор раскопок видит типологическое сходство материала с Имчинскими стоянками и Устиновкой, упомянутая, однако, о мезолитических традициях в коллекции Одопту [Голубев, 1979].

На основании результатов работ предыдущих лет в 1979 г. выходит первая обобщающая статья по докерамическим памятникам Сахалина. Это упоминавшаяся выше работа Р. С. Васильевского [Васильевский, 1979, с. 71–80]. В ней опубликованы материалы памятников Такое-2, Имчин-1, Адо-Тымово, Сокол. Основная задача статьи – корреляция комплексов каменного инвентаря стоянок Устиновка, Такое-2, Имчин-1, Сокол, Хорокозава, Сиратаки, Татикарасюна.

В 1980 г. Сахалинский отряд Северо-Азиатской Комплексной экспедиции, в который вошли Р. С. Васильевский, В. А. Голубев, Е. Л. Лавров, провел раскопки стоянки Сокол [Лавров, 1984].

В 1983 г. В. А. Голубев с привлечением материалов со стоянок Адо-Тымово, Имчин-1 и -2, Одопту, Сокол и Такое-2 публикует статью, в которой предлагается сценарий неоднократного проникновения отдельных групп населения на остров [Голубев, 1983, с. 41–49]. Этот процесс, по мнению автора, происходил начиная с эпохи палеолита вплоть до ее финала и начала мезолита, причем автор настаивает на северном (через Амур) варианте заселения острова на всех этапах миграции. Относительно пластинчатых индустрий В. А. Голубев выдвигает идею становления и развития пластинчатой техники на Сахалине с сохранением воздействия материковых культур, в частности устиновской, и проникновением на остров Хоккайдо, где культура пластинчатых индустрий к VIII тыс. достигает наивысшего расцвета. В отношении более поздних неолитических культур Сахалина автор находится на позициях их автохтонности и развития на основе

докерамических комплексов. Опорными памятниками данной схемы миграций и существования пластинчатых индустрий в рамках острова Сахалин стали стоянки Одопту и Имчин-1, -2 на севере, Сокол и Такое-2 на юге острова. Таким образом, впервые на конкретном материале исследований был продемонстрирован сценарий культурно-исторических процессов на острове Сахалин в хронологическом диапазоне от 10 до 13 тыс. лет назад, в этом безусловная заслуга и значение данной работы. К слабым моментам этой схемы, безусловно, относится отсутствие абсолютных дат и четких стратиграфических условий для большинства опорных комплексов, что приводит к хронологической идентификации комплексов исключительно типологическим методом по аналогиям с, несомненно, лучше изученными памятниками Хоккайдо и материка.

В 1987 г. С. В. Горбунов публикует статью, которая была посвящена результатам работ археологической экспедиции Сахалинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 1980–1983 гг. [Горбунов, 1987]. В данной работе опубликованы материалы ряда местонахождений, в том числе со стоянки Славная-1, автор не конкретизирует оценки своих находок в плане общеархеологической периодизации, ограничиваясь термином «до-керамический» в их отношении и датировкой в широком диапазоне – от 19 000 до 8000 лет назад.

Свообразным итогом работ по изучению докерамического периода Сахалина стала монография В. А. Голубева и Е. Л. Лаврова «Сахалин в эпоху камня», вышедшая в 1988 г. Концептуальным стержнем работы стали идеи В. А. Голубева, озвученные в вышеупомянутой статье 1983 г. Кроме того, помимо ранее опубликованных материалов Сокола, Одопту, Такое-2 и др., в работе приводятся новые материалы подъемных сборов, составившие раздел «Отдельные местонахождения». Несомненно, обогатила монографию глава, посвященная палеогеографической и геологической характеристике острова Сахалин в позднем плейстоцене – раннем голоцене, и глава, посвященная корреляции сахалинских памятников с памятниками сопредельных территорий, где проведено теоретическое обобщение сахалинских материалов и приведена культурно-хронологическая схема в развитии «верхнепалеолитических» культур Сахалина. Логическим итогом монографии стала концепция «развития верхнепалеолитических культур» острова, разделенная на четыре этапа. В свете темы настоящей работы представляют интерес третий и четвертый этапы, обозначенные как «средняя» и «поздняя южно- сахалинские культуры», к среднему этапу авторы относят материалы стоянки Сокол (группа материала с «более поздними традициями» – Сокол II), группы В Такое-2 и имчинскую культуру (докерамический комплекс, выделенный Р. С. Васильевским), к позднему этапу относятся, по мнению авторов, группа С Такое-2, Одопту и Кадыланья. Этапы датированы 12 000 – 10 000 лет и 9000 – до появления керамики соответственно [Голубев, Лавров, 1988, с. 214]. Таким образом, произошло первое обобщение материалов работ 1965–1980 гг. и оценки исследованных ранее памятников изменились. Так, имчинская культура, заявленная

первоначально как финальномезолитическая – ранненеолитическая, отнесена авторами к средней южно- сахалинской верхнепалеолитической культуре с датировкой в 12 000–10 000 лет, в материалах же стоянки Одопту авторы отмечают некоторые неолитические черты, в том числе отсутствие клиновидных нуклеусов и крупных пластин, помимо этого, исследователи справедливо указывают на аналогии с материалами сумнагинской, вымыяхтской культур Якутии и ранненеолитического слоя Ушков-1 на Камчатке. Однако отсутствие в коллекциях тех лет главного критерия неолита – керамики, с одной стороны, и необоснованность эпохи мезолита на Дальнем Востоке, с другой, обусловили верхнепалеолитическую датировку с отсылкой на материалы Устиновки-1 как опорного памятника региона, всех комплексов Сахалина, содержащих в инвентаре элементы техники пластин. Данный вывод подтверждается и предложенной авторами схемой влияний на местные культуры в период существования пластинчатых индустрий. Так, мощным очагом пластинчатых индустрий выступает Устиновский комплекс, из которого, по-видимому, через р. Амур, миграционные волны достигали Сахалина и Хоккайдо, где на базе местных источников сырья (обсидиана) происходило развитие местных культур, заметно влиявших впоследствии на население южного Сахалина. Ярким примером такого влияния служит стоянка Сокол. Северный же Сахалин (имчинская культура, Одопту) испытывал влияния культур Северо-Восточной Азии. Таким образом, двумя факторами – хронологическим и влиянием, авторы объясняют различия в инвентаре микропластинчатых комплексов острова, помещая их в хронологические рамки от 12 000 лет до «появления керамики», но объединяя в рамках единой южно- сахалинской верхнепалеолитической культуры.

Итак, выходом в свет обобщающей монографии «Сахалин в эпоху камня» завершается этап широких археологических исследований каменного века в рамках программ СО РАН, формирование региональной школы археологов и укрепление региональных археологических учреждений. Следующий этап характеризуется углубленным и предметным изучением подразделений каменного века, именно в рамках этого этапа можно говорить о целенаправленном изучении периода раннего неолита, выразившимся в поиске и исследовании репрезентативных источников, что нашло свое отражение в специальной археологической литературе.

В 1989 г. начинаются исследования стоянки Поречье-4, проведенные в период с 1989 по 1992 гг. отрядом НИС ЮСГПИ (ныне СахГУ) под руководством А. А. Васильевского при участии группы российских и японских ученых – В. А. Голубева, Кимура Х., Цудзи С., Маэда У. и др. На стоянке в стратиграфических условиях обнаружен комплекс изделий, характерный, по оценке А. А. Васильевского, для поздней поры раннего неолита, сочетающий в себе технику отщепов и пластин, двусторонне и односторонне ретушированные орудия. Изначально (в первый сезон работ) материалы стоянки были отнесены к раннему голоцену без уточнения датировки по археологической периодизации [Васильевский, 1990], но после обнаружения в слое ке-

рамики автор делает уверенный вывод о ранненеолитическом, а не мезолитическом характере стоянки [Василевский, 1996, с. 26–30]. Данный вывод подкрепился и результатами раскопок многослойного поселения Стародубское-3 в 1990 г. В результате этих раскопок А. А. Василевским выделены два ранних горизонта заселения поселения: горизонт 1 – верхнепалеолитического облика и ранненеолитический горизонт 2 (А) [Василевский, 1991, с. 62–68]. В чистом виде данные комплексы прослеживаются только в межжилащном пространстве. Главным маркирующим элементом ранненеолитического горизонта автор считает серию наконечников стрел на пластинах, коррелирующих с подобными изделиями на мезолитических и ранненеолитических памятниках Алтая, Приангарья, Приамурья, Якутии, а также на стоянках Хигаси-Кусиро и Юбецу-Ичикава на Хоккайдо.

Помимо работ А. А. Василевского в данном направлении необходимо отметить также находки руководителя краеведческого клуба «Абориген» С. В. Горбунова. В частности, в 1984 г. им был обнаружен, а в 1989 г. заложен разведочный раскоп на стоянке Пугачево-1 (пункт 1). В 1985 г. им же совместно с В. Я. Горобцом обнаружены стоянки Олимпия-1–3, где произведены подъемные сборы. Полученные материалы из Олимпии были опубликованы гораздо позже [Горбунов, Горбец, 1991, с. 84–90], а материалы раскопок Пугачево-1 опубликованы частично [Горбунов, 1996, с. 83–101]. В отношении интерпретации этих материалов С. В. Горбунов придерживался мнения о возрасте в 12 000–10 000 лет [Горбунов, 1990, с. 135–142], условно именуя их «донаеолитическими». В средней части острова Сахалин (Тымовском и Смирныховском районах) С. В. Горбуновым обнаружен ряд местонахождений с артефактами ранненеолитического облика – стоянки Белое-2, Адо-Тымово-2, пещеры Медвежьих трагедий, Зигзаг, Останцевая [Горбунов, 2000; Алексеева и др., 1996, с. 350–353; Пантелеев, 1997, с. 281–285; Алексеева, Горбунов, Пантелеев, 2000, с. 111–114]. Со стоянки Адо-Тымово-2 получена коллекция орудий на пластинах и ранней керамикой, а также радиоуглеродная датировка: 8 780±135 лет [Горбунов, 2000, с. 267], что вводит данный памятник в круг репрезентативных источников.

Таким образом, к началу 90-х гг. XX века были обнаружены стратифицированные объекты с ранней керамикой, серией наконечников стрел на пластинах и ярко выраженной техникой микропластинчатой техникой расщепления. Эти находки позволили обосновать условия перехода от палеолита к неолиту на островных территориях и выдвинуть критерии эпохи вообще и периодов неолита в частности, включая начальный и ранний, что и было сделано позже в цикле работ А. А. Василевского, посвященных данной проблематике.

Новые подходы к изучению каменного века острова Сахалин были озвучены А. А. Василевским в статье «Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной сущности (о. Сахалин, эпоха первобытности)» [Василевский, 1993, с. 56–67]. В данной работе впервые был озвучен взгляд на историко-культурные процессы на Сахалине в эпоху первобытности с

позиций географического детерминизма. Так, под влиянием прежде всего ландшафтных, климатических и других природных факторов формируется два сценария протекания историко-культурных процессов. «Контактная зона» – сценарий связан с ролью острова в системе островных дуг – супермостов северо-западного сектора Тихого океана, «ниша стабильности» – сценарий связан с фактором островной изоляции. Для памятников переходного периода и начального неолита А. А. Василевский определяет следующие факторы, детерминирующие особенности историко-культурных процессов:

- «обсидиановый обмен» с культурами Хоккайдо;
- сохранение пластинчатой индустрии и наконечники стрел на пластинах;
- хозяйство, частично нацеленное на освоение водных ресурсов.

В 1993 г. экспедицией ЛАИ ЮСГПИ (ныне СЛАиЭ СахГУ) под руководством А. А. Василевского были обнаружены памятники Огоныки-5–8 в долине р. Лютога (Южный Сахалин), топография, стратиграфия и характер каменного инвентаря которых указывал на их верхнепалеолитический и начальненеолитический возраст. Раскопки 1994–96 гг. поселения Огоныки-5 выявили три стратиграфических горизонта, верхний из которых содержит артефакты, датируемые автором раскопок переходным периодом в рамках финала верхнего палеолита – начальной стадии раннего неолита [Василевский, 2003, с. 29]. Кроме этого, на террасах более низкого уровня в ходе той же разведки 1993 г. обнаружены еще два объекта, содержащих в раннеголоценовых отложениях артефакты начальной поры раннего неолита, – стоянки Огоныки-6 и Огоныки-7 «Мандаринка» [Василевский, 1997, с. 107–125]. Таким образом, в результате работ 1993–1996 гг. получены в стратиграфических условиях комплексы верхнего палеолита и начальной поры раннего неолита, что было новым шагом в изучении древних культур острова и позволило обозначить критерии переходного периода от палеолита к неолиту, что и было сделано в ряде последующих работ. Найдки в Лютожской долине заставили по-новому взглянуть на уровень изученности и информативности ранее исследованных памятников. Этой проблеме посвящена статья А. А. Василевского «Источники изучения позднеплейстоценовых – раннеголоценовых культур Сахалина в свете новых задач современной археологии Дальнего Востока России» [Василевский, 1996]. В ней ставится проблема низкой информативности источников (связанной с причинами в основном стратиграфического характера), которая наблюдалась до недавнего времени в сахалинском палеолитоведении, отсутствии разработанных теоретических подходов к обобщению источников. Автор справедливо указывает на терминологический разброс в характеристике исследованных памятников в 60–80-х гг. XX века. Решение проблемы низкой информативности предлагается в поиске новых памятников, не имеющих подобных проблем, и в качестве примера приводится поселение Огоныки-5. Кроме того, в статье намечаются дальнейшие направления исследований верхнего палеолита и раннего неолита Сахалина.

В период с 1996 по 2008 г. выходит ряд работ, посвященных

генеральной проблеме: периодизация, хронология, содержание и критерии эпох, периодов и этапов каменного века на Сахалине. Данная проблема рассматривалась, в том или ином аспекте, в ряде статей А. А. Васильевского и соавторов [Васильевский, 1996; 1999; 2000; 2001; 2002; 2004; Васильевский, Грищенко, 2002], главах обобщающей монографии по каменному веку Дальнего Востока [Vasilevski, 2006; Vasilevski, Shubina, 2006] и докторской диссертации А. А. Васильевского, опубликованной в виде монографии [Васильевский, 2008]. Относительно темы настоящей работы результаты этих исследований выглядят следующим образом:

- этап раннего неолита датируется от 9 до 7,2 тыс. лет назад;
- данный этап связан с увеличением количества населения в прибрежных районах и переходом к оседлости, что связано с постепенным внедрением цепи фиксирующихся инноваций и новаций неолита в материальной культуре и хозяйстве островных социумов;
- к концу этапа около 8–7,2 тыс. лет назад из континентальной части Дальнего Востока происходит быстрое и повсеместное распространение на восток культурного пласта, связанного с традициями изготовления наконечников стрел на пластинах.

Таким образом, на сегодняшний день в историографии изучения раннего неолита острова Сахалин выделяется следующий ряд проблем:

1. Проблема присутствия ранненеолитических памятников на Сахалине в целом решена. Ранний неолит аргументированно выделен как этап в общей периодизации каменного века острова.

2. Проблема низкой информативности отдельных источников решается путем поиска и исследования более информативных памятников методом археологических раскопок.

3. Проблема сущности этапа раннего неолита, в которой можно отметить следующие вопросы:

- внутренняя периодизация и хронология раннего неолита Сахалина;
- технико-типологические, экономические и социальные особенности переходного этапа от палеолита к раннему неолиту;
- правомочность применения термина «мезолит» к памятникам раннеголоценового возраста;
- появление ранней керамики и сосуществование различных керамических традиций в раннем неолите Сахалина;
- степень влияний сопредельных территорий в контексте распространения технологических, хозяйственных, культурных новшеств на определенных этапах периода.

1.2. Остров Хоккайдо

Изучение раннего неолита острова Хоккайдо началось во второй половине XX века в рамках изучения «культуры наконечников стрел на пластинах».

Первые находки этой оригинальной культуры были сделаны на

стоянке Син-ёсино (Урахоро) в 1934 г. Ёнетаро Сайто. В 1943 г., комментируя необычные для культур северной Японии находки наконечников стрел на пластинах, он высказал предположение о том, что эта «культура, возможно, распространялась из Азиатского материка через Сахалин на Хоккайдо» [Kimura, 1999, с. 6]. Однако приоритеты ученых до 70-х гг. ХХ века в изучении памятников каменного века Хоккайдо традиционно оставались за палеолитическими местонахождениями и дземонским кругом. Тем не менее в период с 40–70-х гг. ХХ века открыта серия стоянок, сформировавших основу представлений о раннеголоценовом этапе каменного века Хоккайдо. Это опорные памятники культуры наконечников стрел на пластинах – Юбецу Ичикава (1945), Каваджири (1958), раковинная куча Асахитокоро (1958), Тойсато (1950-е), Хигаси Кусиро II, III (1968), Син-ёсино (Урахоро) (раскопки Т. Натори в 1950 г.), Куёи В (1969), Асахигаока (1964), Хигасикагура (1951), Комаба-7 (1950).

Однако роль и значение материалов этих памятников станут ясны позднее, до 70-х гг. каменный век Северной Японии делился на два крупных периода: докерамический (палеолит и переходный этап) и керамический (Дзёмон). Эта схема нашла свое отражение в обобщающей монографии сибирских ученых «Культуры каменного века Северной Японии» [Васильевский, Лавров, Чан, 1982], а также во взглядах сибирской школы на материалы островных памятников [Васильевский, 1979, с. 71–80; Голубев, Лавров, 1988].

Начиная с 70-х гг. вышеуказанные памятники становятся объектом изучения методом археологических раскопок широкой площадью. Опорной стоянкой острова в силу своей изученности явился памятник Юбецу-Ичикава, материалы которого становятся известными и за пределами Японии. В результате раскопок на Юбецу-Ичикава и других стоянках получены данные, позволившие сформировать представление об оригинальной культуре каменного века Хоккайдо, характеризующейся развитой пластинчатой техникой, в некоторых случаях в сочетании с бифасиальной, наличием шлифованных тесел, наконечников стрел на пластинах, наличием керамики, полуподземных жилищ. Материалы культуры наконечников стрел на пластинах обобщены в итоговой монографии профессора Хоккайдского университета Хидеаки Кимура [Kimura, 1999]. В ней исследователь описывает памятники данной культуры на Хоккайдо и проводит параллели с известными материалами Северной Азии – в корреляционную сводку попали памятники и культуры Сахалина, Курил, Приамурья, Приморья, Якутии, Прибайкалья и Забайкалья, Китая.

Надо сказать, что сходство материалов Юбецу-Ичикава с Новопетровской культурой подмечено А. П. Деревянко в монографии «Палеолит Японии», там же он высказал идею об отличиях керамики Юбецу Ичикава от керамики культуры Дзёмон [Деревянко, 1984, с. 93]. Проблема определения места обнаруженных типов керамики с материалами культуры наконечников стрел на пластинах в периодизационных схемах керамических типов Хоккайдо вставала перед исследователями по мере накопления материалов. Одновременно с обобщающей монографией Х. Кимура в 1999 г. выходит статья Китозава Минору

[Китозава, 1999, с. 273–363], которая является своеобразной сводкой данных по находкам ранней керамики на Хоккайдо. Безусловно, данная статья носит обзорный характер, обобщающих периодизационных схем и датировок в ней не представлено.

Таким образом, период 70–90-е гг. XX века представлен широкомасштабными исследованиями памятников раннеголоценового возраста на Хоккайдо. В результате данные материалы обобщены в ряде работ, выделена «культура наконечников стрел на пластинах», имеющая аналогии в памятниках Северной Азии, выделено несколько новых типов керамики, отнесенных к периоду начального Дзёмана (initial Jomon), в т. ч. Тэннеру (Акацуки), Урахоро. Вместе с тем открытый оставался вопрос о датировке материалов их соотнесения с имеющимися культурно-хронологическими схемами археологии Хоккайдо.

Данные проблемы находят свое решение на современном этапе изучения культуры наконечников стрел на пластинах. Результаты, позволившие получить дополнительную информацию, достигнуты в результате широкомасштабных раскопок стоянок в районе г. Обихиро – Ячио А и Тайсё-2–7 [Obihiro..., 1990; 2006]. Масштабные раскопки (больше 10 тыс. м²) позволили получить разновременные комплексы, в том числе и жилища культуры наконечников стрел на пластинах с керамикой типа Тэннеру (Акацуки). Получена серия радиоуглеродных дат, надежно датирующих данный комплекс в диапазоне 8000–7500 некалиброванных радиоуглеродных лет назад [Obihiro..., 1990, р. 15], при калибровке даты данного комплекса удревняются в среднем на тысячу лет. Кроме того, в раскопах стоянки Тайсё выявлен более древний керамический комплекс, датируемый в диапазоне 12 000–12 500 лет назад [Obihiro..., 2006, р. 418–421]. Данный комплекс остродонной орнаментированной керамики отличается от типов керамики, характерных для культуры наконечников стрел на пластинах – плоскодонной с минимальной орнаментацией. По мнению исследователей археологического центра города Обихиро, данная керамика относится к древнейшему этапу керамического производства на Хоккайдо и соответственно выделяется отдельный период в системе периодизации каменного века острова – изначальный (Inspipient) Дзёмон [Obihiro..., 2008, р. 418–421]. Данная точка зрения нашла свое отражение и во взглядах отечественных исследователей [Шевкомуд, 2006, с. 324–327].

Таким образом, относительно темы данной монографии результаты работы археологов острова Хоккайдо выглядят следующим образом.

- Открыты и изучены методом широкомасштабных раскопок многочисленные комплексы каменного века острова.
- Комплексы, содержащие керамику, объединены в рамках оригинального образования (суперкультуры), получившего в японской историографии название эпоха Дзёмон (Jomon djidai).
- В результате работ второй половины XX – нач. XXI века в Дзёмане Хоккайдо выделены два этапа – изначальный (Inspipient) и начальный (Initial), соответствующих начальному и раннему не-

олиту сопредельных территорий (Приамурье, Сахалин), археологи которых используют европейскую археологическую периодизацию.

В качестве перспективы исследования начального Дзёмана Хоккайдо можно отметить проблему внутренней периодизации этапа, проблему неоднородности комплексов начального Дзёмана, содержащих как различные керамические типы, так и принципиально различающиеся традиции расщепления камня: пластинчатую и бифиально-отщеповую.

1.3. Курильские острова

Археологическое изучение Курильских островов начинается в конце XIX века, однако до последней трети XX века нижней хронологической границей памятников, исследованных на островах, являлась южно-курильская неолитическая культура, датированная концом II–I тыс. до н. э. [Голубев, 1972, с. 17]. Первые находки артефактов ранненеолитического облика были сделаны на острове Итуруп в 1989 г. студентами исторического факультета ЮСГПИ (ныне СахГУ) О. А. Чанцевым и А. В. Фетисовым на стоянке Китовое-1 [Чанцев, Фетисов, 1989, с. 30–31]. Позже данные материалы определены профессором Хоккайдского университета Х. Кимура как соответствующие комплексу керамики типа Урахоро [Kimura, 1999, р. 141].

В 1990 г. Ю. В. Кнорозовым (Институт этнологии и антропологии АН СССР) на том же острове, на стоянке Янкито-1, также была обнаружена керамика Урахоро [Прокофьев, 2003, с. 89–94]. Позднее к материалам Янкито-1 обратился Я. В. Кузьмин, бывший участником экспедиции Ю. В. Кнорозова. На основе радиоуглеродной датировки образца угля из слоя с керамикой Урахоро 6980 ± 50 лет назад он высказал мысль о принадлежности стоянки к раннему неолиту, правда, с известной долей условности в силу его (памятника Янкито-1) слабой археологической изученности и неясности в вопросе соотнесения артефактов и полученной даты [Кузьмин, 2005, с. 109]. Камеральное изучение и публикацию коллекций Ю. В. Кнорозова с Янкито-1 и полевое изучение стоянки провела сотрудник Музея антропологии и этнографии им. П. Великого О. В. Янишина, которая не опровергла раннедзёменскую интерпретацию коллекции, но указала на сходство керамики Янкито с керамикой осиповского круга [Янишина, 2006, с. 337–339].

Таким образом, в настоящий момент в вопросе изучения раннего неолита Курильских островов сложился следующий круг проблем:

- обнаружение ранненеолитических памятников с пластинчатой индустрией, характерных для данного периода островов Сахалин и Хоккайдо;
- четкая корреляция курильских материалов с результатами сопредельных территорий с целью исключения терминологической путаницы, возникшей в связи с использованием российской и японской периодизационных схем в обозначении данных материалов, например, стоянки Янкито-1.

В целом можно констатировать открытость вопроса раннего неолита Курильских островов и перспективу в связи с материалами со предельных территорий, обнаружения памятников данного периода.

1.4. Основные историографические проблемы изучения раннего неолита островного мира Дальнего Востока

В результате более чем столетней истории изучения каменного века островного мира дальневосточных морей в вопросе исследования периода раннего неолита сформировался следующий круг проблем и проблемных вопросов:

1. Проблема присутствия ранненеолитических памятников в регионе решена. Ранний неолит (или его аналог — начальный Дзёмон Хоккайдо) аргументированно выделен как этап в общей периодизации каменного века.

2. Проблема низкой информативности отдельных источников решается путем продолжающихся исследований более информативных памятников методом археологических раскопок широкой площадью.

3. Наиболее остро стоит проблема содержания этапа раннего неолита, в которой можно отметить следующие вопросы:

- внутренняя периодизация и хронология периода;
- синхронизация ранненеолитических культур региона;
- влияние и связи групп населения в регионе в свете распространения инноваций и освоения экологических ниш и ресурсных баз.

4. Проблема разделения комплексов начального и раннего неолита — создание четких комплексных критериев данных периодов неолита.

5. Проблема правомочности применения термина «мезолит» к памятникам раннеголоценового возраста.

ГЛАВА 2 ПАМЯТНИКИ РАННЕГО НЕОЛИТА ОСТРОВА САХАЛИН

2.1. География, топография и стратиграфия

Географическое положение памятников раннего неолита обусловлено особенностями ландшафта островной экосистемы и особенностями стратегии адаптации изучаемого периода на о. Сахалин. Всего по географическому принципу выделяется три типа памятников, расположенных в южной, средней и северной части острова (рис. 1):

- прибрежные стоянки и поселения, расположенные на морском берегу (приуроченные преимущественно к берегам заливов и лагун);
- памятники, удаленные от морского побережья (расположенные в речных долинах);
- памятники горных районов.

Первая группа — памятники приморской ориентации, приуроченные преимущественно к берегам заливов и лагун (Терпения, Невское, Ныйво, Пильгун). На территории острова обнаружены и исследованы следующие объекты, относящиеся к данной группе поселения: Славная-4 и Стародубское-3, стоянки Поречье-4, Славная-5, Бердянские озера-2, Ныйво, Одопту-2, Бивачное-1, Незаметное-1. Данные памятники располагаются на 7–15-метровых террасах, расстояние до современного берега моря составляет до 1 км.

Группа два — памятники, расположенные в речных долинах. Стоянки и поселения данной группы приурочены к крупным речным водотокам — реки Вал, Уанга, Набиль, Тымь, Пугачевка, Сусуя. Памятники расположены на речных террасах разного уровня высотой от 5 до 110 м как в нижних, так и в средних течениях рек. Опорными памятниками данной группы являются стоянки Пугачево-1, Адо-Тымово-2, поселение Набиль-1, стоянки Белое-2, Хунмакта-1, Вал, Новоалександровск-1.

Группа три — стоянки горных районов. Это пещерные комплексы и стоянки открытого типа, исследованные С. В. Горбуновым в Смирныховском районе, — Пещера Медвежьих Трагедий, Зигзаг, Останцевая.

Таким образом, отметим, что стоянки периода 8000–7200 тыс. лет характерно располагаются в широких и узких речных долинах, на равнинах и в горных условиях, а также на прибрежных террасах морских заливов и лагун эпохи раннего голоцена. Они обнаружены во всех без исключения районах Сахалина, что позволяет предполагать многочисленность населения по сравнению с эпохой верхнего палеолита. Они, вероятно, вели подвижный образ жизни, который предусматривал откочевки по маршрутам от морского побережья, где

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
	слоя у подножия и террасы и в скобках, для основной площадки стоянки)					
13	Белое-2	18	18–20	Больше 350	Больше 1000 (до речной поймы – 200)	Суглинок грязно-желтого цвета
14	Адо-Тымово-2	110	110	До 10	150–180	—
15	Джимдан-5 и Горелый-1	28	—	—	450	Коричневый суглинок
16	Набиль-1	—	4	—	70 – до реки 7000 – до побережья залива	Суглинок коричневого цвета
17	Даги-7	—	5	—	800	Супесь бурого цвета
18	Хунмакта-1	—	4	—	До 50	—
Памятники горных районов						
19	Пещера медвежьих трагедий	120	580	—	40 000	—
20	Пещера Останцевая	120	470	—	40 000	Щебенка, известняк, сильно гумусированная почва черного цвета и суглинки от белесого до светло-коричневого цвета
21	Пещера Зигзаг	—	—	—	40 000	Суглинок серовато-желтого цвета

Несмотря на то, что известные нам памятники раннего неолита Сахалина расположены в разных географических условиях, существует одна особенность, характерная для всех объектов. Это прежде всего — приуроченность к крупной нерестовой реке или морскому побережью. Крупная нерестовая река или море в данном случае выступает как крупный ресурс, на эксплуатацию которого направлена деятельность коллектива. В качестве такого же по значению ресурса могут

обустраивались оседлые поселения до верховьев речных долин, в которых существовали временные охотничьи лагеря и стоянки-мастерские. Такая вариабельность стратегий расселения объясняется переходным характером экономики в условиях кризисных изменений среды. Все приведенные факты прямо указывают на многопрофильный характер экономики ранненеолитических коллективов, которые в поисках пищи осваивали все виды ландшафтов.

Таблица 1

Топография памятников раннего неолита на о. Сахалин²

№ п/п	Памятник	Высота над уровнем (м)		Расстояние до (м)		Вмещающий слой
		ручья	моря (реки)	оврага	моря (реки)	
1	2	3	4	5	6	7
Памятники приморской ориентации						
1	Озерск-2	3	5	150	480	Суглинок коричневого цвета
2	Славная-1	8	10	300	250	—
3	Славная-4	4	13	50	430	Суглинок коричневого цвета
4	Славная-5	7	14	120	350	Суглинки коричневого и горчичного цветов
5	Стародубское-3	2–4	10	30	760–1400	Супесь коричневого цвета
6	Поречье-4	—	12	—	800	Супесь коричневого цвета
7	Бердянские озера-2	3	4	160	6000	Ожелезненный песок
8	Бивачное-1	7	8	25	100	Супесь коричневого цвета
9	Одопту-2	20	20	20	200	Песок темно-коричневого цвета
10	Незаметное-1	—	12	—	300	Супесь бурого цвета
Памятники речных долин						
11	Новоалександровск-1	4	4	300	Около 1000	—
12	Пугачево-1 (высоты даны для участка культурного	1 (7)	7 (14)	40	150 – до реки 3000 – до моря	Суглинки коричневого и горчичного цветов

² В таблице представлена информация об опорных объектах, по которым имеется необходимый массив данных.

выступать и источники минерального сырья и места охоты на зверя. В топографическом аспекте данная ситуация выражается в расположении памятников раннего неолита на поверхности второй и третьей террас высотой в среднем 10–15 м над уровнем моря или крупной реки, обычно рассеченной оврагами глубиной до 8–6 м. Сами стоянки и поселения, как правило, занимают пологие или слабонаклонные сухие площадки. Из приведенных данных видим, что топография памятников раннего неолита на острове имеет следующие особенности.

- Памятники приморской ориентации и речных долин, за исключением отдельных стоянок, занимают террасы 8–15-метрового цикла, возраст которых соответствует плейстоцену, так как голоценовые отложения (по А. Н. Александровой) слагают первые надпойменные террасы высотой 5–8 м и морские террасы высотой 3–5 м [Александрова, 1982, с. 80].

- Отдельные памятники (Набиль-1, Бердянские озера-2, Хунмакта-1, Новоалександровск-1) располагаются на террасах четырехметрового уровня, что объясняется индивидуальными условиями рельефообразования в каждом конкретном случае.

- Особая топографическая ситуация в силу особенностей формирования карстовых полостей наблюдается на пещерных памятниках горных районов.

Стратиграфия

Исследования на побережьях и в речных долинах показали, что известные нам памятники раннего неолита залегают, как правило, в покровных отложениях на глубине от 10–15 до 50–80 см. Типичной и показательной в этом смысле является стратиграфия поселений Славная-4, Стародубское-3, стоянок Славная-5, Пугачево-1, Поречье-4. Общим для всех этих памятников является приуроченность находок к супесям и суглинкам темно-коричневого цвета. Эти супеси и суглиники обычно подстилают вышележащие слои современной почвы, включая гумус с подзолистым горизонтом выщелачивания, а залегают на тяжелых светло-коричневых суглинках горчичных и белесых оттенков, включающих на опорных разрезах Огоныки-5, -8, Олимпия-5 артефакты верхнего палеолита [Василевский, 2003, с. 29]. В зависимости от генезиса подстилающих отложений вмещающие слои залегают на аллювиальных песках с гравием, делювиальных темно-пестрых либо светло-пестрых и голубых глинах, ниже которых обычно следует щебнистый цоколь. Более подробно стратиграфия каждого исследованного памятника будет описана ниже.

2.2. Памятники первого этапа раннего неолита

Стоянка Славная-5 – эталонный памятник первого этапа раннего неолита

Стоянка Славная-5 располагается в 2,5 км к югу от железнодорожной станции Дудино, в 350 м западнее берега Охотского моря

(рис. 2). Памятник обнаружен в октябре 2005 г. отрядом археологической экспедиции СахГУ. Стоянка расположена на морской аккумулятивной террасе 15-метрового цикла, прорезанной безымянным ручьем. Площадка полого-наклонная, поросла хвойным лесом, ограничена с юга оврагом и поймой безымянного ручья, с востока – болотистой низиной, с запада и севера – вышележащей террасой. Поверхность памятника частично нарушена строительной техникой (снят дерн, затронута верхняя часть покровных суглинков на глубину до 10 см). С целью изъятия из зоны строительной активности сохранившегося участка культурного слоя на памятнике отрядом археологической экспедиции СахГУ под руководством автора проведены спасательные раскопки [Грищенко, Можаев, 2006, с. 55–59; Грищенко, 2007; Грищенко, 2008, с. 288–296].

На всей площади раскопок верхний слой нарушен – проведена вырубка деревьев, корчевка и частичная нивелировка поверхности техникой на глубину до 0,1 м. Таким образом, гумус и часть покровных суглинков разрушены строительной техникой и образовали смешанный слой «наброса», разобранного в рамках слоя 1. Но процесс разрушения был остановлен, и слои 2 и 3 залегали *in situ*.

Принципиально на стоянке выявлено следующее чередование литологических слоев (рис. 3–4):

Слой 0 – мешанный строительной техникой слой гумуса и верхней части суглинка коричневого цвета – «наброс».

Слой 1 – гумус и подзол.

Слой 2 – мелкокомковатый тяжелый суглинок коричневого цвета, включающий линзы суглинка серого и бурого цветов, слой плотный, рыхловатый, структура однородная, во включениях – угли, в слое наблюдаются следы корней растений.

Слой 3 – суглинок горчичного цвета, плотный, тяжелый, вязкий, структура мелкокомковатая однородная, во включениях обломки угловатого щебня (среднего и мелкого), в слое наблюдаются следы корней растений. Сопровождается находками.

Слой 4 – суглинок горчичного цвета, плотный, тяжелый, вязкий, структура крупнокомковатая однородная, во включениях обломки угловатого щебня (среднего и мелкого). Находок и углей не содержит, обнаружены две проникшие находки в деформации слоя. Данный слой является основанием раскопа 1.

В вышеперечисленной пачке отложений выделяются следующие культурные горизонты.

Горизонт 1 – слои 0 и 1: гумус, подзол и наброс. Данный горизонт содержит незначительное количество артефактов (195 ед., 10 % от общего числа артефактов). Судя по положению и количеству находок в слое, весь материал горизонта 1 является проникшим из нижележащих слоев в результате антропогенного воздействия. Характер материала в горизонте 1 соответствует этапу раннего неолита острова (культуре наконечников стрел на пластинах). Наиболее ярко индустрию иллюстрируют орудия на длинных, средних и малых пластинах, уклонившийся скол – килевая часть конического нуклеуса параллельного принципа расщепления, поперечный скол – подправка

отжимной площадки с негативами параллельных снятий по фронту нуклеуса (скол-таблетка), односторонне и двусторонне выпуклые тесла с пришлифовкой рабочего края, в том числе одно желобчатое тесло, шлифованные стерженьки. В целом стратиграфическая ситуация, положение находок в слое и характер артефактов не позволяют выделять материалы первого горизонта из технико-типологического и стратиграфического контекстов горизонта 2, описываемого ниже. Деление пачки отложений стоянки Славная-5 несет не культурно-хронологический принцип, а стратиграфический. Таким образом мы отделяем материалы, переотложенные в слоях 0 и 1, от инситных в слоях 2 и 3.

Горизонт 2 – слои 2 и 3: суглинки коричневого и горчичного цветов. Артефакты в горизонте 2 залегали горизонтально и по всей толще, распространены по всей площади раскопа в виде отдельно залегающих артефактов и скоплений. Выделяется две концентрации скоплений артефактов в слое (рис. 5):

- концентрация 1 (кв. 70–79/30–39) «северная»;
- концентрация 2 (кв. 60–68/30–39) «южная».

Концентрации не имеют четко очерченных границ, пространство между ними также заполнено находками в меньшей степени интенсивности (рис. 3). Размеры концентраций 9x9 м (S – около 81 м² каждая), столбовых ям, очагов, следов котлованов не выявлено. Учитывая вышеизложенное, предполагаем, что вышеописанные концентрации являются зонами хозяйственной активности, не связанными с долговременными постройками, возможно – легкие летние жилища каркасного типа. В обеих концентрациях отмечаем сходный орудийный набор. Важным выводом из планиграфического анализа является то, что очертания концентраций скоплений артефактов накладываются друг на друга в слоях 2 и 3 – это говорит о единстве комплекса и правомочности объединения артефактов в единый горизонт.

Нуклеусы горизонта 2 (рис. 6–8) представлены изделиями для получения пластин параллельного принципа расщепления призматических и конических форм, а также заостренными кильевыми частями – уклонившимися сколами с конических нуклеусов. Для изготовления пластин и орудий использовался как обсидиан с месторождений острова Хоккайдо (55 % от общего числа артефактов), так и местные породы сырья. Наконечники метательных орудий представлены серией наконечников на пластинах (рис. 9). Данные изделия оформлялись на малых, реже – средних пластинах из кремня и обсидиана краевой дорсальной формообразующей ретушью – им придавалась приостренная форма, обычно с вогнутым основанием, уплощение и приострение жала могло производиться тонкой стелющейся ретушью с центра. Впрочем, оформление наконечника происходило и на фрагментированных пластинах, и на отщепах – в этом случае изделие обрабатывалось по периметру и с обоих фасов – в результате получилось двустороннеобработанное острие укороченных пропорций. Следующая серия орудий – ретушированные пластины (рис. 10–15). Наиболее распространенный тип – средние и малые пластины, ретушированные по обоим продольным краям. Причем ретушь с одного

края приостряющая (пологая и полукрутая), а с противоположного обычно крутая аккомодационная. Данное наблюдение наводит на мысль об использовании основной массы средних и малых пластин (рис. 14–15) в качестве вкладышей в составные орудия. Длинные пластины (рис. 10–11) не так распространены, как средние и малые (обнаружено 8 экз.), отмечаем все же их наличие и характерный прием вторичной обработки – удаление ударного бугорка подтеской с центра. Орудийный набор представлен ножевидными пластинами и комбинированными орудиями типа нож-скребок (рис. 11, 12), концевыми скребками (рис. 13/5–9), в меньшей степени резцами (диагональными и ступенчатыми) (рис. 13/1, 4) и остриями (рис. 13/2, 3).

Пластины длиной до 3 см (30 экз.) (рис. 14) представляют собой фрагментированные части средних и малых пластин. В целом, как и в коллекции Славной-4, отмечаем отсутствие регулярных приемов получения микропластин, выразившихся в отсутствии характерных торцевых клиновидных микронуклеусов, полученные микропластинчатые формы являются продуктом расщепления конических нуклеусов крайней степени редукции.

Особую группу изделий представляют шлифованные каменные стержни (4 экз.) (рис. 16/2–5), четырехгранные и круглые в сечении, с заостренными и ровными концами. Разность форм и размеров изделий наводит на мысль о их разной функциональной принадлежности. Подобные стержни могли использоваться в качестве грузил, цевья составного рыболовного крючка, членка для плетения сетей и т. д.

Рубящие и тесловидно-скребловидные орудия (рис. 17, 18, 19) представлены односторонне и двусторонне выпуклыми топорами и теслами линзовидными в поперечном сечении. В оформлении орудий использовались приемы оббивки и пришлифовки лезвия. Прием шлифовки использован с разной степенью вариабельности – от незначительной площади покрытия до формирования поверхности орудия. Ряд тесловидно-скребловидных орудий оформлен исключительно оббивкой без следов шлифовки. Хронологически и культурно идентифицирующим признаком является присутствие в коллекции желобчатых тесел, подробно описанных ниже в инвентаре памятника Славной-4. Всего обнаружено два экземпляра этих орудий, в слое (рис. 18/5) и в подъемных сборах на поверхности.

Орудия из галек представляют особую группу орудий с минимальной долей обработки. К данной группе относятся отбойники, песты, шлифовальные камни, а также рыболовное грузило из гальки с проточками-перехватами в проксимальной части (рис. 16/6). Эта находка является прямым и самым ранним на сегодняшний момент свидетельством рыболовства в неолите Сахалина.

Особенной находкой является украшение в виде шлифованного кольца из породы зеленоватого цвета (рис. 20/5). Данное изделие является довольно редкой для памятников этого возраста находкой неутилитарного назначения. Кроме того, оно имеет аналогии в ранненеолитических коллекциях острова (поселение Набиль-1, п. 2, Северный Сахалин) и сопредельных территорий (стоянка Юбецу-Ичикава, о. Хоккайдо).

Керамика в горизонте 2 представлена немногочисленной коллекцией (35 фрагментов, 1,8 % от общего числа находок) – это фрагменты боковых стенок и венчика сосуда. К сожалению, ни орнаментированных частей, ни тем более археологически целых сосудов получить не удалось, но по составу и степени обжига керамика не однородная. Выделяется группа из пяти фрагментов в кв. 30/73 пористой окатанной керамики с лакунами-порами от разложившегося органического отощителя. Такая керамика близка по внешнему виду к керамике типа Сони ранней поры среднего неолита. Другой тип (рис. 20/1–4) – более плотная, тонкостенная керамика с органической и минеральной добавкой в тесто, цвет черепка – черно-серый. Данная керамика отличается как от керамики типа Сони, так и от керамики типа Славная-4 с отпечатком раковины на дне. Так как пока нельзя сказать ничего определенного об орнаментации и форме сосуда со Славной-5, различия фиксируются в составе керамического теста: от ранненеолитической керамики поселения Славная-4 керамику со Славной-5 отличает меньшая степень минеральной примеси (тонкозернистого отсортированного песка), от керамики типа Сони – наличие минеральной и меньшая степень органической примеси.

Впущенный объект в горизонт 2. В основании слоя 2 – кровле слоя 3, в кв. 31–34/70–73 выявлен объект в виде пятна суглинка темно-серого цвета с включениями углей (рис. 21, 22). Пятно удлиненно-вытянутое очертаний с нечеткими границами и размерами 300 x 100 см, ориентированное по длинной оси на северо-восток – юго-запад. К северу от этого объекта в кв. 32/74, при разборе слоя 2, зафиксировано скопление камней (рис. 21/С). Разбор углистого заполнения пятна в кв. 31–34/70–73 производился в ходе раскопок слоя 3. В ходе разбора углистого заполнения зафиксировано скопление камней и несколько артефактов. По образцу угля в Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГиМ СО РАН Л. А. Орловой получена радиоуглеродная дата: 6 550±125 лет (СОАН–6686). Интерпретация данного объекта затруднена малым количеством информации, полученной в ходе раскопок органических остатков, кроме угольков в ходе промывки заполнения не обнаружено, однако, судя по характеру нарушения слоя и полученной радиоуглеродной дате, данный объект является следом более позднего события – проникновения в древний культурный слой, напрямую не связанный с основным комплексом стоянки, подтверждением этого является обнаружение в соседнем кв. 30/73 четырех фрагментов керамики типа Сони, относящейся к ранней поре среднего неолита юга Сахалина.

Итак, в результате раскопок стоянки Славная-5 исследован участок культурного слоя раннего неолита, связанный со слоями коричневого и горчичного суглинков.

Проведенный Н. А. Рудой³ палинологический анализ образцов из геологических отложений Славной-5 не противоречит раннеголоценово-

вой датировке отложений. В целом анализ спорово-пыльцевого спектра позволил Н. А. Рудой реконструировать в окрестностях стоянки Славная-5 в период накопления геологических отложений колонки развитие лесной растительности с преобладанием хвойных пород. Кустарниковый ярус представлен бересой и ольхой. Травянистый покров состоит из лесного разнотравья со значительным участием различных видов папоротников. Нижняя часть колонки отложений, возможно, соотносится с началом голоцена. Высокое содержание угольных частиц и отсутствие пыльцы и спор в этой части отложений может свидетельствовать о лесных пожарах в непосредственной близости стоянки Славная-5. Лесообразующей породой вышележащего горного пояса могла быть сосна (предположительно *Pinus pumila*), пыльца которой занимает значительное место в спорово-пыльцевом спектре. Повышение содержания пыльцы сосны в спектре отражается на отношении темнохвойных и светлохвойных пород, что может косвенно свидетельствовать о существовании более теплого и влажного климата в периоды, соответствующие глубинам 20 см и особенно 5 см. Предположить похолодание и некоторое иссушение климата можно в интервалах времени, соответствующих глубинам 25–30 см и 10–15 см.

Типологическая коллекция представляет собой единый комплекс артефактов, за исключением пяти фрагментов керамики Сони в кв. 30/73, который соответствует этапу заселения этой стоянки в период раннего неолита.

Особенностями каменного инвентаря коллекции являются:

- ориентация на импортное (с о. Хоккайдо) обсидиановое сырье;
- ярко выраженная техника пластин, базирующаяся на редукции конического нуклеуса параллельного принципа расщепления;
- преобладание средних и малых, при наличии длинных и микропластин;
- отсутствие бифасов и орудий на отщепах.

Ранненеолитическая керамика Славной-5 отличается по составу от керамики с оттиском раковины на дне, обнаруженной на поселении Славная-4.

Исходя из вышеупомянутых факторов, а именно – суглинки в качестве вмещающего артефакты слоя, преобладание обсидианового сырья, отсутствие бифасальной техники в оформлении орудий, керамика с органической и минеральной примесью, относим стоянку Славная-5 к первому этапу раннего неолита острова Сахалин и соответственно отмечаем ее более древний возраст по сравнению с ранненеолитическим горизонтом поселения Славная-4.

Стоянка Одопту-2

Стоянка Одопту-2 расположена в северной части песчаной пересыпи – косы залива Пильтун и приурочена к морской абразионной террасе 20-метрового цикла. Источником пресной воды для обитателей стоянки, по-видимому, служило пресное озеро, на берегу которого расположен памятник (рис. 23). В 1978 г. археологической экспедицией ЮОСГПИ (ныне СахГУ) под руководством В. А. Голубева

³ См. приложение.

на площади около 200 м² были произведены подъемные сборы и зачистка обнажения дюны, а в 150 м от этого местонахождения заложен раскоп площадью 96 м². Место сборов подъемного материала и зачистки получило название Одопту-1, а место раскопок — Одопту-2 [Голубев, 1979; Голубев, Лавров, 1988, с. 89–108]. В 2008 г. отрядом археологической экспедиции СахГУ проведено дополнительное обследование стоянки с целью определения современного состояния и границ памятника. В ходе обследования выяснилось, что стоянка Одопту-1 в настоящее время уничтожена морской абразией, а стоянка Одопту-2 сохранилась. С целью уточнения границ распространения культурного слоя стоянки в 130 м к югу от раскопа 1 в 1978 г. заложен шурф (рис. 24Б), в котором в стратиграфических условиях получен каменный инвентарь и отдельные фрагменты керамики. Таким образом, описывая коллекцию стоянки, мы опираемся на результаты работ как 1978 г., так и 2008 г., полагая инвентарь, полученный в обоих разрезах, единым комплексом стоянки.

Стратиграфия разрезов стоянки, по данным 1978 и 2008 гг., в целом идентична — артефакты залегают под дерном (рис. 24А) на глубине от 05–07 см до 10–12 см в слое темно-коричневого песка и подстилаются слоем морских отложений — светлым желто-коричневым песком.

Коллекция со стоянки включает в себя нуклеусы конические и цилиндрические с отчетливыми негативами снятых малых и микропластин. Пластины и пластинчатые отщепы (рис. 25/2–14) длиной до 8–10 см, некоторые фрагментированы, края пластин ретушированы мелкой отжимной ретушью с дорсальной части орудий, часть пластин обработана резцовыми сколами. Пластины трапециевидные и треугольные в сечении, отдельные экземпляры без граней, обработанные по центральной поверхности стелющейся ретушью. Особое значение имеет находка острия, оформленного на пластинчатом отщепе мелкой краевой дорсальной ретушью (рис. 25/1). Данная находка является реперной для идентификации памятников раннего неолита острова в контексте традиции изготовления наконечников метательных орудий на пластинах.

Микропластины представляют собой значительную часть коллекции, выделяется группа микропластинок, снятых с конических нуклеусов, — заостренных и изогнутых в профиле. Свидетельством связей обитателей стоянки с югом острова и о. Хоккайдо служит обнаруженная в шурфе 2008 г. микропластина из дымчатого обсидиана (рис. 25/7). Геохимическое исследование образцов обсидиана из раскопа 1978 г. стоянки Одопту-2 подтвердило их Хоккайдское происхождение [Гласкок и др., 2000, с. 99–106; Kuzmin et al., 2002, р. 741–749].

Керамика со стоянки Одопту-2 получена в шурфе 2008 г. в слое темно-коричневого песка совместно с орудиями на пластинах и кильевой частью (основанием) конического микронуклеуса. Всего обнаружено четыре фрагмента тонкостенной (до 5 мм) керамики с лакунами на внешней и внутренней поверхности от разложившегося органического отщепителя, в том числе фрагмент плоского прямого

венчика с орнаментом в виде горизонтальных бороздок-прочесов (рис. 25/15–16).

Датировка и выводы. Исследования 2008 г., в ходе которых в комплексе находок стоянки Одопту-2 удалось получить керамику, безусловно, конкретизируют датировку памятника, ранее датированного в хронологических рамках «от начала голоцене (от 8–9 тыс. лет) до начала эпохи неолита» [Голубев, Лавров, 1988, с. 108]. Основываясь на результатах раскопок стоянок раннего неолита на южном Сахалине (Славная-4, -5, Пугачево-1 и др.), можно уверенно отнести комплекс Одопту-2 к периоду раннего неолита, а учитывая отсутствие бифасиальной техники в оформлении орудий и, соответственно, господство пластинчатой технологии, можно предположить более древний возраст стоянки по сравнению с ранненеолитическими горизонтами памятников второго (позднего) этапа раннего неолита острова. Таким образом, стоянка Одопту-2 является в настоящий момент наиболее полно изученным памятником раннего неолита Северного Сахалина, что придает ему статус опорного комплекса региона означенного периода.

2.3. Памятники второго этапа раннего неолита

Стоянка Пугачево-1 — эталонный памятник второго этапа раннего неолита

Стоянка Пугачево-1 располагается в Макаровском районе Сахалинской области, на террасах 10–15-метрового цикла левого берега р. Пугачевка (рис. 26). Стоянка известна археологам с 1984 г. Именно тогда местный археолог-краевед С. В. Горбунов произвел в осьпи террасы 10-метрового цикла левого берега р. Пугачевка подъемные сборы и в 1989 г. заложил раскоп 1 площадью 20 м² на вышележащей площадке (пункт 1), откуда получена коллекция артефактов ранненеолитического облика, включающаяшлифованные тесла, изделия на пластинах и другой инвентарь [Горбунов, Федорчук, 2003, с. 388].

В период с 1998 по 2005 гг. памятник исследовался неоднократно в связи с активной хозяйственной деятельностью проекта «Сахалин-2». Сотрудниками археологической экспедиции СахГУ проведены исследования прилегающих террас, где обнаружен культурный слой, соответственно выделено три пункта, существенно расширивших территорию стоянки (рис. 26).

Выявленная площадь пункта 3 стоянки Пугачево-1 составляет около 5000 м². На части памятника площадью 220 м², попавшей в зону хозяйственного освоения, под руководством автора настоящей работы проведены раскопки (раскоп 2) [Грищенко, 2006; Грищенко, 2007, с. 179–186].

Раскоп 2 пункта 3 стоянки Пугачево-1 располагается на террасе 10-метрового цикла левого берега р. Пугачевка, у подножия (на удалении до 10–15 м от края) коренной террасы на заболоченном участке, в отложениях, вскрытых землеройной техникой.

Предполагаем, что это оползший участок культурного слоя либо заиленная часть стоянки на берегу древнего морского залива эпохи раннего голоценена.

Верхняя часть культурного слоя повреждена строительством на глубину до 10 см. Находки, залегавшие ниже, располагались *in situ*, в слоях плотного суглинка горчичного цвета, темно-коричневого суглинка, а также светло-пестрого суглинка с подмазками голубой глины, являющейся основанием раскопа. Пачка неповрежденных отложений разделена на горизонты снятия 2 и 3. Глубина залегания находок в слое 3 до 70 см от дневной поверхности.

Принципиально в раскопе выявлено следующее чередование литологических слоев (рис. 27):

Слой 1 – мешанный строительной техникой слой гумуса и верхней части суглинка коричневого цвета – «наброс»; 0–10 см.

Слой 2 – суглинок коричневого и светло-желтого оттенков с подмазками голубой глины, плотный, вязкий, структура однородная, во включениях обломки угловатого щебня (среднего и мелкого), в слое наблюдаются следы корней растений. Сопровождается находками; 10–15 см.

Слой 3А – верхняя часть слоя 3 – суглинок горчичного цвета с подмазками голубой глины, плотный, тяжелый, вязкий, структура мелкокомковатая однородная, во включениях обломки угловатого щебня (среднего и мелкого), в слое наблюдаются следы корней растений. Сопровождается находками; 20–25 см.

Слой 3В – нижняя часть слоя 3 – суглинок горчичного цвета со значительной долей голубой глины, плотный, тяжелый, вязкий, структура мелкокомковатая однородная, в слое наблюдаются редкие следы корней растений. Сопровождается находками; 20–25 см.

Слой 4 – глина голубого цвета с пятнами ожелезнения красно-коричневого цвета, плотная, вязкая, структура однородная, включения незначительны. Этот слой является основанием в данном раскопе. Находки в границах раскопа единичны, являются проникшими из вышележащих слоев.

Таким образом, в результате стратиграфических наблюдений мы приходим к следующим выводам:

во-первых, верхняя часть отложений переотложена, артефакты этого слоя (наброса) также являются переотложенными в результате современной деятельности человека;

во-вторых, существует проблема неоднородности второго стратиграфического горизонта, а именно – в его состав входят слои мягкого суглинка коричневого цвета и более плотного суглинка светло-желтого оттенка. Данные литологические единицы залегают на одном уровне, контактируя в нижней по склону западной части раскопа. Таким образом, плотный суглинок светло-желтого оттенка как бы сменяется мягким коричневым суглинком в нижней западной части раскопа. Причину такой метаморфозы можно объяснить смыслом по склону более поздних гумусированных средне- и позднеголоценовых суглинков. Однако более обоснованно объясняет эту ситуацию, на наш взгляд, предположение о воздействии на структуру и цветность слоя вышележащих болотных отложений. Подтверждением этого яв-

ляются многочисленные проявления в нижней по склону западной части раскопа заболоченности – линзы зелено-голубой глины и погребенного торфа, ожелезнение и т. д. Кроме того, в горизонте 2 артефакты отличаются однородностью, формируя один археологический комплекс.

Собственно культуросодержащими в раскопе 2 являются отложения суглинка коричневого цвета, плотного суглинка светло-желтого оттенка и тяжелого суглинка желто-коричневого (горчичного) цвета с подмазками голубой глины, последний разделен на два горизонта снятия. Артефакты, зафиксированные в этих слоях, находились *in situ*, а обнаруженные в гумусе и в основании раскопа – являются проникшими из выше- и нижележащих слоев. Причинами проникновения артефактов могут служить подвижки слоев, в т. ч. слабый естественный смык по склону, подтверждаемый наличием естественного обломочного материала, а также деятельность растений, что также подтверждается наличием линз смешанных слоев.

В целом по раскопу 2 отмечаем характерную для отложений изменчивость по цвету и структуре в рамках одной пачки. Это предполагает в свою очередь очень скрупулезную методику разборки слоя с постоянными наблюдениями за изменениями характера слоя. Этот принцип и был положен в качестве основной методической идеи раскопок.

Коллекция артефактов из раскопа 2 стоянки Пугачево-1 представляет собой однородный археологический комплекс позднего этапа раннего неолита со следующими особенностями.

- Сырьем для производства орудий служили в основном местные породы камня (аргиллиты, андезито-базальты, кремни, яшмоиды, роговики), импортные – вулканические стекла с месторождений острова Хоккайдо представлены в незначительном количестве: 5,1 % от общего числа артефактов.

- Нуклеусы и нуклевидные формы (5 экз.) представлены изделиями конических форм параллельного принципа расщепления, особенностью стоянки является то, что обнаруженные изделия находятся в крайней стадии редукции. Отмечаем также незначительное количество дебитажа в инвентаре.

- Бифасиальные изделия представлены листовидными наконечниками метательных орудий (рис. 28/10) и черешковыми ножами (рис. 28/11).

- Острия на унифасах (рис. 28/1–9). Обнаружены наконечники стрел на малых и средних пластинах с прямым и выемчатым основанием, а также на отщепах – форма изделиям придавалась краевой мелкой ретушью.

- Основную часть орудийного набора составляют изделия на пластинах (рис. 29) – резцы, проколки, концевые и боковые скребки, комбинированные орудия. Преобладают орудия на средних и малых пластинах, длинные и микропластины представлены по одному экземпляру. Выделяется группа ножей на пластинах и отщепах, представленных следующими типами: ножи с оформленными под рукоятью черешками (рис. 28/11, 29/6) и ножи с режущим краем в виде выступа-угла (рис. 29/9).

• Рубящие и тесловидно-скребловидные орудия (рис. 30) представлены уплощенными одно- и двусторонневыпуклыми формами с разной степенью шлифовки рабочего края. Имеются орудия без следов этого приема обработки (рис. 30/2, 6). Формой (изогнутой в плане), размерами и прекрасной шлифовкой выделяется топор из слоя ЗА (рис. 31) со следами неопределенного вещества черного цвета на поверхности предмета, возможно, это следы крепежной смолы.

Кроме каменных изделий в коллекции имеются три фрагмента пористой, толстостенной, со значительной долей органической примесью керамики, неидентифицируемой по культурным признакам из-за малых размеров.

К сожалению, в ходе раскопок угля в культурном слое стоянки не обнаружено, но из сохранившихся слоев, перекрывающих местами культурный слой, удалось получить две радиоуглеродные даты: $1\ 100 \pm 95$ лет (СОАН–6092) и $3\ 970 \pm 95$ лет (СОАН–6093), которые иллюстрируют стадии осадконакопления во время послефункционирования стоянки.

Итак, в результате раскопок стоянки Пугачево-1 исследован участок культурного слоя периода раннего неолита, связанный со слоями коричневого и горчичного суглинков. Тонкослоистый характер отложений, разная цветность суглинков, очевидная стратиграфическая последовательность, равно как и высота террасы, — все указывает на плавный, постепенный и, несомненно, древний характер формирования отложений на памятнике. Так как стоянка располагается у подножия террасы, имеет место незначительный смык отложений по склону. Взятые первоначально в качестве рабочей гипотезы предположения об оползневом характере слоя не подтвердились. Отложения залегают пачками на мощном слое голубой глины, аллювиальных отложений и делювиальных оползней в раскопе 1 не выявлено. Раскалывалась периферия стоянки, где слой залегает близко к поверхности.

Типологически коллекция представляет собой единый комплекс артефактов, который соответствует позднему этапу периода раннего неолита.

Особенностями каменного инвентаря коллекции являются:

- ориентация на местное каменное сырье;
- сочетание техники пластин с техникой бифасов и орудий на отщепах;
- преобладание средних и малых, при практическом отсутствии длинных и микропластин;
- характер инвентаря стоянки (преобладание орудий деревообработки и наконечников метательных орудий, минимальное количество керамики и незначительное количество дебитажа), а также стратиграфические условия залегания позволяют сделать вывод о том, что раскопом 2005 г. исследована часть древней прибрежной хозяйственной зоны.

Исходя из вышеперечисленных факторов, а именно преобладание местного каменного сырья, сочетание техники пластин с техникой бифасов и орудий на отщепах, преобладание средних и малых, при практическом отсутствии длинных и микропластин, относим инвен-

тарь стоянку Пугачево-1 ко второму (позднему) этапу периода раннего неолита острова Сахалин. Технологический комплекс стоянки имеет аналогии в исследованных памятниках раннего неолита юга Сахалина (Стародубское-3, Славная-4, Поречье-4).

Поселение Славная-4 — опорный памятник второго этапа раннего неолита — ранней поры среднего неолита

Поселение Славная-4 располагается в южной части острова Сахалин, в 400 м на запад от берега Охотского моря (рис. 2). Памятник обнаружен отрядом археологической экспедиции СахГУ в июле 2005 г. В октябре—ноябре того же года проведена разведка памятника: уточнены границы распространения культурного слоя, снят топографический план и выполнены спасательные раскопки останца культурного слоя, расположенного в зоне непосредственного разрушения проекта Сахалин-2 (раскоп 1, 2005 г.) [Грищенко, 2006].

Поселение Славная-4 расположено на морской аккумулятивной террасе 10–15-метрового цикла, прорезанной безымянным ручьем. Площадка полого-наклонная на восток, поросла хвойным лесом, ограничена с юга оврагом и поймой безымянного ручья, с востока болотистой низиной, с запада и севера — вышележащей террасой. В западной и восточной части трассы магистральных трубопроводов проекта Сахалин-2 сохранились значительные участки культурного слоя, не разрушенные строительной техникой. Основной задачей полового сезона 2006 г. стали археологические раскопки этих участков с целью их изъятия из зоны строительной активности.

В свете настоящей работы первостепенное значение имеет раскоп 2, расположенный западнее и выше по склону террасы на отметках 14 и 15 м над уровнем моря, именно здесь в стратиграфической последовательности удалось проследить соотношение комплексов культуры ранней поры среднего неолита ЮСНК — Сони и культуры наконечников стрел на пластинах раннего неолита, а также выявить ранненеолитические погребенные жилища.

Раскоп располагается на слабонаклонной с запада на восток поверхности морской аккумулятивной террасы. Предполагаем, что это участок культурного слоя поселения на берегу древнего залива эпохи раннего голоцен. На всей поверхности раскопа поверхностный слой был нарушен — проведена вырубка деревьев, корчевка и частичная нивелировка поверхности техникой на глубину до 0,1 м. Таким образом, гумус и часть покровных суглинков разрушены строительной техникой и образовали смешанный слой «наброса», разобранного в рамках слоя 1. Но процесс разрушения был остановлен, и последующие слои 2–5 залегали *in situ*.

Принципиально в раскопе выявлено следующее чередование литологических слоев (рис. 33–35):

Слой 0 — мешанный строительной техникой слой гумуса и верхней части суглинка коричневого цвета — «наброс» — 5–30 см.

Слой 1 — гумус и подзол — 0–5 см.

Слой 2 — супесь коричневого цвета, включающая линзы суглинка желтого цвета, слой рыхловатый, структура однородная, во включениях — угли, в слое наблюдаются следы корней растений — 10–40 см.

Слой 3 – мелкокомковатая тяжелая супесь темно-коричневого цвета, включающая линзы суглинка серого и бурого цвета, слой плотный, вязкий, структура однородная, во включениях – угли, в слое наблюдаются следы корней растений – 10–20 см.

Слой 4 – суглинок желто-коричневого цвета с серо-зелеными подмазками, плотный, тяжелый, вязкий, структура мелкокомковатая однородная, во включениях обломки угловатого щебня (среднего и мелкого) и угольки. Данный слой располагается в верхней части за-полнения погребенных жилищ 1 и 2 и является кровлей культурного слоя этих жилищ – 20 см.

Слой 5 – супесь темно-серого цвета с серо-зелеными подмазками, плотная, тяжелая, рыхловатая, структура мелкокомковатая однородная, во включениях угольки. Данный слой располагается на полу жилищных западин и является культурным слоем, накопленным в ходе функционирования погребенных жилищ 1 и 2 – 10 см.

Слой 6 – песок желто-коричневого и бордового цвета, плотный, сильно, до твердой корки, ожелезненный. Находок и углей не содержит. Данный слой является основанием раскопа 2.

В вышеперечисленной пачке отложений выделяются следующие культурные горизонты.

Горизонт 1 – слои 0 и 1: гумус, подзол и наброс. Данный горизонт содержит незначительное количество артефактов (200 шт. 4,29 % от общего числа находок). Судя по положению и количеству находок в слое, весь материал горизонта 1 является проникшим из нижележащих слоев в результате антропогенного воздействия. Характер материала в горизонте 1 соответствует как южно- сахалинской неолитической культуре Сони (ранняя пора среднего неолита): двустороннеобработанный наконечник и бифасиальный нож с черешком, массивный топор из плитки, керамика типа Сони, так и культуре наконечников стрел на пластинах, в этом отношении показательны орудия на пластинах, микропластинчатый нуклеус, односторонне и двусторонне выпуклые тесла с пришлифовкой рабочего края. В целом стратиграфическая ситуация, положение находок в слое и характер артефактов не позволяют выделять материалы первого горизонта из технико-типологического и стратиграфического контекстов горизонтов 2 и 3, описываемых ниже.

Горизонт 2 – слои 2 и 3: супеси коричневого цвета с включениями линз суглинков различной цветности. Материал в слое 2 концентрировался в центральной части раскопа в виде отдельно залегающих артефактов и скоплений. Всего в слоях 2 и 3 обнаружено 1723 находки, 36,9 % от общего числа находок (682 – в слое 2 и 1041 – в слое 3). Нуклеусы горизонта 2 представлены двумя типами изделий: нуклеусы для получения отщепов радиального принципа расщепления (3 экз.) и нуклеусы для получения пластин параллельного принципа расщепления (6 экз.). Последний тип представлен целыми нуклеусами призматических и конических форм, а также заостренными кильевыми частями – уклонившимися сколами с конических нуклеусов. В орудийном наборе преобладают двустороннеобработанные изделия. Технико-типологические особенности: бифасы уплощенные, обрабо-

танные приемами, сочетающими крупную формообразующую ретушь с мелкой подправкой рабочих краев. Типологически бифасиальные изделия представлены наконечниками метательных орудий и ножами. Наконечники обнаружены различных форм и размеров: от крупных листовидных клинов (до 10 см длиной) до мелких наконечников стрел треугольной формы с вогнутым основанием и двумя выделенными шпорами. Ножи также представлены различными формами, наиболее показательны черешковые ножи с продольно выпуклым (полукруглым) лезвием. Основная масса орудий в горизонте 2 – это орудия на отщепах и ретушированные отщепы (53 экз.). Данные изделия использовались в качестве ножевидных орудий и скребков, отщеп получался с дисковидного нуклеуса радиального принципа расщепления и после подправки ретушью рабочего края становился универсальным орудием. Рубящие и тесловидно-скребловидные орудия представлены односторонне и двусторонне выпуклыми топорами и теслами с разной долей шлифовки в обработке – от значительной до полного отсутствия и разной степени модифицированности обуха и лезвия. Еще одна категория – орудия из шлифованных галек, представлены: отбойниками, курантами, шлифовальными камнями, а также особой категорией орудий – шлифованными каменными стерженьками. В данном горизонте эта категория представлена только тремя изделиями, поэтому подробнее они будут описаны ниже.

Керамика горизонта 2 представлена фрагментами боковых стенок, донышками и венчиками сосудов. Фрагменты сосудов с толщиной стенки 7–9 мм, керамика пористая с кавернами от выгоревшего органического отощителя, на ряде фрагментов отмечается в центре излома полоса недожога. Сосуды плоскодонные с прямым венчиком, орнаментированы вертикальным лепным бордюром. Данная керамика известна на южном Сахалине с 30-х гг. XX века как тип Сони [Yoshizaky, 1963, р. 131–155], в российской историографии данная культура получила название южно- сахалинской неолитической культуры Сони [Василевский, 2008, с. 36–48].

Помимо керамики Сони, бифасов, орудий на отщепах и прочих вышеназванных категорий в орудийном наборе горизонта 2 прослеживается наличие ранненеолитического компонента: в каменном инвентаре в виде орудий на пластинах и ретушированных пластин-вкладышей, а также нуклеусов для получения пластин, в керамическом комплексе – в виде фрагментов сосудов с минеральной примесью и оттиском ракушки на дне (подробнее эта керамика будет описана ниже, в описании горизонта 3). Данные артефакты проникали в слой культуры Сони в связи с активной хозяйственной деятельностью ее носителей, не исключен также вариант вторичного использования ими отдельных, более древних орудий.

Таким образом, судя по положению и количеству находок в слое, артефакты горизонта 2 находились в слоях 2 и 3 *in situ*. В пользу этого утверждения говорят зафиксированное в раскопе горизонтальное положение артефактов и наличие скоплений и концентраций находок. Коллекция горизонта 2 соответствует ранней поре среднего неолита острова Сахалин – южно- сахалинской неолитической куль-

туре (ЮСНК) Сони (орудия на отщепах, бифасы, керамика типа Сони), с включениями ранненеолитических артефактов: нуклеусы и изделия на пластинах, ранненеолитическая керамика. Причинами такого соседства могут быть как естественное движение артефактов по слоям, так и нарушения нижележащего культурного слоя носителями культуры Сони, также не исключен вариант вторичного использования ими отдельных орудий раннего неолита. В рамках горизонта 2 стратиграфическая ситуация, положение материала в слое, характер находок позволяют считать слой 2 верхней частью культурного слоя ранней поры среднего неолита, слой 3 – нижней его частью. В целом горизонт 2 является первым (верхним) культурным горизонтом поселения Славная-4, связанным с культурой ранней поры среднего неолита ЮСНК – Сони.

Горизонт 3 – слои 4 и 5: суглинок желто-коричневого цвета и плотная, тяжелая супесь темно-серого цвета с серо-зелеными подмазками. Артефакты в горизонте 3 залегали горизонтально и по всей толще, распространены по всей площади раскопа в виде отдельно залегающих артефактов и скоплений. Выделяются три концентрации скоплений артефактов в слое (рис. 36):

- концентрация 1 (кв. 44–49/90–96), связана с погребенным жилищем 1, здесь обнаружены преимущественно фрагменты и скопления керамики ранненеолитического типа и каменные орудия на пластинах;
- концентрация 2 (кв. 34–38/89–91), связана с ямами периода Сони, впущенными в культурный слой раннего неолита, доказательством этого служит большое количество скоплений керамики и каменного инвентаря культуры Сони в этой концентрации;
- концентрация 3 (кв. 24–29/91–95), связана с погребенным жилищем 2, здесь обнаружены преимущественно дебитаж и каменные орудия на пластинах.

Таким образом, отмечаем планиграфическое деление материала на комплексы раннего неолита (погребенные жилища 1 и 2) и ЮСНК – Сони (межжилищное пространство). Наличие отдельных артефактов среднего неолита в заполнении погребенных ранненеолитических жилищ объясняем активной хозяйственной деятельностью носителей культуры ЮСНК–Сони, нарушавших нижележащий культурный слой поселения.

Нуклеусы горизонта 3 (рис. 37) представлены изделиями для получения пластин параллельного принципа расщепления призматических и конических форм, а также заостренными килевыми частями – уклонившимися сколами с конических нуклеусов. Для изготовления пластин и орудий использовались как местные породы сырья, так и обсидиан с месторождений острова Хоккайдо. Наконечники метательных орудий представлены сериями бифасиальных наконечников (рис. 39) и на пластинах (рис. 38). Данные изделия оформлялись на малых, реже – средних пластинах из кремнистых пород и обсидиана краевой дорсальной формообразующей ретушью. Им придавалась приостренная форма, обычно с вогнутым основанием, уплощение и приострение жала могло производиться тонкой стелю-

щейся ретушью с вентрами. Впрочем, оформление наконечника происходило и на фрагментированных пластинах, и на отщепах. В этом случае изделие обрабатывалось по периметру и с обоих фасов. В результате получалось двусторонне обработанное острие укороченных пропорций. Следующая серия орудий – ретушированные пластины (рис. 40, 41). Наиболее распространенный тип – средние и малые пластины, ретушированные по обоим продольным краям. Причем ретушь с одного края приостряющая, а с противоположного – обычно аккомодационного характера. Данное наблюдение наводит на мысль об использовании основной массы средних и малых пластин в качестве вкладышей в составные орудия. В подкрепление этого тезиса говорит находка единственного в своем роде орудия геометрически правильной трапециевидной формы, приданной ретушью по периметру изделия, а также пришлифовкой вентрами и дорсала (рис. 41/9), данное изделие с известной долей условности можно отнести к геометрическим микролитам. Отмечаем, что данное орудие является скорее исключением, тем не менее в контексте серии средних и малых пластин можно говорить о развитой вкладышевой технике. Длинные пластины не так распространены, как средние и малые, отмечаем все же их наличие и характерный прием вторичной обработки – подтеска ударного бугорка. Микропластины (10 экз.) представлены в основном фрагментами изделий. В целом отмечаем отсутствие регулярных приемов получения микропластин, выразившихся в отсутствии характерных торцевых клиновидных микронуклеусов, полученные же микропластинчатые формы являются продуктом расщепления конических нуклеусов крайней степени редукции.

Особую группу изделий представляют шлифованные каменные стержни (рис. 42), четырехгранные и круглые в сечении, с заостренными и ровными концами. Разность форм и размеров изделий наводит на мысль о их разной функциональной принадлежности. Подобные стержни могли использоваться в качестве грузил, цевья составного рыболовного крючка, членока для плетения сетей и т. д. Рубящие орудия представлены односторонне и двусторонне выпуклыми топорами и теслами (рис. 43/3–10; 44/1–9), линзовидными в поперечном сечении, а также массивными нешлифованными тесловидно-скребловидными орудиями (рис. 43/1–2). В оформлении орудий использовались следующие приемы:

- оббивка – данным приемом придавалась форма изделия, и в ряде случаев (рис. 43/1–2) дальнейшая обработка не производилась;
- шлифовка – этот прием использовался для приострения лезвия с обоих фасов изделия, в отдельных случаях шлифовалось не только лезвие, но и медиальная часть изделия;
- приострение лезвия продольными пластинчатыми сколами – данный прием, по-видимому, является своеобразной вариацией техники параллельного расщепления конических нуклеусов, так как лезвие тесловидного орудия после данной операции имеет вид фронтальной части нуклеуса (рис. 43/8);
- оригинальным способом оформления рубящих орудий является

проточки желобков на боковых гранях тесла (рис. 44/5). Данные желобки выполняли аккомодационную функцию, т. е. служили элементом крепежа тесла в муфте, кроме функциональной особенности этот прием имеет и типологическое значение — желобчатые тесла наряду с остриями на пластинах являются своеобразным индикатором комплексов раннего неолита Южного Сахалина и Хоккайдо.

Керамика в горизонте 3 представлена комплексом ранненеолитической керамики (рис. 45–48) — это фрагменты плоскодонных судов с толщиной стенки 6–7 мм, со слегка вогнутым венчиком. Керамика плотная, без каверн, с минеральной примесью. На внутренней и внешней поверхности сосудов наблюдаются процессы бороздки (рис. 45/1; 48/5) — вероятно, следы заглаживания. Венчик и стенки не орнаментированы, однако на донышках наблюдается характерный рельефный отпечаток — след от формовки сосуда на ребристой поверхности раковины моллюска (рис. 45/5; 47/4; 48/4). Данный прием известен в керамических комплексах памятников начального Дзёмона (Initial Jomon) о. Хоккайдо (Теннеру (Акацуки), Ятиё «А», Комаба-7) [Китазава, 1999]. Исходя из стратиграфического положения находок этой керамики, каменного инвентаря соответствующего ей (пластиначатый комплекс) и аналогов на сопредельном о. Хоккайдо, относим данную керамику к древнейшему эпизоду заселения поселения Славная-4, т. е. к периоду раннего неолита (культуры наконечников стрел на пластинах). В пользу древней, по отношению к комплексу ЮСНК–Сони, датировки керамики горизонта 3 говорят и результаты радиоуглеродного датирования⁴ нагара двух фрагментов данной керамики из слоя 4 и из слоя 5 (кв. 46/95), являющихся нижней частью заполнения и полом погребенного жилища 1 (рис. 46/3; 47/1; 51).

Помимо ранненеолитического комплекса культуры наконечников стрел на пластинах, в горизонте 3 присутствуют более поздние находки ЮСНК–Сони. Это бифасиальные орудия, орудия на отщепах и керамика типа Сони. Эти находки проникли в ранненеолитический горизонт в результате активности носителей культуры Сони, вторгавшихся в нижележащий культурный слой своими сооружениями — например, хозяйственными ямами, выявленными в раскопе 2 и связанными с вышеобозначенными находками культуры ЮСНК–Сони.

Погребенные объекты в раскопе 2. Погребенное жилище 1 (рис. 49–51)

Погребенное жилище 1 не имело никаких внешних признаков, обычно соответствующих древним жилищам: западина, обваловка. Котлован проявился в ходе разбора и зачистки слоя 5. Наши догадки относительно характера сооружения подтвердились после выявления системы столбовых ям, выбранных также в ходе разбора слоя 5. В

результате после расчистки заполнения и зачистки пола и плечиков выявилось следующее:

1. Жилище имеет форму четырехугольника, ориентированного углами по сторонам света.

2. Котлован вырыт в супеси коричневого цвета, в настоящее время ожелезненной до твердой корки. Возможно, в связи с процессами окисления, вымывания органики, локальных подвижек слоев пола жилища к моменту раскопок оказался неровным, бугристым.

3. Типологически это жилище относится к полуземлянкам, так как оно углублено в землю наполовину — не глубже 20–30 см. Обваловка не выражена.

4. Очажного пятна или других костровых конструкций не выявлено. Отдельные углы встречались в заполнении котлована и на полу жилища, но часть из них могла проникнуть позже — после функционирования жилища в связи с последующей деятельностью человека на поселении или корневой деятельностью растений.

5. На полу, в плечиках и в межжилищном пространстве выявлены столбовые ямы (рис. 51). Ямы, выявленные в основании жилища 1, позволяют реконструировать каркасную конструкцию из столбов и стропил, которая поддерживала кровлю, а также выходила за пределы котлована, создавая навес с южной стороны (ямы 19–24).

Ямы в жилище подразделяются на три категории. Первая категория — от столбов основных, вторая — от вспомогательных опор каркаса, а также от подпорок стропил, категория три — каркас навеса за пределами котлована.

В жилище выделяются следующие опорные ямы. Ямы 12, 8, 6 и 1 расположены по углам котлована на расстоянии 2–3 м друг от друга. Это главные опоры конструкции. Ямы 2, 4, 11, 14, 15, 16 расположены рядом и, возможно, служили для одной опоры, сменявшейся в ходе эксплуатации, либо были дополнительным элементом крепежа кровли.

6. Предполагаем, что кровля состояла из четырех скатов, которые соответствовали четырем сторонам дома. Углы строений в древности ориентировали согласно розе ветров, нам представляется, что данное жилище — не исключение из этого правила.

7. Выход из жилища не прослеживается в планиграфии и в стратиграфии котлована, вероятно, вход и выход осуществлялись способом, не оставляющим следы в конструкции жилища, например, через дымовое отверстие.

Погребенное жилище 2 (рис. 49, 50, 52)

Погребенное жилище 2 также не имело никаких внешних признаков, обычно соответствующих древним жилищам. Котлован проявился в ходе разбора и зачистки слоя 5. В целом жилище 2 имеет схожую конструкцию с 1, за исключением следующих особенностей:

1. Котлован частично деформировался в ходе оползания края террасы, на которой он и был расположен. Доказательством этого служат трещины-ямы, рассекающие по линии запад — восток жилище и межжилищное пространство за пределами котлована на юг, иллюстрирующие моменты оползания края террасы.

⁴ См. раздел «Датировка».

2. На полу жилища выявлено семь ям. Часть из них (ямы 1, 2, 3, 5, 6) являлись частью каркасной конструкции кровли, ямы 4 и 7 в силу своих размеров не могут интерпретироваться подобным образом, возможно, это хозяйствственные ямы в полу жилища. Надо отметить, что в силу частичной деформации жилища всю систему столбовых ям проследить не удалось, что затрудняет реконструкцию каркасной конструкции.

Хозяйственные ямы в межжилищном пространстве (рис. 49, 50)

Помимо погребенных жилищ 1 и 2 в межжилищном пространстве в ходе разбора слоя 5 выявлено четыре ямы размерами 2 x 2, 2 x 1,5 м. Заполнением ям служил коричневый суглинок с отдельными угольками, углистыми подмазками и отдельными находками. Найдены представляют собой бифасы и их фрагменты, фрагменты керамики Сони, отщепы, реже пластины, т. е. находки случайного характера, не составляющие регулярного комплекса. Исходя из характера заполнения и инвентаря считаем данные объекты ямами хозяйственного назначения, по этнографическим данным подобные сооружения использовались, например, для квашения рыбы. Исходя из присутствия в заполнении ям керамики типа Сони относим данные объекты к культуре среднего неолита ЮСНК–Сони, т. е. ко второму эпизоду заселения поселения Славная-4.

Датировка. По углю из раскопа 2 старшим научным сотрудником Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя ИГиМ СО РАН Л.А. Орловой получены следующие радиоуглеродные даты (приведены некалиброванные даты).

Жилище 1, кв. 46/94А. Уголь с промывки слоя: $4\ 970 \pm 120$ лет (СОАН–6683). Пробу, по которой получена дата, считаем случайной, так как возраст явно не соответствует материалу жилища 1, более того, он не соответствует радиоуглеродному возрасту второго этапа заселения поселения Славная-4. Надежная радиоуглеродная дата очага жилища 3, относящегося к культуре ЮСНК–Сони: $6\ 350 \pm 140$ лет (СОАН–6685)⁵. Уголь, по которому сделана дата $4\ 970 \pm 120$ лет (СОАН–6683), вероятнее всего, проник в слой в результате корневой деятельности растений.

Жилище 2, кв. 29/92 Д. Уголь с промывки слоя: $7\ 445 \pm 115$ лет (СОАН–6684). Данную дату считаем точной для жилища 2, датировка соответствует нижнему (первому) ранненеолитическому этапу заселения поселения Славная-4, относящемуся к культуре наконечников стрел на пластинах. Данную дату предлагаем принять в качестве верхней хронологической границы этого этапа.

По нагару на двух фрагментах керамики из нижней части запол-

нения и пола погребенного жилища 1 (слои 4 и 5 соответственно) в лаборатории AMS Университета Аризоны (США) Я. В. Кузьминым, Э. Дж. Тимоти Джаллом, Дэйной Л. Биддульф, Ричардом Дж. Крузом получены следующие радиоуглеродные даты:

фрагмент керамики ранненеолитического типа из кв. 46/95, слой 4, нагар: $8\ 135 \pm 50$ лет (АА–79416);

фрагмент керамики ранненеолитического типа из кв. 46/95, слой 5, нагар: $8\ 150 \pm 50$ лет (АА–79417).

В целях проверки достоверности датировки керамики по нагару, кроме фрагментов ранненеолитических сосудов, в той же лаборатории была сделана датировка нагара с керамики типа Сони из жилища этой культуры, расположенного в 34 метрах юго-восточнее исследованного раскопом 3 и надежно датированного по очагу $6\ 350 \pm 140$ лет (СОАН–6685), датировка нагара с керамики Сони: $6\ 670 \pm 45$ лет (АА–79418). Таким образом, датировки по нагару с керамики поселения Славная-4 выглядят презентабельно, в свете проверки их датировкой из очага.

Выводы. Таким образом, раскопом 2 на поселении Славная-4 охвачен сохранившийся участок культурного слоя ранней поры среднего неолита (южно- сахалинской неолитической культуры Сони), связанный со слоями темно-коричневой и серой супесей — горизонт 2, а также культурный слой двух погребенных жилищ периода раннего неолита (культура наконечников стрел на пластинах), связанных со слоями желто-коричневого суглинка и серо-зеленой супеси — горизонт 3. Причинами взаимопроникновения отдельных артефактов между горизонтами служил, прежде всего, антропогенный фактор — активная хозяйственная деятельность на территории памятника в период ранней поры среднего неолита (ЮСНК–Сони), а также природные факторы: подвижки слоев, в т. ч. слабый естественный смыв по склону, подтверждаемый наличием естественного обломочного материала, а также деятельность растений, что подтверждается наличием линз смешанных слоев.

Тонкотекстурный характер отложений, разная цветность суглинков и супесей, очевидная стратиграфическая последовательность, равно как и высота террасы, — все указывает на плавный, постепенный и несомненно древний характер формирования отложений на памятнике.

Типологически коллекция представляет собой два комплекса артефактов:

- ранненеолитический — культуры наконечников стрел на пластинах (пластиначатый комплекс и тонкостенная керамика с отпечатком ракушки на дне);

- сменяющий его комплекс южно- сахалинской неолитической культуры Сони (уплощенные бифасы, орудия на отщепах, керамика Сони).

Важным результатом работ на поселении Славная-4 стало обнаружение и исследование двух погребенных жилищ (1, 2), относящихся к периоду раннего неолита (культура наконечников стрел на пластинах). По углю из заполнения жилища 2 получена радиоугле-

⁵ Погребенное жилище 3 ранней поры среднего неолита ЮСНК – Сони, исследовано автором в раскопе 3 на поселении Славная-4 в 2006 г.

родная дата $7\ 445 \pm 115$ лет (СОАН–6684), по нагару с керамики из жилища 1 получены две даты: $8\ 135 \pm 50$ лет (АА–79416), $8\ 150 \pm 50$ лет (АА–79417). Данные даты определяют, на наш взгляд, как хронологические рамки раннего этапа заселения данного памятника, так и позднего этапа периода раннего неолита острова Сахалин в рамках 7500–8000 некалиброванных радиоуглеродных лет.

Многослойное поселение Стародубское-3

Располагается на южной окраине с. Стародубское Долинского района Сахалинской области. Географически поселение связано с северо-восточным створом Сусунайской долины на правобережье р. Найба. Памятник расположен на расстоянии до 2 км от современного берега Охотского моря и приурочен к пологонаклонной поверхности трех террас высотой 4–6, 8–2 и 15–20 м. Поселение Стародубское-3 состоит из четырех пунктов, располагающихся на площади около 40 га.

Памятник представляет собой многослойное поселение, в состав которого входит около 400 западин древних и средневековых жилищ, а также культурные слои раннего, среднего и позднего неолита, раннего железа и эпохи средневековья.

Поселение открыто японскими археологами в 30-х гг. XX века и получило название Сакаехама (Оцунаока) Часи [Нииока, Утагава, 1990, с. 175]. В 1988–1990 гг. памятник исследовался археологической экспедицией ЮСГПИ (Василевский А. А., Плотников Н. В.). Выделено четыре пункта на площади около 40 га, включающих около 400 жилищных западин, составлена паспортная документация. В ходе последующих стационарных раскопок А. А. Василевского и Н. В. Плотникова [Василевский, 1991, с. 62–72; Плотников, 1989, с. 9–10] на памятнике в период с 1988 по 1991 гг. выделены ранненеолитические комплексы в двух горизонтах стоянки – 1 и 2А [Василевский, 1991, с. 62–72].

Стратиграфический горизонт 1 соотносится со слоем иловатого су-глинка, а горизонт 2А – со слоем супеси. Горизонт 1 пока почти не изучен. Найдены горизонта 2А представлены фрагментами микронуклеусов, средними и малыми пластинами и изделиями на их основе, микропластинами, преимущественно выполненными из обсидиана (рис. 53/1), шлифовальными плитами, отбойниками, наконечниками метательных орудий, двусторонне обработанными и на пластинах, в том числе и черешковыми формами, ножами, двусторонне оббитыми теслами, топорами (рис. 54/3–4, 6–9). В основаниях двух раскопов в ранненеолитических слоях выявлены ямы овальной формы глубиной 0,2–0,4 м и размерами около 1,5 × 2 м. В них обнаружены скопления находок, в том числе микропластины, отщепы, скребки, тесла, отнесенные к горизонту 2А. Автор раскопок затрудняется определить функцию этих искусственных углублений с концентрациями находок, не исключая вероятности того, что это были небольшие временные жилища либо остатки погребений [Василевский, 2008, с. 150]. Помимо каменного инвентаря в описанных углублениях найдены мелкие фрагменты керамики, не позволяющие точно судить о ее технологических или декоративных характеристиках. В то же время вне

вышеописанных скоплений в раскопе 1989 г. обнаружено несколько фрагментов плоскодонных сосудов с толщиной стенки от 0,8 до 11 мм с прямым венчиком и характерным для некоторой ранненеолитической керамики декором в виде горизонтальных и косонаклонных прочесов-бороздок по внешней и внутренней поверхности. Керамика плотная, хорошо спеченная, с лакунами от разложившейся органической отлагающей примеси (рис. 53/2–3).

Таким образом, артефакты из раскопок стратиграфического горизонта 2А поселения Стародубское-3 представляют собой коллекцию ранненеолитического материала, относящегося к разным этапам периода. Исходя из типологического анализа материала с эталонными комплексами южного Сахалина можно выделить следующие комплексы:

1. Комплекс наконечников стрел на пластинах, включая черешковые острия. Данная группа соответствует комплексу второго (позднего) этапа периода раннего неолита, характеризующегося сочетанием унифасиальной и бифасиальной техники, преобладанием средних и малых пластин над длинными и микропластинами. Несколько выделяются из общего контекста наконечники метательных орудий, изготовленные на отщепах и пластинах с треугольным черешком-насадом (рис. 54/6). Традиция черешковых наконечников впервые прослеживается на памятниках финального палеолита – начального неолита Сахалина, причем она связана как с бифасиальной (тип Тачикава – черешковые остирия Огоньков-5 в горизонте 1) [Василевский, 2008, с. 313, рис. 34, 2–6], так и с унифасиальной техникой обработки камня (Олимпия-5) [Василевский, 2008, с. 327, рис. 49/3]. В комплексах первого (раннего) этапа периода раннего неолита (Славная-5) данный прием не прослеживается, а в комплексах второго (позднего) этапа данный прием имеет место (Пугачево-1, Славная-4), хотя и не в такой ярко выраженной манере, как в коллекции Стародубского-3. Кроме наконечников метательных орудий ранненеолитический комплекс второго этапа составляют орудия на малых и средних пластинах, серия микропластинок, кильевая часть конического нуклеуса параллельного принципа расщепления, односторонне и двусторонне выпуклые тесла с пришлифовкой лезвия.

2. Комплекс ранней керамики (рис. 53/2–3, 54/3–4). К данному комплексу относятся фрагменты плоскодонных сосудов из раскопа 1989 г. По внешнему облику, приемам орнаментации и составу эта керамика близка к керамике из раскопа С. В. Горбунова на стоянке Адо-Тымово-2, откуда получена серия радиоуглеродных дат в диапазоне $7\ 520 \pm 70$ – $8\ 780 \pm 135$ лет [Василевский и др., 2004, с. 51]. В настоящее время это самая древняя датированная керамика на острове и, соответственно, вышеописанные фрагменты керамики из раскопа 1989 г. составляют наиболее ранний комплекс поселения Стародубское-3, который можно отнести к рубежу начального – раннего неолита. Обоснование данной идеи приводится ниже в описании стоянки Адо-Тымово-2 (Пузи-2), в отношении комплекса ранней керамики Стародубского-3 следует указать на то, что стратиграфически данный комплекс не выделен в отдельный горизонт,

соответственно, довольно сложно указать сопутствующий ему каменный инвентарь, однако по аналогии со стоянкой Адо-Тымово-2 и Набиль-1 можно предположить ярко выраженную бифасиальную традицию и развитое микропластиначатое расщепление, основанное на клиновидных нуклеусах как соответствующий контекст ранней керамики Стародубского-3.

Стоянка Поречье-4

Стоянка Поречье-4 располагается в приусьевой части долины реки Покосная близ с. Поречье на юго-западном побережье острова Сахалин. Она расположена на двенадцатиметровой террасе в 0,8 км к северу от берега Татарского пролива. Памятник открыт и изучался в 1989–1991 гг. отрядом Южно-Сахалинского государственного педагогического института (ныне СахГУ) (Василевский А. А.) при участии группы российских и японских ученых (В. А. Голубев, Х. Кимура, С. Цудзи, У. Маэда и др.). Стоянка состоит из двух пунктов, располагающихся симметрично по обеим сторонам источника чистой воды. Ее предполагаемая площадь около 600–800 м².

Стратиграфия и планиграфия. Стратиграфические и планиграфические описания приводятся по отчетам и монографии автора раскопок А. А. Василевского [Василевский, 1992, с. 36–45; 2008, с. 152–154]. По мнению геоморфолога С. Цудзи, высказанному им во время раскопок, основание террасы, на которой располагается памятник, сложено лагунными отложениями раннего голоценена, верхняя пачка сформировалась в результате накопления делювиально-склоновых и эоловых отложений того же периода. В шурфах 1 (1989 г.) и 2 (1990 г.), а также в раскопе 1 (1991 г.) на глубине до 0,6–0,8 м выявлено следующее чередование слоев: дерн с гумусовой подстилкой, легкая светло-коричневая супесь, подзол, темно-коричневый легкий суглинок (хорошо выражен только в шурфе 2 в южной части террасы), чистый эоловый песок, суглинок с валунами. Находки повсеместно приурочены к границе супеси и суглинка, что на западном побережье среднего Сахалина соответствует накоплению осадков в теплых условиях конца boreального — начала атлантического периода около 9–7 тыс. лет. На площади раскопа 1 (1991 г.) находки располагались без видимой системы. Никаких сооружений или остатков кострищ в культурном слое не обнаружено, хотя часто встречались угольки и иногда небольшие углистые скопления. Основная часть находок группировалась в южной и средней частях раскопа 1, что соответствует ареалу залегания супеси рыжих оттенков.

Артефакты в шурфе 1 (1989 г.) и в раскопе 1 (1991 г.) располагались без видимой системы. Для изготовления орудий жители стоянки использовали как местное сырье (кремень, сланец), так и хоккайдское (обсидиан). В орудийном наборе отмечаем примерно равное соотношение орудий из местных пород и обсидиана 13 и 29 соответственно, в дебитаже — явное преобладание кремня и сланца. Нуклеусы и нуклевидные обломки представлены уклонившимся сколом (килевой частью) конического нуклеуса параллельного принципа расщепления и нуклевидными обломками. Орудийный набор включает изделия на

средних и малых пластинах, а также рубящие орудия — двусторонне выпуклые оббитые тесла с пришлифовкой рабочего края. Отмечаем характерную находку теслеца из кремня, выполненного в бифасиальной технике с незначительной пришлифовкой одного из фасов. Также показательными находками являются дисковидный концевой скребок, изготовленный из обсидианового микронуклеуса, и наконечник стрелы из обсидиана с выемчатым основанием (рис. 54/1–2, 5, 7, 10–13).

Керамика представлена несколькими маленькими фрагментами без орнамента. Толщина стенок от 4–5 до 9 мм, внешняя поверхность кирпичного и светло-коричневого цвета, на изломе отмечена мелкая пылеватая по структуре примесь минерального происхождения, также автор раскопок отмечает наличие игольчатых пор на изломе, оставшихся от выгоревшего органического отощителя [Василевский, 2008].

Находки, собранные на стоянке Поречье-4, позволяют считать, что раскопами 1989–1991 гг. А. А. Василевским исследован памятник второго (позднего) этапа раннего неолита. Этапными признаками которого являются равная сырьевая ориентация на местный и импортный камень (хоккайдский обсидиан), в равной степени представленная техника отщепов и пластин (с преобладанием средних и малых и практическим отсутствием длинных форм), наличие двусторонне и односторонне ретушированных орудий. Кроме того, находки со стоянки Поречье-4 имеют прямые аналогии с орудийным набором других памятников позднего этапа раннего неолита, в частности, тесло из кремня, выполненное в бифасиальной технике, есть в коллекции из раскопа 2 на стоянке Пугачево-1.

2.4. Памятники раннего неолита, не идентифицированные по этапам

Поселение Набиль-1

Поселение Набиль-1 расположено в долине р. Набиль в ее нижнем течении. Памятник занимает площадку четырехметровой террасы правого берега р. Набиль в районе пересечения трассы трубопроводов проекта Сахалин-2. Памятник открыт С. В. Горбуновым в 1990-х гг., в 2001 г. при обследовании трассы трубопроводов проекта Сахалин-2 археологической экспедицией СахГУ составлен план памятника, выделено два пункта, уточнено его географическое положение и культурно-хронологическое содержание [Василевский и др., 2001, с. 26–28, 40–41]. В 2004 г. совместной экспедицией Сахалинского областного краеведческого музея и Сахалинского госуниверситета проведены охранные археологические раскопки жилищ 4 и 5 пункта 2 поселения Набиль-1 и межжилищного пространства [Шубин, 2008, с. 135–168], а также выполнена уточняющая съемка поселения с закладкой системы шурfov с целью выяснения границ распространения культурного слоя поселения. В результате раскопок 2004 г. обнаружены артефакты раннего неолита в межжилищном пространстве более поздних по

времени котлованов полуподземных жилищ 4 и 5. Автором раскопок сделан вывод о наличии в межжилищном пространстве поселения ранненеолитических артефактов, имеющих аналогии в памятниках раннего неолита Якутии и др. [Шубин, 2008, с. 144].

Стратиграфия и планиграфия. Стратиграфически находки ранненеолитических артефактов связаны с пачкой отложений, содержащих артефакты в раскопе 2, в частности, находки микропластин и конических нуклеусов прослеживаются от поддернового слоя до контакта коричнево-палевого суглинка с основанием раскопа — аллювиальными речными отложениями. Таким образом, слои, вмещающие ранненеолитические артефакты, представляют пачку суглинков оранжевого, коричневого, серого и черных цветов разных оттенков.

Планиграфическое распределение ранненеолитического материала. Судя по имеющимся данным, в раскопе 2 на поселении Набиль-1, пункт 2 артефакты раннего неолита располагались без видимой системы в межжилищном пространстве (на границе котлована жилища 5), кроме того, отдельные находки встречены в заполнении котлована. Материал залегал скоплениями и отдельными находками. Таким образом, исходя из стратиграфических данных и планиграфического анализа, можно согласиться с выводом В. О. Шубина о наличии на памятнике ранненеолитического слоя, нарушенного впущенным в него котлованом более позднего жилища. В связи с этим стоит отметить переотложенный характер артефактов и скоплений в верхней пачке суглинков, которые оказались выброшенными из котлована жилища при его постройке, и инситный характер артефактов в нижней части межжилищного пространства.

Анализ артефактов. В коллекции каменного инвентаря из раскопок поселения Набиль-1 пункт 2 отчетливо прослеживается наличие ранненеолитического комплекса, выделяемого по аналогии с инситными памятниками острова. Прежде всего, обращают на себя внимание нуклеусы конической формы, для получения пластин, параллельного принципа расщепления (рис. 55/1–4). Также к ранненеолитическому комплексу следует отнести несколько малых и микропластин, встречающихся при раскопках поселения (рис. 55/5–10). Следующая группа артефактов может трактоваться как в рамках раннего, так и среднего периодов неолитической эпохи — это листовидные бифасиальные клинки (рис. 56/1–2), оббитое и пришлифованное односторонне выпуклое тесло (рис. 56/4). Из общего контекста находок, несомненно, выделяется торцовый клиновидный нуклеус для получения микропластин (рис. 56/7). Находки такого типа нуклеусов не характерны для ранненеолитических комплексов юга Сахалина и, напротив, распространены в комплексах финального палеолита — начального неолита.

В комплексе артефактов поселения Набиль-1 пункт 2 наряду с каменными орудиями и керамикой зафиксированы и предметы не- utilitarного характера, типологически идентифицирующиеся как ранненеолитические артефакты — шлифованное каменное кольцо (рис. 55/11) и фрагмент кольца (рис. 55/12). Шлифованные каменные кольца находят свои аналогии в ранненеолитических комплексах островов Дальнего Востока — Сахалин (Славная-5), Хоккайдо

(Юбецу-Ичикава) [Kimura, 1999, р. 59] и Приамурья (Кондон-Почта) [Окладников, 1983, с. 153].

Керамический комплекс раскопа 2004 г. поселения Набиль-1 пункт 2 представлен разновременной керамикой, из общего комплекса которой пока затруднительно обоснованно выделить керамику, соответствующую ранненеолитическим артефактам.

Датировка. По углю из жилища 5 (раскоп 2) старшим научным сотрудником лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН Л. А. Орловой получены следующие некалиброванные радиоуглеродные даты: $7\ 580 \pm 125$ лет (СОАН-5814), $6\ 735 \pm 125$ лет (СОАН-5815), $5\ 160 \pm 85$ лет (СОАН-5816), иллюстрирующие этапы функционирования поселения в период 7500–5100 лет назад. К рассматриваемому периоду, на наш взгляд, имеет отношение дата $7\ 580 \pm 125$ лет, которая соответствует радиоуглеродным датам ранненеолитических комплексов острова Сахалин.

Таким образом, коллекция артефактов из раскопов поселения Набиль-1 2004 г. представляет набор разновременных комплексов, один из которых (возможно, древнейший) связан с периодом раннего неолита. Из-за стратиграфических особенностей памятника выделить данный комплекс представляется возможным исключительно типологическим методом и датировать его, опираясь на древнейшую радиоуглеродную дату возрастом около 7500 некалиброванных радиоуглеродных лет. Орудийный набор ранненеолитического комплекса находок не позволяет четко идентифицировать данный памятник в рамках конкретного этапа раннего неолита, препятствует этому прежде всего отсутствие соответствующей керамики и следов полного цикла расщепления камня, однако необходимо учесть, что имеющаяся дата в 7500 некалиброванных радиоуглеродных лет соответствует второму (позднему) этапу раннего неолита острова Сахалин.

Поселение Адо-Тымово-2 (Пузи-2)

Расположено на вершине горы высотой 160 м над уровнем моря и 110 м над уровнем р. Тымь непосредственно к югу от р. Пузи и к западу от автодороги Адо-Тымово — Чир-Унвд, приблизительно в 150–180 м к западу—юго-западу от устья р. Пузи [Горбунов, 2000, с. 264]. Поселение занимает вершину сопки, в южной его части имеются три жилищных западины не уточненного возраста. Памятник обнаружен С. В. Горбуновым в 1985 г. Им же заложен разведочный раскоп, где найдены ножевидные пластины из светлого кремня и орудия на них, ножи-бифасы, наконечники, скребки из красной яшмы и керамика двух типов — толстостенная (более 1 см) с органическим отощителем в керамическом тесте со следами заглаживания раковиной внешней поверхности (рис. 57/1); тонкостенная (4–6 мм), с минеральным отощителем, украшенная рядами коротких вертикальных оттисков.

По углю из раскопа получен ряд радиоуглеродных дат в диапазоне $8\ 780 \pm 135$ лет — $6\ 830 \pm 135$ г. л. н. (СОАН — 3819) [Kuzmin, Orlova, 2000, р. 356–365]. Все даты не калиброваны, данный комплекс дат соответствует, по мнению автора раскопок, раннему этапу заселения памятника с керамикой первого типа [Горбунов, 2000, с. 264].

Таким образом, радиоуглеродные датировки данного памятника позволяют предположить факт обнаружения самого древнего на сегодняшний день керамического комплекса острова Сахалин, в пользу этого утверждения говорят и внешние признаки керамики из Адо-Тымово-2, имеющие параллели в комплексах начального неолита Приамурья (осиповская культура). Вместе с тем существует проблема выделения раннего комплекса из общего контекста многослойного памятника, безусловно, не решенная посредством проведения раскопок на столь малой площади. В связи с этим определить орудийный набор, соотнести его с имеющейся керамикой и серией дат, а также подтвердить это стратиграфическим или планиграфическим анализом пока не представляется возможным, и поэтому данный памятник датируется в широком диапазоне начального – раннего неолита без уточнения этапов.

2.5. Малоизученные памятники и отдельные находки раннего неолита

Крильон-1

Стоянка расположена в Невельском районе, в районе маяка на мысе Крильон. В подъемных сборах 2003 г. сотрудниками археологической экспедиции СахГУ на обнажениях слоя собрана коллекция каменных артефактов ранненеолитического облика, включающая двусторонне обработанный наконечник, бифасиальный нож трапециевидной формы, отщепы, в том числе из обсидиана. Кроме того, обнаружен фрагмент керамики (рис. 57/5) тонкостенной (7 мм), плотной, с минеральным отщителем в тесте, цвет черепка темно-коричневый. На внешней стороне фрагмента наблюдаются горизонтальные прочесы. Выше по террасе на полевой дороге к маяку обнаружен резец на средней пластине из светло-серого кремня (рис. 57/4).

Таким образом, на стоянке Крильон-1 обнаружены артефакты ранненеолитического облика на самой южной точке острова Сахалин.

Кузнецово-3, -4

Поселение Кузнецово-3 и стоянка Кузнецово-4, расположенная в 150 м от поселения, являются опорными памятниками средненеолитической культуры Сони. В материалах раскопок А. А. Василевского и В. А. Голубева 1985–86 гг., а также в предшествующих и последовавших подъемных сборах на объекте встречаются отдельные находки материала, не характерного для инвентаря культуры Сони, а именно средние пластины, оббитые тесла без следов шлифовки, наконечник стрелы на пластине с чешукой.

Учитывая близость ранненеолитической стоянки Крильон-1, а также опираясь на опыт раскопок поселения Славная-4, где в стратиграфической последовательности зафиксировано соседство ранненеолитического материала и артефактов культуры Сони, констатируем наличие ранненеолитических находок и предполагаем

присутствие ранненеолитического слоя на территории памятников Кузнецово-3 и -4.

Озерск-2

Стоянка расположена в Корсаковском районе, на левом (северном) берегу протоки Аракуль из Малого Вавайского озера в залив Анива. В подъемных сборах 2007 г. на обнажениях слоя археологической экспедицией СахГУ помимо артефактов сусуйской культуры (ранний железный век) обнаружены малые и средние пластины и отщепы из хоккайдского обсидиана и местных пород камня. С целью выяснения параметров распространения культурного слоя на стоянке заложено три шурфа, в каждом из которых в слое коричневого суглинка обнаружены ранненеолитические артефакты: микропластина из обсидиана, средние пластины, отщепы, керамика.

Таким образом, стоянка Озерск-2 представляет собой хорошо сохранившийся участок культурного слоя раннего неолита, дальнейшее изучение которого имеет безусловные перспективы.

Пригородное-1 (Фукауми мерей – яп.)

Стоянка расположена на склонах десятиметровой террасы близ сохранившегося японского монумента на западном въезде в поселок. Культурный слой стоянки сильно разрушен, в обнажениях обнаружена керамика типа Минами-Кайдзука, металлический наконечник гарпуна. Таким образом, до 2004 г. с опорой на эти находки данная стоянка датировалась периодом средневековья (XIII век). В 2004 г. А. А. Василевским, Х. Сато и Ш. Онуки на стоянке Пригородное-1 за японским монументом обнаружены артефакты ранненеолитического облика, в том числе нуклеус конического типа из обсидиана (колл. № 652, фонды музея археологии СахГУ). Возможно, данные находки имеют отношение к трем массивным обсидиановым пластинам, обнаруженным в первой половине XX века неизвестным японским любителем и опубликованным в работе Т. Нииока [Нииока, Утагава, 1990, с. 108–109].

Таким образом, на стоянке Пригородное-1 зафиксированы артефакты ранненеолитического облика. Маркирующей находкой является нуклеус конического типа из обсидиана. Впрочем, если допустить, что находки японского любителя сделаны на стоянке Пригородное-1, то, возможно, коллекция имеет и более древний, чем ранненеолитический возраст.

Ново-Александровск-1

Стоянка расположена на левобережной террасе р. Красносельская, притока р. Сусуя, на южной окраине планировочного района Новоалександровск, г. Южно-Сахалинск. На распаханном поле вокруг склада удобрений в 1991 г. И. А. Самариным и Н. В. Плотниковым собрана коллекция подъемного материала. В 2001 и 2006 гг. сотрудниками археологической экспедиции СахГУ также проводились подъемные сборы. Коллекцию стоянки Новоалександровск-1 составляют исключительно изделия из камня, в том числе это уплощен-

ные клинки-бифасы, двусторонне обработанные наконечники, орудия на пластинчатых отщепах, микропластина, одно- и двусторонне выпуклые тесловидно-скребловидные орудия со следами шлифовки. Типологические особенности орудий на малых пластинах и пластинчатых отщепах позволяют предположить ранненеолитический возраст находок, а бифасиальные орудия позволяют рассматривать данную коллекцию в рамках позднего этапа периода.

Косая-1

Отдельная находка наконечника стрелы на пластине из обсидиана сделана в 1998 г. сотрудником отряда СахГУ В. Субботиным на проселочной подъездной дороге к трассе трубопроводов Сахалин-2 на правобережье реки Косая, в 1 км к югу от пос. Советское-7. Последующее изучение прилегающей территории и разбивка шурfov не позволили выявить культурный слой вблизи трассы. Найденная находка представляет собой изделие на пластине, обработанное краевой односторонней ретушью (рис. 57/2) в стиле ранненеолитических изделий острова возрастом 8000–7500 лет назад.

Костромское

В районе с. Костромское (Холмский р-он) известно о находках микропластин и отщепов из обсидиана, сделанных местными школьниками. Точное местонахождение стоянки и условий залегания материала неизвестно. Коллекция выставлена в школьном музее п. Пионеры [Васильевский, 2008, с. 362].

Славная-1

Стоянка расположена в южной части 10 м (над уровнем моря) террасы левого берега р. Славная в Долинском районе. Обнаружена в 1982 г. С. В. Горбуновым, который собрал в обнажениях полевой дороги (подземного кабеля связи) коллекцию подъемного материала и заложил раскоп площадью 20 м². К сожалению, стратиграфические условия залегания материала не опубликованы, коллекция также не сохранилась. Исходя из опубликованных материалов [Горбунов, 1987, с. 89–95], можно сделать вывод, что коллекция Славной-1 представляет собой ранненеолитический комплекс, включающий изделия на малых и средних пластинах, наконечник стрелы на пластине, шлифованное тесло. Идентификацию комплекса в рамках конкретного этапа раннего неолита затрудняет отсутствие абсолютных дат, данных о стратиграфических условиях залегания находок и немногочисленность коллекции.

Пугачево-1–6, 12–15, 19, 21

В 1980-х гг. XX века С. В. Горбуновым на берегах р. Пугачевка на участке от ее устья до окрестностей с. Пугачево обнаружено 13 местонахождений (Пугачево-1–6, 12–15, 19, 21), интерпретируемых автором находок как стоянки периода раннего неолита [Горбунов, Федорчук, 2003, с. 388–391]. На стоянках собраны коллекции подъемного материала, на некоторых (Пугачево-1, 2, 4, 5, 7, 12) зало-

жены разведочные раскопы. В материалах этих местонахождений автором работ, описываются орудия на пластинах, в т. ч. наконечники стрел, микропластины из кремня и обсидиана, бифасиальные орудия, фрагменты керамики с органической примесью без орнамента [Горбунов, 1996, с. 83–101]. Так как материалы этих работ не сохранились до настоящего времени — коллекции погибли при пожаре, — вопрос о точной культурно-хронологической принадлежности вышеуказанных местонахождений остается открытым, однако, учитывая результаты наших работ на стоянке Пугачево-1 в 2005 г., описанные выше, а также опираясь на опубликованные материалы [Горбунов, 1996, с. 83–101], можно признать ранненеолитическую датировку стоянок Пугачево-1–6, 12–15, 19, 21 без уточнения конкретного возраста и этапа периода.

Бердянские озера-2 (Бердянское-2)

Стоянка расположена на острове Южном в 11 км на северо-восток от г. Поронайска, на песчаной 3–4-метровой террасе левого берега р. Поронай. Стоянка обнаружена в 1988 г. В. Д. Федорчуком, который произвел подъемные сборы на обнажениях культурного слоя стоянки [Федорчук, 1989, с. 31–33]. В коллекции со стоянки керамика и каменный инвентарь эпохи раннего железа, кроме того, автор находок выделяет комплекс более раннего материала — пластинчатые отщепы из халцедона, односторонне выпуклое тесло, а также фрагменты трехслойной керамики с «одранкованной» частыми неглубокими бороздами поверхностью внутреннего слоя. Керамика с данным приемом формовки известна на памятниках начального неолита Приамурья (осиповская культура) и начального — раннего неолита Сахалина (Адо-Тымово-2, Стародубское-3). Для решения вопроса о возрасте раннего комплекса стоянки Бердянское-2, безусловно, требуется проведение дополнительных исследований, пока эта коллекция датируется типологическим методом в широких рамках начального — раннего неолита.

Стоянка Белое-2

Стоянка расположена на 18–20-метровой террасе левого берега долины р. Тымь. Памятник обнаружен в 1997 г. экспедицией краеведческого клуба «Абориген» под руководством С. В. Горбунова. В разведочном раскопе, в слоях суглинка серого и желтого цветов, получена коллекция каменных артефактов, включающая двусторонне обработанные орудия, орудия на пластинчатых отщепах, односторонне выпуклое тесло и дебитаж. Керамики не обнаружено. Малочисленность коллекции и, как следствие — отсутствие надежных датирующих элементов памятника не позволяют однозначно отнести стоянку к конкретному этапу неолита, однако топографическое и стратиграфическое положение находок, а также наличие ярко выраженной индустрии бифасов говорит о том, что предварительно можно датировать стоянку в широком диапазоне начального — раннего неолита без уточнения этапов.

Отдельные находки у с. Тайга

По имеющимся данным, между с. Краснополье и с. Тайга Углегорского района в 80-х гг. XX века В. Д. Федорчуком и В. А. Голубевым обнаружены артефакты ранненеолитического облика — конический нуклеус с негативами снятия малых пластин (рис. 57/3) и концевой скребок на сколе фронта нуклеуса параллельного принципа расщепления с четкими негативами снятия малых пластин на дорсальной поверхности изделия, оба изделия выполнены из яшмоида сургучного цвета. Артефакты имеют безусловные аналогии в ранненеолитических комплексах острова, однако их малочисленность и отсутствие информации о точном местонахождении не позволяют оперировать ими как полноценным источником.

Пещера Останцевая

Пещера Останцевая расположена на горе Вайда в Восточно-Сахалинских горах в Смирныховском районе Сахалинской области. Геологическое изучение пещеры в 1982 г. провел Ю. И. Берсенев [Берсенев, 1982], археологическое — С. В. Горбунов [Gorbunov, 2002, р. 170–174]. Фаунистический материал Останцевой — несколько тысяч костей животных — исследовался специалистами ПИН РАН и других научных учреждений. Фаунистические остатки из шурфа в при входовой части исследовала палеонтолог Э. В. Алексеева [Алексеева, 1995, с. 91–93], японский генетик Р. Масуда изучил черепа медведей, собранные в пещере, кости птиц опубликовал А. В. Пантелеев [Пантелеев, 1997, с. 281–285]. Геохимическое исследование образцов обсидиана провел американский геохимик М. Гласкок при участии Я. В. Кузьмина [Гласкок и др., 2000, с. 99–106; Kuzmin et al., 2002, р. 741–749]. По мнению Ю. И. Берсенева [1982], Останцевая формировалась на уровне грунтовых вод и, вероятно, древнее всех описанных им ранее пещер. В 1995–97 гг. экспедиция клуба «Абориген» под руководством С. В. Горбунова провела исследование пещеры. В глубине полости выявлен колодец. Его современная глубина составляла 1,2 м. В процессе раскопок выяснилось, что его истинная глубина составляла 7 м. На этой глубине обнаружено еще одно отверстие — устье еще одного колодца глубиной 1,5 и диаметром 0,3–0,5 м, прикрытое плитой известняка.

Рыхлые отложения колодца состояли из щебенки и глыб известняка, множества костей животных, сильно гумусированной почвы черного цвета и суглинков, имеющих разную степень воздействия известковых пород, а потому отличающихся по цвету — от белесого до светло-коричневого [Gorbunov, 2002, р. 170–174].

Всего в колодце на разных глубинах от 0,45 до 5,75 м найдено 19 артефактов. Из них 15 оцениваются как наконечники стрел, два — как фрагменты средних ножевидных пластин — одна с кругой односторонней ретушью по краям, вероятно, обломок концевого скребка. Также найдено универсальное орудие: скребок-скобель-нож и один отщеп. Этот отщеп, а также скребок и большинство наконечников изготовлены из красной яшмовидной породы. Наконечники представлены орудиями четырех типов: удлиненно треугольной,

ближкой к листовидно-усеченной форме с выемкой в основании (8 экз.); лавролистные без плечиков (5 экз.); лавролистный с коротким черешком и плавными плечиками, листовидный с выемкой в основании и выемкой в проксимальной части. Два орудия изготовлены, соответственно, из окременного алевролита и аргиллита. Интересен наконечник из черного обсидиана треугольной формы с выемкой в основании. По результатам исследований этот наконечник изготовлен из обсидиана, происходящего из района Сиратаки месторождения Акаишияма и Хорокозава на о. Хоккайдо [Гласкок и др., 2000, с. 99]. Азимутальное расстояние от пещеры до месторождения — около 650 км, то есть около одной тысячи километров пути с учетом изрезанности морского побережья и речных долин. Несомненно, интересна находка в колодце черепа медведя с торчащим в нем наконечником. Это прямо указывает на то, каким образом добывали медведей люди раннего неолита.

По мнению С. В. Горбунова, пещера использовалась как культовое место, куда для поддержания «обменных» и дипломатических отношений с мифическими «горными людьми» необходимо было «вернуть» к их жилищу кости убитых и съеденных животных. Иногда вместе с костями в колодце попадали каменные орудия. Для своих построений С. В. Горбунов привлекает этнографические параллели и близкие примеры из археологии эпохи средневековья [Gorbunov, 2002, р. 170–174]. В оценке возраста памятника оценки исследователей совпадают. По мнению А. А. Василевского, характерное сочетание двусторонне обработанных орудий и средних пластин указывает на возможный возраст стоянки около 8–7 тыс. лет назад, то есть на границе раннего и среднего неолита [Василевский, 2008, с. 158]. Учитывая значение, которое всегда придавали охотничьи народы ритуалу проводов медведя, а также условия захоронения животных в колодце, не исключаем ритуального назначения пещеры наряду с функцией временной стоянки. Это тем более интересно в связи с тем, что в расположенной неподалеку пещере Медвежьих Трагедий также были обнаружены кости медведей и орудия их добычи — наконечники рогатин, изготовленные из костей моржа. Вполне возможно, что это звеня одной цепи, так как, судя по открытию краеведов клуба «Абориген» в долине ручья Известковый ранненеолитической стоянки-мастерской и отдельной находки клиновидного нуклеуса из яшмовидной породы красного цвета, этот район был местом постоянных охотничьих маршрутов людей начального и раннего неолита.

Пещера Медвежьих трагедий

Пещера располагается на северном склоне горы Вайда. В течение 1980-х гг. М. П. Тиунов, а затем и С. В. Горбунов обнаружили в ней наряду с большим количеством медвежьих костей «два вкладышевых кинжала из моржовых бивней 68 и 59 см длиной», «два древних костяных кинжала с орнаментом» и «кинжал с пазами для кремневых пластинок и костяное копье» [Клитин, 1995, с. 338]. Одна из этих находок хранится в фондах СОКМ (рис. 59), часть находок погибла при пожаре, о судьбе других ничего не известно. Находки, судя по

наличию пазов и вкладышей-микропластиночек, могут быть сопоставлены с находками на стоянке Вайдинская-1 и отнесены к раннему неолиту. А. А. Василевский описывает два из упомянутых орудия, они представляли собой изогнутые длинные (около 60–70 см) наконечники колющего орудия типа рогатины. Орудия изготовлены из кости моржа, по краям вырезаны параллельные пазы, в которые вставлены миниатюрные микропластиночки и чешуйки из кремня [Василевский, 2008, с. 175].

Пещера Зигзаг

Пещера Зигзаг открыта геологом И. Ф. Немчиновым в начале 1950-х гг. В 1982 г. о ней написал посетивший ее в ходе изучения сахалинского карста геолог и спелеолог Ю. И. Берсенев [Берсенев, 1982]. В 1988 г. исследование пещеры начал краеведческий клуб «Абориген» во главе с С. В. Горбуновым [Алексеева, Горбунов, Михеев, Зуенко, 1995, с. 350–353]. Она расположена на горе Орел в Восточно-Сахалинских горах, в междуречье небольших речек Заузы и Ивашки, входящих в бассейн р. Мулейки, левого притока среднего течения р. Поронай, в одном километре на юго-восток от с. Известковый Смирныховского района, недалеко от карьера Гомон. Пещера приурочена к северо-западному склону г. Орел в 0,2 км от вершины и представляет собой типичную полость речного типа с ярко выраженным меандрированием. Пещера ориентирована преимущественно в восточном направлении, ее ширина составляет 0,5–0,7 м, высота – 0,8–1,1 м. Общая длина полости – 19 м. Свод крепкий, в целом овальный, осложненный двумя эрозионными уступами. Пещера отличается относительно высокой температурой. Пол каменистый. Рыхлые отложения прослежены на небольшом участке протяженностью 8 метров, где и был разбит раскоп С. В. Горбунова. Для картирования находок пещера была поделена на сектора длиной 1 м и шириной, соответствующей ширине пещеры. В секторах 4–5 имеется небольшой зал – здесь наблюдается максимальная мощность рыхлых отложений – около 20 см. В раскопе С. В. Горбунов описывает следующую стратиграфию:

1. Суглинок грязно-желтого цвета со щебенкой известняка – 2–3 см.
2. Гумусированная почва буровато-черного цвета с растительными остатками, пронизанная линзами серовато-желтого суглинка, постепенно светлеющая книзу – 15–16 см.
3. Прослойка слабо гумусированного суглинка серого цвета – 1,5–2 см.
4. Суглинок серовато-желтого цвета с гравием и галькой коренных пород (яшма, известняк), залегающий на коренных породах (известняк) – материк.

В пещере выявлено и впоследствии определено палеонтологом Э. В. Алексеевой 411 костей, наибольшее число принадлежит летучим мышам. Особый интерес представляют некоторые определения костей.

Большая берцовая кость *Cervus* отличается от номинальной формы берцовой *Cervus Elaphus* – отсутствует одна фасета.

Отличается строением боковой поверхности и лучевая кость оленя из подъемного материала.

Фрагмент лопатки из сектора 4 сходен с лопаткой некрупного взрослого ластоногого. Расстояние до берега Охотского моря – около 30 км.

Многочисленны кости медведей. Видимо, бурому медведю принадлежит фрагмент крупной лопатки, найденный в секторе 4. Основная же масса костей принадлежала медведю, по определению Э. В. Алексеевой, сходному и с бурым, и с гималайским. Все животные были взрослые, а медведи в основном молодые. Относительно большое количество костей медвежат, по мнению авторов, свидетельствовало об элементах охотничьей специализации древних охотников.

В нижней части костеносного слоя 2 найдено три наконечника стрел, изготовленных из местной красной яшмовидной породы сургучного цвета. Наконечники имеют удлиненно-листовидное перо с выемчатым основанием и обработаны двусторонней диагональной стелющейся ретушью, фасеты узкие. Все три наконечника обломаны на конце. По мнению С. В. Горбунова, наконечники типичны для периода раннего неолита.

Памятник интерпретирован авторами исследования как сезонная стоянка для отдыха маленькой группы охотников и датирован авторами ранним голоценом в хронологических рамках ранненеолитической имчинской культуры (9–7 тыс. лет назад). По их предположению, ранненеолитические охотники неоднократно посещали исследованную пещеру во время своих охотничьих маршрутов [Алексеева, Горбунов, Михеев, Зуенко, 1996, с. 350–353]. Судя по находке лопатки морского зверя, эти маршруты имели радиус не менее 30–50 км, включая и морское побережье.

Джимдан-5 и Горелый-1

Поселение Джимдан-5 расположено в Ногликском районе Сахалинской области, в 4 км к северо-северо-западу от районного центра Ноглики. Объект приурочен к полого-наклонной площадке второй надпойменной аккумулятивно-эрэзионной террасы на уровне 26–28 м над уровнем заболоченной поймы, в 0,45 км от северного берега р. Джимдан. С севера памятник ограничен просекой, идущей в направлении восток–запад, в 50–70 м от края уступа террасы, с юга крутым уступом 20–22 террасы (на отдельных участках угол падения террасы достигает 70–75°), с востока – пересыхающим ручьем, с запада отмечено понижение террасы к слабо-заболоченной мари.

Поселение Джимдан-5 обнаружено А. А. Василевским и Н. В. Плотниковым в сентябре 1989 г. в ходе разведки в Ногликском районе. В 2004 г. жилища № 1–3 (из 21 известных) данного поселения раскопаны экспедицией СахГУ. В ходе работ получен жилищный комплекс эпохи палеометалла (Набильская культура) [Василевский и др., 2005, с. 11–18], однако наряду с керамикой эпохи раннего железа и многочисленными отщепами в жилище 3 в слое 3 (основание раскопа) присутствуют и изделия значительно более раннего облика. Выделяется унифас, изготовленный на массивном отщепе односто-

ронней краевой ретушью из кв. 6/32 (рис. 60/1), фрагмент бифаса из кв. 2/37 и микропластиинки из кв. 2/30 (рис. 60/2–3), а также нож на отщепе из кв. 4/36 (рис. 60/4), которые никак нельзя отнести к эпохе палеометалла. По мнению автора раскопа, это типичные изделия эпохи раннего неолита, широко известные по таким памятникам Ногликского района, как Имчин-1 и Набиль-1 [Василевский, 2006, с. 42].

Таким образом, на основании приведенных данных можно констатировать наличие ранненеолитического слоя на многослойном поселении Джимдан-5, однако его состав, мощность и характер на сегодняшний день не ясны. В пользу того, что в данном районе существует ранненеолитический памятник, говорит и факт обнаружения в 1 км к северу от поселения одиночного наконечника стрелы на пластине (рис. 60/5) (отдельная находка руч. Горелый-1).

Ныйво-1–2

Отдельные находки на косе Ныйского залива известны в литературе с 80-х гг. XX века [Голубев, Лавров, 1988, с. 176]. Первооткрывателем стоянок в этом районе является В. Д. Федорчук, его же материалы опубликованы В. А. Голубевым и Е. Л. Лавровым, позднее там работал С. В. Горбунов [Горбунов, 1994]. Из немногочисленной коллекции из подъемных сборов и шурфов на стоянках Ныйской косы в свете темы настоящей работы представляют интерес наконечник стрелы на пластине со стоянки Ныйво-1 и археологически целый плоскодонный керамический сосуд без орнамента, со значительной примесью органики в тесте со стоянки Ныйво-2. Внешний вид этих изделий указывает на их ранненеолитический возраст, хотя и не ясны стратиграфический контекст и абсолютная хронология.

Хунмакта-1

Поселение расположено на 2–3-метровой террасе р. Уанга в ее нижнем течении (западное побережье о. Сахалин). Памятник обнаружен и исследован в 2002–2004 гг. совместной экспедицией Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия Министерства культуры РФ, ИА РАН, ИИАЭ ДВО РАН [Гусев и др., 2005, с. 51–53]. В результате разведочных работ и раскопок жилищ разного возраста обнаружено несколько ранненеолитических артефактов, в т. ч. наконечник стрелы на пластине, средняя пластина, обработанная крутой дорсальной ретушью, орудие на пластине (рис. 60/6–8) [Гусев и др., (электронный ресурс) <http://projects.heritage-institute.ru/archeol/sahalin.htm>]. Помимо информации об артефактах раннего неолита опубликованы две радиоуглеродные даты, безусловно, ранненеолитического времени: $7\ 930 \pm 20$ (ЛЕ-7031); $8\ 500 \pm 100$ (ЛЕ-7028) [Гусев и др., 2005, с. 425–427]. По-видимому, для уточнения состава комплекса и его соотнесения с имеющимися датами необходимо проведение дополнительных исследований, тем не менее важен факт обнаружения артефактов и угля этого возраста в стратегически важном для археологии месте (район пролива Невельского). Это автоматически вы-

водит данный объект в разряд хотя и малоизученного, но имеющего важное значение ранненеолитического памятника в свете рассмотрения вопроса о связях островного мира (Сахалин, Хоккайдо) и материка (Нижний Амур).

Даги-7

Стоянка расположена на пологой левобережной террасе р. Даги в 0,8 км севернее русла реки, в 1 км западнее железнодорожной станции Даги на краю древнего 3–5-метрового берегового уступа. Памятник обнаружен сотрудниками археологической экспедиции СахГУ в 2005 г. Стоянка имеет значительные внешние повреждения – часть памятника разрушена автомобильным проездом к нефтяной скважине и трассой магистральных трубопроводов. Останец стоянки с неразрушенным культурным слоем примыкает к трассе трубопровода с запада. Рядом с трассой на южной обочине автомобильного проезда была произведена зачистка культурного слоя. Зафиксировано следующее чередование слоев:

3–7 см – дерново-почвенный слой;

5–15 см – оподзоленная супесь с включениями угольков;

8–20 см – слой ожелезненной супеси бурого цвета с включениями угольков; ниже залегал слой светло-серой супеси.

В подзолистом слое и нижезалегающем слое бурой супеси найдены мелкие кремневые отщепы. На вскрытой части трассы трубопроводов и на автомобильном проезде собран подъемный материал. В составе находок два тесловидных орудия (рис. 61/1–2), орудие на пластине (рис. 61/3), килевая часть конического микронуклеуса (уклонившийся скол) (рис. 61/4), концевой скребок (рис. 61/5), уплощенный бифасильно обработанный нож, фрагмент толстостенной керамики с текстильным орнаментом (рис. 61/6) и кремневые отщепы. Часть материалов, а именно керамика с текстильным орнаментом, находят аналогии в материалах раскопок поселения Набиль-1 пункт 2 [Шубин, 2008, с. 162] и, возможно, относятся к периоду раннего неолита, часть каменного инвентаря (орудия на средних и малых пластинах, конический микронуклеус) является, безусловно, ранненеолитической. Таким образом, в инвентаре стоянки Даги-7 можно с уверенностью констатировать наличие ранненеолитического компонента. Вопрос об абсолютной хронологии этих находок и, соответственно, отнесение к какому-то конкретному этапу периода остается открытым. Кроме того, отмечаем возможную ранненеолитическую датировку отдельных артефактов из шурfov и подъемных сборов на соседних стоянках – Даги-9 и -10.

Бивачное-1

Стоянка обнаружена археологической экспедицией СахГУ в 2006 г. [Василевский, 2007, с. 22–25]. Она расположена на восточном берегу морской косы Пильтун, в 30,4 км к юго-востоку от с. Тунгор, между берегом Охотского моря и озером Бивачным, по обоим берегам пересыхающего безымянного озера, на абразионной морской террасе высотой 12–14 м, окружающей его с запада, севера и юга.

Памятник состоит из двух частей, пункта 1 и 2, соответственно, южного и северного (рис. 16). Пункт 1 основной, так как в его границах обнаружен большой участок насыщенного находками культуросодержащего слоя эпохи раннего неолита.

В границах пункта 2 слой пока не обнаружен. Пункт 2 полностью зарос кедровым стлаником, на выдувах встречен подъемный материал. Это означает, что на западной периферии пункта 2 вполне возможно обнаружение концентрации артефактов наподобие той, что выявлена в слое пункта 1.

Пункт 1, южный, располагается в 120 м южнее пересыхающего озера. Восточная, то есть приморская часть его сильно разрушена ветровой эрозией поверхности и абразией склонов террасы, а также постоянно расширяющимся автомобильным проездом. Площадка пункта 1 стоянки ограничена с востока 12-метровым береговым обрывом и существующей грунтовой автомобильной дорогой, с юга — торфяным болотом, с запада — понижением террасы, с севера — берегом пересыхающего безымянного озера. Поверхность распространения находок на поверхности памятника составляет около 2000 м². На разрушенных эрозией участках террасы и автомобильной дороге собрана коллекция артефактов, представленная орудиями на пластинах, в т. ч. наконечником стрелы на пластине, оформленным сплошной параллельной ретушью с дорсала и вентра (рис. 63/1), а также фрагментами пластин (рис. 63/2–3) и отходами каменной индустрии. С целью выяснения стратиграфического происхождения находок и надеждой найти культурный слой на памятнике заложен разведочный шурф размерами 1 х 1 м. В шурфе (рис. 62) зафиксировано следующее чередование слоев (сверху вниз):

1. Дерн — 3–6 см.
2. Слой торфа — 2–4 см.
3. Слой серого подзола с включением мелких угольков — 5–8 см, местами западающий до 15–20 см.
4. Слой темно-коричневого, ожелезненного песка — 5–8 см.
5. Слой светло-коричневого песка — на видимую глубину до 1 м.

На стыке слоев 3 и 4 и в слое 3 обнаружены артефакты — фрагменты пластин (рис. 63/2–6) и отходы каменной индустрии, в т. ч. один килевый (ладьевидный) скол с бифасом (рис. 63/7), а также отщепы и сколы.

Мощность собственно культурного или, точнее, слоя, содержащего артефакты, колеблется и составляет 10–20 см, площадь распространения слоя на пункте 1 памятника составляет до 800–900 м².

Пункт 2 стоянки расположен в 300 м севернее пункта 1 и классифицирован как место отдельных находок, периферия стоянки 1 [Васильевский, 2007, с. 24].

Материалы стоянки Бивачное-1 имеют аналогии как в опорном памятнике раннего неолита Северного Сахалина Одопту-2, так и в надежно датированных ранненеолитических комплексах юга острова (Славная-4). Тем не менее вопрос об абсолютной хронологии находок Бивачного-1 и отнесение их к какому-то конкретному этапу раннего неолита остается открытым.

Незаметное-1

Стоянка обнаружена археологической экспедицией СахГУ в 2006 г. Она расположена на восточном берегу морской косы залива Одопту, в 13,1 км к востоку от с. Тунгор, между берегом Охотского моря и заливом Одопту, на западном берегу озера Незаметное, на абразионной морской террасе высотой 12–14 м, окружающей его с запада, севера и востока.

На многочисленных обнажениях слоя на месте бывшего нефтепромысла собрана представительная коллекция подъемного материала, включающая средние, малые и микропластины (рис. 63/9–12), орудия на них, наконечники стрел на пластинах (рис. 63/8), фрагмент шлифованного тесла (рис. 63/13), отщепы.

Материалы стоянки Незаметное-1 имеют аналогии как в опорном памятнике раннего неолита Северного Сахалина Одопту-2, так и в надежно датированных ранненеолитических комплексах юга острова (Славная-5). Тем не менее вопрос об абсолютной хронологии этих находок и, соответственно, отнесение их к какому-то конкретному этапу раннего неолита остается открытым.

Таким образом, к настоящему времени на территории о. Сахалин обнаружено 40 археологических объектов, имеющих в своем инвентаре отчетливые признаки ранненеолитических традиций расщепления и обработки камня, изготовления керамики и других явлений инновационного и новационного характеров.

Опорным памятником первого (раннего) этапа периода является стоянка Славная-5, технокомплекс которой характеризуется исключительно пластинчатым расщеплением, основанным на импортном обсидиановом сырье, отсутствием бифасов, развитой шлифовкой деревообрабатывающих орудий и стержней. Керамический комплекс стоянки представлен неорнаментированными фрагментами тонкостенных сосудов с минеральной примесью в тесте. Аналогии каменного инвентаря данной стоянки, безусловно, прослеживаются еще в одном памятнике раннего неолита Сахалина — стоянке Одопту-2, не содержащей в своем инвентаре бифасиальных изделий, а характеризующейся пластинчатой техникой, хотя и не ориентированной на обсидиановое сырье.

Опорным памятником второго (позднего) этапа периода является поселение Славная-4, где в обнаруженных погребенных жилищах выявлен оригинальный комплекс каменного инвентаря, сочетающий в себе пластинчатые и бифасиальные технологии, основанные как на привозном обсидиановом, так и на местном кремниевом сырье, также развитой шлифовкой деревообрабатывающих орудий и стержней и керамический комплекс, представленный характерной тонкостенной керамикой с минеральной примесью в тесте, орнаментированной отиском раковины на дне. В контексте данного комплекса мы предлагаем рассматривать и материалы ряда стоянок раннего неолита, изученных ранее, в том числе: Пугачево-1 пункт 3, Стародубское-3 (ранненеолитический горизонт), Поречье-4.

Керамический комплекс всего объема источников по раннему неолиту острова отличается высокой степенью эклектичности, факти-

чески на каждой стоянке, где выявлена ранненеолитическая керамика, она оригинальна в технологическом и декоративном исполнении. Надо отметить, что подобная ситуация даже в большей степени эклектики наблюдается и на прекрасно изученных комплексах начального Дзёмана о. Хоккайдо (Ячио А, Тайсё-1–8 и др.). На наш взгляд, это объясняется особенностями историко-культурных процессов в раннем голоцене на формирующихся в современных очертаниях островных территориях, а именно: проникновением и последующим существованием обособленных групп населения, не консолидированных в рамках объединений следующего порядка, присущих периоду среднего неолита: Сони на Южном Сахалине, ранний Дзёмон на Хоккайдо, малышевская культура на Нижнем Амуре.

Остальная часть источников по изучаемому периоду острова, хотя и не идентифицируется вследствие малоизученности в рамках конкретных этапов периода, четко определяется по инвентарю как ранненеолитическая и имеет значение в качестве общего фона исследования.

ГЛАВА 3 ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ РАННЕГО НЕОЛИТА ОСТРОВА САХАЛИН. ПРОБЛЕМА НАЧАЛЬНОГО НЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА

3.1. Хронология и периодизация раннего неолита

К настоящему моменту на территории острова Сахалин обнаружено 40 памятников раннего неолита, имеющих в своем инвентаре отчетливые признаки ранненеолитических традиций расщепления и обработки камня, изготовления керамики и других явлений инновационного и новационного характеров. Эти объекты известны на всей территории острова в широтном отношении (за исключением п-ва Шмидта) и во всех основных ландшафтных системах (побережья, долины рек, горы). Опорными памятниками раннего неолита на острове Сахалин являются объекты, исследованные раскопками широкой площадью — Славная-5, Славная-4, Пугачево-1, Поречье-4, Одопту-2.

Определение хронологических рамок периода и его этапов основывается на серии радиоуглеродных дат образцов угля с памятников раннего неолита и пищевого нагара ранненеолитической керамики острова Сахалин, приведенных в таблице 2.

По результатам раскопок поселений и стоянок на Сахалине и соседнем острове Хоккайдо, основываясь на результатах радиоуглеродного датирования, период раннего неолита определяется хронологическими рамками в 9–7 тыс. лет назад. Этапные признаки, критерии периода подробно рассмотрены ниже. На материалах опорных памятников раннего неолита Сахалина выделяется два этапа, связанных общей традицией изготовления наконечников стрел на пластинах. Первый (ранний) этап представлен материалами стоянки Славная-5 (юго-восточное побережье), отличительной чертой которых является исключительная ориентация на обсидиановое сырье и технику пластинчатого расщепления (отсутствие бифасиальных изделий). К этому же этапу относится стоянка Одопту-2 (северо-восточное побережье), отличием которой является незначительная доля обсидиана в инвентаре.

Отсутствие радиокарбоновых дат для данных стоянок не позволяет привести данные абсолютной хронологии для них. Однако стратиграфические условия залегания комплекса Славная-5 (ранненеоголоценовые суглинки), по сравнению с условиями залегания ранненеолитического комплекса Славная-4 (тяжелые супеси), свидетельствуют о более древнем характере вмещающих комплекс Славная-5 отложений. Проведенный Н. А. Рудой палинологический анализ образцов из геологических отложений Славной-5 не противоречит ран-

неголоценовой датировке отложений. Кроме того, о более древнем, чем ранненеолитический инвентарь комплекса Славная-4, характере комплекса Славной-5 свидетельствуют типологические особенности инвентаря этой стоянки, а именно ярко выраженная пластиначатая технология с присутствием в том числе и длинных пластин. Таким образом, опираясь на эти факты, а также учитывая материалы соседнего о. Хоккайдо, предполагаем хронологические рамки первого (раннего) этапа раннего неолита 9–8 тыс. лет назад.

Более полно изучен второй (поздний) этап, представленный материалами стоянок Поречье-4, Пугачево-1 и поселения Славная-4 (раскоп 2, слои 4 и 5). Важным маркером техники каменных орудий для памятников позднего этапа раннего неолита служит сочетание пластиначатых и бифасильных технологий. Бифасы представлены разнообразными формами и размерами, в основном это клинки и наконечники метательных орудий. Особую группу изделий составляют орудия из галек – шлифованные каменные стержни и орудия деревообработки – топоры и тесла. Свообразным индикатором самобытного развития ранненеолитических коллективов на острове, по-видимому, вследствие волнообразного периодического проникновения, является обнаружение оригинальных видов керамики на каждом объекте, объединенных традицией изготовления наконечников на пластинах. Однако виды керамики раннего неолита Сахалина хотя и отличаются друг от друга, имеют устойчивые аналогии с некоторыми типами керамики начального Дзёмана о. Хоккайдо со стоянок Акацуки, Ятиё! А, Тайсё-3–7, Икеда-3 и др. Опираясь на результаты радиоуглеродного датирования образцов угля из слоя и пищевого нагара с керамики, определяем хронологические рамки данного этапа – 8,1–7 тыс. лет назад.

Верхняя хронологическая граница позднего этапа раннего неолита Сахалина четко идентифицируется датировками памятников ранней поры среднего неолита острова, для северной части это материалы раскопок поселения Чайво-6 пункт 2 6 945±90 лет (СОАН–6095), 6 895±100 лет (СОАН–6094) [Грищенко, 2008, с. 26–37], для южной части острова – материалы раннего периода культуры Сони (7200–6500 лет назад) [Василевский, 2008, с. 197]. Вместе с тем нижняя хронологическая граница раннего неолита Сахалина не идентифицируется радиоуглеродными датами памятников предшествующего переходного от палеолита к неолиту (начального неолита) периода. Данная ситуация связана со слабой изученностью памятников этого периода на острове, выражающейся в отсутствии дат этих памятников.

Таким образом, хронология и периодизация раннего неолита острова Сахалин по состоянию изученности на сегодняшний день выглядит следующим образом. Общие хронологические рамки периода определяются в 9–7 тыс. лет назад. Внутри периода выделяются два этапа: первый (ранний) этап датируется типологическим методом 9–8,1 тыс. лет назад, второй (поздний) этап датируется на основании радиоуглеродных дат и типологических сопоставлений с датированными памятниками о. Хоккайдо 8,1–7 тыс. лет назад. Надо отметить, что все вышеуказанные радиоуглеродные даты памятников

раннего и ранней поры среднего неолита острова Сахалин при калибровке удревняются в среднем на тысячу лет, соответственно удревняется и календарный возраст выделяемых периодов и этапов.

Таблица 2

Радиоуглеродные даты памятников раннего неолита о. Сахалин⁷

№	Описание образца, источник информации (в квадратных скобках) ⁸	Индекс ла- боратории и номер ^{14}C даты	^{14}C дата, л. н.	Календарная дата (± 2 сигма) ⁹
1	2	3	4	5
1.	Славная-4, уголь, раск. 2, жил. 2, заполнение, сл. 3, кв. 29/92 D [1]	СОАН–6684	7445 ± 115	6490–6070 cal BC
2.	Адо-Тымово-2 («Пузи-2»), уголь (1985) [2]	АА–36387	7520 ± 70	6480–6230 cal BC
3.	Адо-Тымово-2 («Пузи-2»), уголь (1985) [2]	СОАН–4064	7535 ± 135	6640–6100 cal BC
4.	Набиль-1, уголь, п. 2, раск. 2, жил. 5, кв. А-9 [1]	СОАН–5814	7580 ± 125	6680–6110 cal BC
5.	Адо-Тымово-2 («Пузи-2»), уголь (1985) [2]	АА–36389	7610 ± 60	6590–6380 cal BC
6.	Адо-Тымово-2 («Пузи-2»), уголь (1985) [2]	АА–36388	7790 ± 65	6810–6470 cal BC
7.	Хунмахта-1, уголь под жил. 1 [3]	ЛЕ–7031	7930 ± 20	7030–6690 cal BC
8.	Пещера Останцевая, главная камера, кость, гл. 0,30 м [4, 5]	СОАН–5176	8040 ± 85	7290–6680 cal BC
9.	Славная-4, нагар на керамике, раск. 2, жил. 1, сл. 5, кв. 46/95 С [1]	АА–79416	8135 ± 50	7310–7050 cal BC
10.	Славная-4, нагар на керамике, раск. 2, жил. 1, сл. 4, кв. 46/95 С [1]	АА–79417	8150 ± 50	7310–7060 cal BC

⁷ Сокращения: рас. – раскоп; п. – пункт; жил. – жилище; кв. – квадрат; сл. – слой; гл. – глубина; ш. – шурф; транш. – траншея;

⁸ Источники: [1] – Василевский, Грищенко, Кузьмин, Орлова, 2009; [2] – Kuzmin et al., 2004; [3] – Гусев и др., 2005; [4] – Kuzmin et al., 2005; [5] – Gorbunov, 2002.

⁹ Cal BC – гг. до н. э. Использована программа Calib Rev. 5.1.0; даты округлены до ближайших 10 лет, все возможные календарные интервалы объединены.

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5
11.	Хунмахта-1, уголь рядом с жил. 8 [3]	ЛЕ-7028	8500 ± 100	7780–7310 cal BC
12.	Стародубское-3, нагар на керамике, раск. 3, жил. 154 (1989) [1]	АА-36739	8660 ± 70	7940–7580 cal BC
13.	Адо-Тымово 2 («Пузи-2»), уголь (1985) [2]	СОАН-3819	8780 ± 135	8230–7590 cal BC
14.	Пещера Останцевая, главная камера, кость, гл. 4,20 м [4, 5]	СОАН-5522	9620 ± 135	9300–8630 cal BC

3.2. Археологические критерии и этапные признаки раннего неолита

Теоретическим аспектам понятия «неолит» и практическому содержанию эпохи в островной археологии Дальнего Востока посвящено несколько работ [Василевский, 1996; 1999, с. 84–90; 2000, с. 150–160; 2001, с. 3–20; 2004, с. 36–44; 2008, с. 176–186; Василевский, Грищенко, 2002, с. 129–147; Василевский, Шубина, 2002, с. 196–231; Vasilevski, 2006; Vasilevski, Shubina, 2006]. В них озвучены теоретические модели А. А. Василевского, основанные на его авторских материалах, с привлечением данных других исследователей. Суммируя результаты этих работ, можно сказать следующее. Содержанием эпохи новокаменного века в островном регионе является переход к высокоспециализированному присваивающему хозяйству, основанному на эксплуатации биоресурсов моря. В русле данного тезиса трактуется появление цепи инноваций и новаций в материальной культуре, характерных для неолита Сахалина.

Задачей настоящего раздела является анализ источников по раннему неолиту острова с целью формирования критериев и признаков раннего неолита и определения его места и значения в процессе неолитизации острова.

Памятники раннего неолита обнаружены на всей территории острова в широтном отношении (за исключением п-ва Шмидта) и во всех основных ландшафтных системах (побережья, долины рек, горы) (рис. 1). Однако из более 40 известных ранненеолитических памятников половина расположена непосредственно на морском побережье, причем в этой группе источников представлены основные опорные памятники острова (Славная-4, Славная-5, Поречье-4, Стародубское-3, Одопту-2), т. е. поселения и стоянки с мощным культурным слоем, включающие долговременные объекты – жилища. Опорные памятники речных долин (Пугачево-1, Набиль-1, Даги-7) приурочены к крупным нерестовым водотокам на удалении до 10 км от устья реки. Объекты, расположенные в глубине речных долин, и особенно в горах, – временные стоянки (охот-

нические лагеря и мастерские) с незначительным культурным слоем, а также места отдельных находок.

Таким образом, география и топография стоянок и поселений раннего неолита прямо указывает на приморскую адаптацию социумов. Месторасположение поселений смещается из глубины речных долин в позднем плейстоцене (Огоньки-5, Сокол, Олимпия-5) на раннеголоценовое побережье и в приусտевые части (Славная-4, -5 и др.). Вместе с тем отмечаем сосуществование в раннем неолите Сахалина данной стратегии расселения с более архаичной – стратегией кочевок по промысловому кольцу и устройством временных охотничьих и рыболовных лагерей.

Каменная индустрия памятников раннего неолита Сахалина представляет собой два различающихся между собой комплекса, относящихся к раннему и позднему этапам периода.

Индустрия раннего этапа (Славная-5, Одопту-2) основана на редукции конического нуклеуса (по типологии нуклеусов о. Хоккайдо – тип момиджияма) (рис. 6–8), и как следствие этого – господство параллельного принципа расщепления. Основными продуктами расщепления данного типа нуклеуса являются длинные, средние и малые пластины, которые после вторичной обработки разными видами ретуши (центральной и дорсальной, краевой, стелющейся приостряющей, аккомодационной притупливающей и др.) становились орудиями различных типов – наконечниками метательных орудий (стрел и дротиков), ножевидными изделиями, скребками (концевыми и боковыми), резцами и остриями-проколками.

Наконечники метательных орудий (рис. 9) (стрел, дротиков, гарпунов) представлены изделиями на средних и малых пластинах, форма придана дорсальной и/или центральной ретушью, на отдельных изделиях ретушью оформлена выемка в основании изделия.

Ножевидные изделия (рис. 11–12) представлены длинными и средними пластинами с обушком, оформленным следующими способами: длинным продольным сколом по краю пластины с целью формирования плоскости, перпендикулярной режущему краю. Второй способ формирования обушка – оформление края пластины, параллельного режущему, притупливающей ретушью, а также без оформления обушка. Оригинальным способом оформления рабочего края некоторых ножевидных пластин является обработка приостряющей мелкой дорсальной и/или центральной ретушью края с формированием прямого или тупого угла по отношению к плоскости пластины, так называемые угловые ножи. Еще одним способом оформления ножевидных пластин является подтеска с вентрала и/или дорсала дистального или проксимального конца с целью приострения края изделия, иногда так удалялся ударный бугорок.

Скребки (рис. 13/5–8). Данная группа орудий представляет собой серию изделий концевого и бокового типов, изготовленных на пластинах и отщепах. Рабочие края скребков обработаны полукруглой и пологой краевой ретушью отжимного типа. В ряде случаев проксимальные концы орудий обрабатывались ретушью аккомодационного характера.

Резцы (рис. 13/1, 4, 9). Эта группа орудий выполнена на малых пластинах. Резцовые кромки изделий оформлялись узкими диагональными и параллельными сколами, обычно таким образом формировалось несколько рабочих кромок.

Острия (рис. 13/2, 3). Особый тип орудий, изготавлившийся на средних, малых и микропластинах, служивших в качестве проколок, дрилей, проверток. Проксимальные концы изделий оформлялись ретушью с дорсала и вентрала, формируя острие.

Выемчатые орудия. Немногочисленная группа представлена орудиями на отщепах и пластинах, выемка на рабочем крае оформлялась вентральной или дорсальной мелкой пологой ретушью.

Пластины-вкладыши (рис. 14). Наиболее многочисленная группа пластин, куда включены малые и микропластины. Большая часть изделий (свыше 50 %) не подвергнута вторичной обработке. Больше 90 % пластин фрагментированы, это значит, что размерность изделий устанавливалась путем намеренной фрагментации, на отдельных пластинах имеются следы тронкирования. Микропластины также получены путем фрагментации малых и средних пластин, что говорит об отсутствии регулярного микропластинчатого расщепления, на основе редукции клиновидного или другого типа микронуклеуса. На некоторых изделиях фиксируются следы износа — заломы и ретушь утилизации.

Орудия на уклонившихся сколах. Оригинальный тип орудия, использовавшийся в качестве базовой заготовки продукт производственного брака — уклонившийся скол (килевая часть) с конического нуклеуса (типа Момиджияма). Для оформления рабочей части вентральной ретушью подправлялся край изделия с дистального конца.

Орудия на отщепах. Немногочисленная группа (до 10 экз. в инвентаре стоянки Славная-5) орудий, представленная разнообразными отщепами (средних и малых размеров), намеренно ретушированных и с ретушью утилизации.

Рубящие орудия (рис. 17–19). Одна из самых многочисленных групп орудий (37 целых экземпляров, 14 фрагментов в инвентаре стоянки Славная-5). Представлена изделиями исключительно из местных пород камня (аргиллиты, алевролиты, песчаник, кремень). Отмечаем разнообразие форм и размеров: в инвентаре стоянки Славная-5 присутствуют как одно- и двусторонне выпуклые изделия, так и уплощенные формы. Также отмечаем значительную вариабельность способов вторичной обработки — первоначально изделию придавалась форма двусторонней оббивкой, далее орудие оформлялось шлифовкой. Доля шлифовки в оформлении различна: от полной обработки поверхностей до полного ее отсутствия. Оригинальным способом оформления рубящих орудий является проточка продольно ориентированных желобков на боковых гранях тесла. Данный приемносит, по-видимому, аккомодационный характер и выполнялся с целью крепления орудия во втулке. Находки подобных желобчатых тесел являются своеобразным индикатором комплексов раннего неолита Сахалина (Славная-4, -5) и Хоккайдо (Юбецу-Ичикава [Kimura, 1999, р. 59], Тайсё-3 [Obihiro..., 2006, р. 103]).

Орудия из галек (грузила и стержни) (рис. 16). Особая группа изделий, включающая шлифованные стержни различных размеров и форм. Выделяется группа стержней с устойчивыми идентифицирующими признаками: округлое поперечное сечение и уточнения-носики на концах изделия. Функциональное значение этих изделий остается предметом дискуссии, однако выскажем предположение, что данные предметы имеют отношение к прибрежной адаптации и рыболовству — а именно могли служить в качестве цевья составного крючка и рыболовных грузил, некоторые аналогии этим изделиям прослеживаются в костяном рыболовном инвентаре памятников мезолита — неолита Прибалтики [Загорска, 1991, с. 55, 58] и в этнографических источниках Северной Америки [Stewart, 1982, р. 31]. Изделиями с минимальной долей обработки, а иногда и совсем без нее являются грузила из галек, обнаруженные на стоянках Славная-5 и Одопту-2. Вторичная обработка этих изделий заключалась в формировании перехвата в виде шлифованных желобков (желобка) в верхней части грузила. Данные грузила, исходя из размеров и веса, могли использоваться для пригружения сетей. Предполагаем, что малое количество обработанных сетевых грузил (два на Славной-5 и одно на Одопту-2) вызвано тем, что в качестве грузил в основном использовались необработанные гальки.

Индустрия позднего этапа (Славная-4, раскоп 2, слои 4 и 5, Пугачево-1) имеет много общих черт с индустрией первого (раннего) этапа, подробно описанной выше, в связи с этим при описании каменного инвентаря стоянок позднего этапа сосредоточимся на отличиях в признаках.

Нуклеусы представлены изделиями для получения пластин параллельного принципа расщепления призматических и конических форм (по классификации микронуклеусов о. Хоккайдо тип момиджияма) (рис. 37). Для изготовления пластин и орудий использовались как местные породы сырья, так и обсидиан с месторождений о. Хоккайдо.

Наконечники (рис. 38) метательных орудий представлены серией наконечников на пластинах, в целом идентичных описанным выше, и наконечниками-бифасами, что является новацией в индустриях второго этапа.

Бифасы (рис. 39) представлены разнообразными формами и размерами. Типологически это массивные клинки и наконечники метательных орудий (дротиков и стрел), а также ножи, в том числе и черешкового типа. Появление бифасиальных орудий (наконечников и ножей) является безусловной новацией этапа, в адаптационно-сыревом отношении для стоянок юга острова (Пугачево-1, Славная-4) эта новация внедрялась совместно с переориентацией на местные (кремневые, яшмовые) источники сырья. Доля обсидиана в инвентаре ранненеолитических слоев Славной-4 значительно (до 70 %) меньше, чем на Славной-5.

Наиболее распространенный тип орудия — средние и малые пластины, ретушированные по обоим продольным краям. Анализируя ретушь на средних и малых пластинах, можно говорить о развитой

вкладышевой технике. Рабочий край пластины подправлялся стелющейся приостряющей ретушью, край противоположный – фронту крутой и полукруглой притупливающей ретушью аккомодационного характера. Косвенным подтверждением этому является обнаружение костяных основ для составных вкладышевых орудий в пещере Медвежьих Трагедий (рис. 59). Длинные пластины распространены значительно меньше, нежели средние и малые, отмечаем все же их наличие и характерный прием вторичной обработки – подтеска (удаление) ударного бугорка и формирование ретушью с центра и дorsала пластины полукруглого приостренного рабочего проксимального конца. Микропластины представлены в основном фрагментами средних и малых пластин, серия целенаправленно отжатых со специальных микронуклеусов изделий отсутствует. В целом отмечаем отсутствие регулярных приемов получения микропластин, выразившихся в отсутствии характерных торцовых клиновидных микронуклеусов, полученные же микропластинчатые формы являются продуктом расщепления конических нуклеусов крайней степени редукции.

Важной новацией этапа является распространение орудий на отщепах. В основном это ножи, реже – острия. Отличием от индустрии раннего этапа является намеренное оформление в инвентаре памятников позднего этапа раннего неолита орудий на отщепах приемами вторичной обработки – ретуширование обушков изделий, подправка рабочего края.

Таким образом, важным маркером индустрии памятников позднего этапа раннего неолита служит сочетание пластинчатых и бифасиальных технологий в изготовлении всех категорий орудий за исключением рубящих – топоров и тесел. Своебразным следствием распространения бифасиальной технологии является появление намеренно изготовленных орудий на отщепах.

Каменный инвентарь стоянок периода раннего неолита представляет собой два технокомплекса, имеющих ряд схожих черт, но различающихся в деталях и по двум принципиальным моментам. В качестве общих для обоих этапов периода выделяется набор устойчивых признаков:

- Техника первичного расщепления основана на редукции конического нуклеуса (по типологии нуклеусов о. Хоккайдо – тип момиджияма).
- В качестве доминирующего продукта расщепления представлены малые и средние пластины, что может говорить о развитой вкладышевой технике.
- Оригинальным маркером периода являются серии наконечников метательных орудий на пластинах.
- Развитая техника шлифовки, следствием которой являются изделия с полностью шлифованной поверхностью (топоры, тесла, стержни), кроме того, шлифовка использовалась в качестве дополнительного приема оформления орудий (желобчатые тесла).
- Наличие представительной серии разнообразных по размерам, форме и способам оформления рубящих орудий (топоров, тесел, дрот, стамесок).

- Присутствие в инвентаре стоянок и поселений оригинальных шлифованных изделий – каменных стержней и необработанных или с незначительной долей обработки рыболовных грузил.

В качестве отличительных признаков второго (позднего) этапа периода выделяются следующие признаки:

- Сочетание пластинчатых и бифасиальных технологий¹⁰ и как следствие этого:

✓ наличие бифасиальных орудий – наконечников и ножей, в том числе черешковых форм;

✓ изготовление орудий на отщепах с применением приемов вторичной обработки.

Процесс неолитизации территории острова Сахалин связывается, помимо прочих условий, «...с появлением цепи инноваций и новаций в материальной культуре, характерных для новокаменного века островных территорий: керамика, топор, тесло, шлифовка и двухсторонняя обработка камня, лодка, метательные орудия с каменными наконечниками и, конечно, бурное развитие техники отщепов, вытеснившей технику пластин» [Васильевский, 2000, с. 150–160]. Необходимо отметить, что большинство вышеперечисленных нововведений имело место быть в начальном неолите (переходный период от палеолита к неолиту), а отдельные явления – в финальных и поздних этапах палеолита острова [Васильевский, 2000, с. 150–160]. Однако в период раннего неолита все вышеперечисленные явления отмечаются серийно и в комплексе, что позволяет говорить об устойчивой неолитизации социумов острова, живших в период 9–7,5 тыс. лет назад. Ниже будут рассмотрены основные неолитические инновации относительно рассматриваемого периода.

Керамика

Являясь классическим индикатором неолитической эпохи в Евразии, находки керамических изделий служат важнейшим признаком ранне-неолитических комплексов острова. Ранняя керамика обнаружена на девяти памятниках Сахалина (Славная-4, Славная-5, Стародубское-3, Поречье-4, Пугачево-1, Бердянские озера-2, Адо-Тымово-2, Ныйво-1, Одопту-2). На пяти из них (Славная-4, Славная-5, Пугачево-1, Поречье-4, Одопту-2) – в комплексе с пластинами и наконечниками стрел на пластинах. Подробно находки керамики описаны в главе 2 настоящей монографии, здесь же хотелось бы остановиться на наиболее общих и важных моментах. Достаточно интересен довольно дискуссионный вопрос о причинах раннего появления керамики в островном регионе. По нашим представлениям, это связано с освоением ресурсов моря, так на средневековых поселениях Сахалина с раковинными кучами обнаружены мощные отложения рыбьего

¹⁰ Техника двухсторонней обивки изделий, впрочем, использовалась на всем протяжении раннего неолита острова в производстве рубящих орудий (топоров и тесел).

костного тлена (преимущественно селедочного), на наш взгляд, это говорит о налаженной технологии обработки рыбы с целью получения жира — вываривании. Рыбий жир является ценнейшим энергетическим продуктом, использовавшимся во многих сферах жизни. Необходимо заметить, что произвести операцию вываривания жира, в отличие от простого приготовления пищи, можно исключительно в огнеупорном контейнере, в данном случае — керамическом. В связи с этим не исключаем связи между ранним появлением керамики на островах и морской адаптацией.

С точки зрения характеристики ранненеолитических керамических комплексов керамику Сахалина отличает значительная гетерогенность — в ранненеолитических памятниках острова обнаружена керамика с органической и минеральной примесью, с различной толщиной стенки и качеством теста — пористая толстостенная и плотная тонкостенная. Также различался температурный режим обжига — отсюда разная цветность и степень пропеченности черепков. Вместе с тем есть и ряд общих признаков для ранненеолитической керамики Сахалина — плоскодонная форма, прямой венчик, ровные (непрофилированные) стенки. Орнаментация изделий также различна. В целом для керамики рассматриваемого периода, обнаруженной на острове Сахалин, характерна крайняя лаконичность орнамента — керамика, орнаментированная горизонтальными прочесами щепкой или краем раковины с внешней и/или внутренней стороны сосуда, обнаружена на четырех памятниках: Стародубское-3, Бердянские озера, Адо-Тымово-2, Одопту-2. На поселении Славная-4 обнаружен другой тип орнамента — отпечаток раковины моллюска (гребешка) на дне сосуда. Керамика, обнаруженная на остальных памятниках, неорнаментированная. Таким образом, отмечаем два стиля орнаментации ранненеолитических сосудов острова Сахалин: горизонтальные прочесы и отпечаток ракушки на дне, причем оба способа связаны с технологическими условиями изготовления сосуда (в первом случае это уплотнение стенки, во втором — способ формовки на определенной поверхности), то есть несут помимо всех прочих смыслов технологическую необходимость нанесения орнаментации.

Несравненно более широко изученные комплексы начального Дзёмана (Initial Jomon) соседнего острова Хоккайдо несут более богатую керамическую традицию — выделяются несколько принципиально отличающихся друг от друга по форме венчика, туловища, дна и орнаментации сосудов типов керамики: Урахоро, Акацуки, Тэннеру, Хигаси-Кусиро, при принципиально тождественной каменной индустрии, основанной на редукции нуклеуса момиджияма, ярко выраженной пластинчатой технологии и традиции изготовления наконечников на пластинах [Китазава, 1999, с. 273 — 363; Kimura, 1999]. Причем находки керамики в южной части острова Сахалин имеют прямые аналогии с керамикой Хоккайдо: Славная-4 — керамика Тэннеру (Акацуки), Стародубское-3 — керамика Урахоро.

Таким образом, керамика в комплексе с пластинчатой индустрией является ярким индикатором периода раннего неолита Сахалина, в сочетании с другими инновациями неолита использование керамики

маркирует начало перехода к новому способу эксплуатации среды и другому качеству жизни, что является одним из компонентов процесса неолитизации в островном мире Северо-Восточной Азии.

Шлифовка и орудия деревообработки

Как и керамика, шлифование камня также является хрестоматийным признаком неолита, однако древнейшее шлифованное тесло и нешлифованные тесловидно-скребловидные орудия появляются на Сахалине в верхнепалеолитическом горизонте 3 поселения Огоньки-5, датируемом возрастом 30 000–18 000 лет назад [Василевский, 2003, с. 51–69]. В ранненеолитических комплексах острова шлифовка камня получила дальнейшее развитие и вышла на принципиально новый уровень. Этот тезис ярко иллюстрирует количество и ассортимент шлифованных орудий в инвентаре памятников раннего неолита. По сравнению с палеолитическим временем количество тесел и топоров в индустриях раннего неолита возрастает на несколько порядков: три орудия в инвентаре Огоньков-5 и 75 орудий в инвентаре Славной-5. Кроме принципиально возросшего количества шлифованных орудий на памятниках раннего неолита, существенно увеличивается и их ассортимент: по-прежнему подавляющее большинство (63 из 75 на Славной-5) — это орудия деревообработки: топоры, тёсла, долота, стамески. Однако даже в этой группе орудий наблюдается значительная вариабельность изделий: инвентарь представлен в спектре от массивных расщепляющих топоров-колунов до миниатюрных стамесок. Также варьируется форма орудий (дву- и односторонне выпуклые и уплощенные) и степень их обработки — от полной шлифовки поверхностей до полного ее отсутствия. Широкое внедрение орудий деревообработки в хозяйственный инвентарь социума связано как с изготовлением водных средств транспорта (долблевых лодок), так и с процессом жилищного строительства (появление каркасных столбовых конструкций), то есть с новым качеством жизни и эксплуатации среды в неолитическое время. Кроме орудий деревообработки, благодаря использованию шлифовки появляется еще одна категория орудий, впрямую указывающая на процессы активной эксплуатации биоресурсов моря и являющаяся своеобразным маркером раннего и ранней поры среднего неолита Сахалина — шлифованные стержни — рыболовные грузила и части составных снастей и рыболовные грузила из галек.

Таким образом, развитие технологии шлифовки камня тесным образом связано с процессами приморской адаптации, стратегией оседлого расселения, развитием межостровных связей и связей островов — материк, являющихся составными частями общего процесса неолитизации островных социумов.

Дистанционные орудия (наконечники стрел, дротиков)

Появление артефактов, традиционно характеризующихся как орудия дистанционного действия (наконечники стрел, дротиков), относится к финальному палеолиту острова — черешковое острие на пластине обнаружено в культурном слое стоянки Олимпия-5 [Василевский

и др., 2004, с. 47–53]. В горизонте 1 поселения Огоньки-5, относимого А. А. Василевским к переходному периоду от финального палеолита к начальному неолиту, зафиксировано уже три наконечника дротиков, изготовленных с применением пластинчатых и бифасиальных (тип Тачикава) технологий [Василевский, 2003, с. 51–69]. Принципиальное отличие ранненеолитической индустрии в этом вопросе – появление серий бифасиальных наконечников метательных орудий на пластинах, таким образом, эта категория находок из разряда редкой, даже атипичной в финальном палеолите, переходит в разряд серийной, массовой, иллюстрируя широкое использование дистанционных орудий в раннем неолите. Кроме того, размерные характеристики, а именно появление серий небольших по размерам (до 50 мм в длину и до 10 мм в ширину) изделий говорит об их использовании в качестве наконечников стрел, а следовательно, о появлении лука – орудия дистанционного боя.

Таким образом, орудия дистанционного действия, появившиеся в финальном палеолите – начальном неолите Сахалина, в изучаемый период распространяются массово и в комплексе с другими инновациями и новациями материальной культуры ранненеолитических социумов.

Вкладышевая техника

Являясь закономерным следствием развития микропластинчатой индустрии, вкладышевая техника, безусловно, зарождается и расцветает в периоды верхнего и финального палеолита. Именно в это время на территории Сахалино-Хоккайдского полуострова на высококачественном обсидиановом и кремниевом сырье формируется семь технологий (методов) микропластинчатого расщепления [Nakazawa et all, 2005, р. 276–292]. Однако в классическом понимании вкладышевая техника подразумевает помимо микропластин наличие костяного инвентаря и предметов из дерева в качестве основы для составных орудий. В этом ключе пока единственными находками таких изделий на островах Сахалин и Хоккайдо являются костяные жезлы с пазами для микропластин из пещеры Медвежьих Трагедий (о. Сахалин) (рис. 59) предположительно ранненеолитического возраста.

Жилища-полуземлянки

Наиболее древние свидетельства долговременных построек в археологии Сахалина относятся к эпохе верхнего палеолита и зафиксированы на поселении Огоньки-5. Там в стратиграфических условиях методами планиграфического анализа и графического моделирования установлено наличие трех жилищ наземного типа (каркасных строений) окружной в плане формы без следов крепления каркаса в грунте (столбовые ямы, запорные камни) [Василевский, 2003, с. 51–69]. Принципиальное отличие жилищ раннего неолита, обнаруженных на поселении Славная-4, – наличие котлована и системы столбовых ям от опорных столбов каркасной конструкции из бревен, а значит, данные жилища относятся к типу полуземлянок, характерных для археологических культур острова всех периодов, за исключением палеолита. Жилище-полуземлянка, по сравнению с легким наземным жили-

щем типа шалаша, имеет ряд неоспоримых преимуществ: во-первых, для строительства полуземлянки использовались в качестве каркаса бревна диаметром 15–20 см (таковы диаметры столбовых ям в жилищах на Славной-4), что делало каркас дома довольно крепким и устойчивым к ветру и снеговой нагрузке; во-вторых, обогревать наполовину углубленное в землю жилище менее энергозатратно. Вместе с тем для строительства такого дома необходимо также наличие орудий деревообработки (шлифованных топоров и тесел) и землеройных орудий – мотыг и застулов, в качестве которых в более поздних памятниках использовались орудия из костей морского зверя. Также в качестве застулов и мотыг, возможно, использовались нешлифованные тесловидные орудия и шлифованные изделия, интерпретирующиеся как орудия деревообработки. Все эти явления ярко отражены в орудийном наборе ранненеолитических памятников острова Сахалин. Обнаружение жилищ-полуземлянок в раннем неолите хорошо коррелируется с археологией раннего неолита сопредельных территорий: новопетровской культурой Среднего Амура, представленной пластинчатым комплексом в жилищах-полуземлянках и материалами начального Дзёмана острова Хоккайдо – на поселении Ячио А (р-н г. Обиhiro) обнаружено и исследовано несколько котлованов жилищ, содержащих каменный инвентарь и керамику, идентичную Славной-4, и датируемым возрастом 8500–7500 лет назад [Obihiro..., 1990, р. 15]. Таким образом, появление жилищ-полуземлянок в составе постоянных оседлых поселений на морском побережье является важным критерием ранненеолитического периода и имело серьезные последствия в процессе неолитизации островного населения.

Изменения в экономике ранненеолитических социумов происходят в комплексе с инновационными внедрениями в сферу материальной культуры, и это является (но не ограничивается этим) составными частями процесса неолитизации. Содержанию этого процесса на территории острова Сахалин посвящена программная статья А. А. Василевского «К понятию неолит и его периодизации на о. Сахалин». По мнению автора статьи, основными инновациями неолита острова Сахалин являются: «В хозяйстве это переориентация экономики на эксплуатацию водной среды, как главного источника пропитания, а в образе жизни – оседлость и возникновение постоянных прибрежных поселений» [Василевский, 2000, с. 150–160]. Надо отметить, что, по нашим наблюдениям, вышеобозначенные явления проявились в значительной степени уже в рассматриваемый в настоящей работе период, а в период среднего неолита, то есть уже начиная с 7000 лет назад, данные тенденции становятся основным содержанием экономики неолитических социумов.

Ориентация на биоресурсы моря

Ориентация в неолите Сахалина вообще, и в раннем неолите в частности, на более широкую, нежели в палеолите, эксплуатацию биоресурсов моря проявляется в ряде факторов. Прежде всего, географическое положение стоянок и поселений изучаемого периода: большинство крупных ранненеолитических стоянок, тем

более поселений (так называемых опорных памятников региона: Стародубское-3, Славная-4, Славная-5, Одопту-2), имеют ярко выраженную приморскую ориентацию, т. е. приурочены к морскому побережью. Основные крупные памятники речных долин также ориентированы на крупный нерестовый речной водоток и располагаются на удалении до 10 км от устья (Пугачево-1, Набиль-1). Отсюда закономерен вывод о приморском характере адаптации обитателей опорных стоянок и поселений раннего неолита Сахалина с ориентацией на определенные хозяйствственные занятия – прежде всего, это рыболовство.

В пользу этого тезиса также говорят отдельные элементы орудийного набора памятников раннего неолита острова. Прежде всего, это грузила для рыболовных сетей, обнаруженные на стоянках как юга (Славная-5, Славная-4), так и севера острова (Одопту-2). Находки грузил рыболовных сетей характерны и для аналогичных памятников сопредельных территорий – Хоккайдо (Юбетцу-Ичикава, Хигаси-Кусиро-2, Комаба-7 и др.) и Амура (новопетровская культура). Помимо грузил для сетей также в качестве рыболовного инвентаря рассматриваем и шлифованные стержни, находки которых характерны для раннего неолита Сахалина. Подробно они описаны выше. Большое количество и ассортимент орудий деревообработки (топоров, тесел, долот) также указывает на приморскую адаптацию социумов в островных условиях – изготовление водных средств транспорта, необходимых для рыболовства и сообщения между островами, а также с материком невозможно без использования шлифованного топора и тесла, и наоборот, широкий ассортимент и большое количество тесел прямо указывает на активное производство водных средств транспорта.

Наконец, использование керамических контейнеров также способствовало расширению рациона питания людей раннего неолита за счет морепродуктов.

Таким образом, налицо ряд признаков, отличающих памятники раннего неолита Сахалина от стоянок и поселений предыдущей эпохи и прямо указывающих на изменения в хозяйстве, а именно ориентацию на био- и транспортные ресурсы моря островного ранненеолитического населения. В числе этих признаков: прибрежная стратегия расселения, сетевое рыболовство, массовое внедрение шлифованных орудий деревообработки и рыболовных снастей, использование керамической посуды.

Оседлость

Оседлое расселение с возведением долговременных поселений, состоящих из жилищ-полуземлянок на берегах водоемов, вблизи мест массового хода лосося (устья нерестовых рек) является безусловной инновацией неолитической эпохи и наиболее ярко проявилась в периоды среднего и позднего неолита [Васильевский, Шубина, 2002, с. 196–231]. Однако зарождение этой тенденции наблюдается в раннем неолите острова Сахалин. Подтверждением этому является обнаружение котлованов двух полуземлянок в ранненеолитическом слое поселения Славная-4. В связи с этим считаем возможным

сделать вывод о зарождении традиции оседлого расселения в прибрежной зоне в период раннего неолита и существовании данной стратегии расселения с более архаичной – стратегией кочевок по промысловому кольцу и устройством временных охотничьих и рыболовных лагерей-стоянок.

Обмен

Данный вид деятельности традиционно устанавливается археологическими методами по наличию в культурном слое того или иного памятника артефактов или материалов, не характерных для данной местности. Обычно в качестве индикаторов выступают предметы, не относящиеся к производственному циклу, – украшения, редкие камни, диковинки и т. п. Например, в позднепалеолитическом слое Денисовой пещеры (Горный Алтай) обнаружены украшения в виде бусин, изготовленных из скорлупы яиц страуса [Деревянко и др., 2003, с. 175–177]. Подобные единичные находки редкостей встречаются на памятниках позднего палеолита – мезолита и раннего неолита Евразии, это позволило историкам первобытного общества выделить отдельную форму данного вида деятельности – дарообмен, которая подразумевает деятельность ради обменных связей, а не вещей, находящихся в обменном обороте [Алексеев, Першиц, 1999, с. 236–237].

Принципиально иное, нежели дарообмен, значение имел этот вид деятельности для ранненеолитического населения островов Сахалин и Хоккайдо. Потому что в основе обменных операций лежало стратегически важное сырье для производства каменных орудий – вулканическое стекло (обсидиан), месторождения которого расположены на острове Хоккайдо.

Проведенные ранее исследования естественнонаучного направления в отношении находок из обсидиана на памятниках острова Сахалин показали, что именно месторождения острова Хоккайдо (Окето, Сиратаки (Акаишияма, Хорокозава), Сиратаки (Хорокозава, Хачигозава, Аджусайтаки)) служили источником обсидиана для древних обитателей Сахалина [Гласков и др., 2000, с. 99–106; Kuzmin et al., 2002, р. 741–749]. Удаленность от источников обсидианового сырья населения Сахалина в древности составляла в южной части острова около 425 км (Славная-4, -5), в северной части (Одопту-2) – около 1000 км прямого дирекционного расстояния.

О роли и значении обсидиана в хозяйстве ранненеолитических социумов говорят следующие данные: на стоянке Славная-5 из обсидиана сделано 50,1 % всех артефактов, 52,4 % всех орудий (исключая тесла, топоры, отбойники, грузила, стержни – 65,3 %) и 84,8 % всех нуклеусов. Конечно, эти показатели характерны для стоянки раннего этапа периода, расположенной на юге острова, и отражают своеобразный максимум использования обсидианового сырья в индустриях раннего неолита Сахалина. Для памятников второго (позднего) этапа Славная-4, Пугачево-1 доля обсидиана в орудийном наборе составляет около 30 %. В северной части острова (стоянка Одопту-2) при удалении от месторождений около 1 000 км обсидиан также присутствует в инвентаре стоянок раннего неолита, хотя и в единичных экземплярах.

О том, что обсидиан с месторождений о. Хоккайдо для социумов, населявших современную территорию островов Сахалин и Хоккайдо, был предметом именно обменных операций в позднем палеолите – раннем неолите, говорит несколько фактов: во-первых, на месторождениях Хоккайдо выделено несколько типов стоянок, различающихся по функциональному значению: стоянки-мастерские, население которых занималось исключительно добычей и предобменной подготовкой сырья (*base for quarry*), и стоянки – пункты обмена (*termed intermediate place*), где, по-видимому, совершались обменные операции и поселения (*termed village*), где проживали постоянно [Kimura, 1998, с. 302–314]. В связи с тем, что данные типы стоянок распределяются по уровням от уреза воды, можно предположить четкую специализацию групп людей, проживавших в районе месторождений и эксплуатирующих их. Во-вторых, находки обсидиана на острове Сахалин – это исключительно готовые орудия или нуклеусы, обсидиановых галек нет, сколы с галечной коркой единичны, а в памятниках раннего неолита отсутствуют. В связи с этим предполагаем, что обсидиановые изделия доставлялись на Сахалин в исследуемый период исключительно в виде готовых продуктов – нуклеусов и орудий, получаемых на стоянках – пунктах обмена (*termed intermediate place*) месторождений о. Хоккайдо.

Идея о существовании в верхнем палеолите – раннем неолите Хоккайдо и Сахалина обменного трафика («обсидианового пути») неоднократно озвучивалась в литературе [Kimura, 1992, р. 51–52; 1998, с. 302–314; Васильевский, 1996, с. 63; 2006, с. 31–35]. Причем отмечалось, что с образованием пролива Лаперуз обсидиановый обмен не только не прекратился, а интенсифицировался [Васильевский, 1996, с. 63]. Данные тезисы подтверждаются материалами раскопок ранненеолитических объектов острова Сахалин. Более того, на материалах раскопок этих памятников отчетливо прослеживается связь между количеством обсидиана в инвентаре и возрастающим количеством и ассортиментом орудий деревообработки, в частности шлифованных тесел, это, на наш взгляд, объясняется тем, что транспортировать сырье по морю на лодках менее энергозатратно, нежели пешим порядком. В этой связи инновационная модель поведения – обменная деятельность – выступает в тесной связке с одной из ключевых инноваций материальной культуры неолита – массовым распространением шлифованных тесел, в конечном итоге становясь элементом новой стратегии эксплуатации среды – освоением ресурсов моря, в том числе транспортных.

Помимо вышеперечисленных инновационных изменений, систему хозяйства ранненеолитических социумов дополняли традиционные элементы экономики, характерные для древнего населения острова Сахалин начиная с эпохи палеолита.

Добыча сырья для производства каменных орудий – пластин и бифасов. Данный вид деятельности, безусловно, имел место в хозяйственном расписании людей раннего неолита, так как даже в пики интенсивности обсидианового обмена доля местных пород камня в инвентаре стоянок и поселений присутствует. Традиционно в археологии добыча камня диагностируется по наличию стоянок-мастер-

ских на месторождениях. Крупные запасы ценного сырья для производства каменных орудий (яшмы и яшмоиды сургучного, зеленого и желто-коричневого цветов) содержатся в Восточно-Сахалинских горах, где обнаружены стоянки-мастерские по расщеплению камня, финального палеолита – раннего неолита (Кривун-1, -2, Скальный ручей, Восы-2–5) [Васильевский, 2006, с. 34]. Хотя, на наш взгляд, четко диагностируемых признаков раннего неолита в имеющихся коллекциях с этих стоянок нет (исследования носили пока разведочный характер), тем не менее, исходя из наличия в каменной индустрии памятников с отчетливой ранненеолитической компонентой (Пугачево-1, Славная-4, Набиль-1, Тайга и др.) находок из яшмоидного сырья, предполагаем наличие в районе Восточно-Сахалинских гор ранненеолитических мастерских по добыче и первичной обработке камня. Кроме яшмоидного сырья в инвентаре памятников раннего неолита Сахалина присутствуют изделия из различных ороговиковых и кремнистых пород. Месторождения этих ценных с точки зрения расщепления пород и мастерские по первичной обработке, видимо, еще предстоит обнаружить, хотя не исключен (хотя бы время от времени) вариант использования речных галек на отмелях.

Охота

Данный вид деятельности ранненеолитических социумов идентифицируется по двум признакам: во-первых, обнаружение отдельных ранненеолитических артефактов и небольших скоплений (наконечников стрел и дротиков, отдельных пластин, нуклеусов и отщепов) в местах, удаленных от морского побережья, крупных водотоков и мест добычи камня или явно не приуроченных к ним – Косая-1, Горелый-1, пещеры Медвежьих Трагедий, Зигзаг, Останцевая. В основном это стоянки и отдельные находки горных районов и пещерные памятники. Обнаружение этих артефактов в местах традиционного охотничьего промысла указывает на присутствие охоты в промысловом цикле ранненеолитического человека на Сахалине. Во-вторых, обнаружение в пещерах Среднего Сахалина раннеголоценовой фауны и артефактов [Алексеева, 1995, с. 91–93; Gorbunov, 2002, р. 170–174; Алексеева и др., 1996, с. 350–353] прямо указывает на объекты охоты ранненеолитического человека – копытные (олень, снежный баран), медведь, морской зверь (вкладышевые орудия из бивня и пениса моржа из пещеры Медвежьих Трагедий).

Собирательство. Данные об этом виде занятий ранненеолитического человека весьма скучны. Лесное собирательство идентифицируется по находкам кожуры ореха в культурных слоях поселения Стародубское-3 [Васильевский, Шубина, 2002, с. 198] и стоянки Славная-5. Определить морское собирательство до обнаружения и исследования раковинных куч представляется возможным только по косвенным признакам – наличию примеси ракушки в тесте ранненеолитической керамики Сахалина и отискам раковины на донышках керамических сосудов типа Акацуки (Тэннеру), обнаруженных на поселении Славная-4.

Таким образом, хотя вышеприведенные виды деятельности (до-

быча сырья, охота, собирательство) не являются инновационными для раннего неолита Сахалина, т. е. существовали и ранее, тем не менее данные занятия составляли важную часть жизни ранненеолитических социумов и, следовательно, входят в набор признаков и критерии периода.

Традиционными элементами в археологии эпохи камня, позволяющими моделировать процессы, относящиеся к сфере духовной культуры, являются обряды (чаще всего погребальный) и искусство (орнамент, изобразительное искусство, пластика и т. д.). При изучении раннего неолита Сахалина удалось выявить только один вид источника, прямо связанного с духовной культурой, — украшения в виде шлифованных каменных колец, обнаруженные на поселении Набиль-1 [Шубин, 2008, с. 161] (рис. 55/11) и на стоянке Славная-5 (рис. 20/5). Надо отметить, что обнаружение подобных изделий характерно и для памятников с керамикой типа Акацуки и Урахоро острова Хоккайдо [Kimura, 1999, р. 59; Китазава, 1999, с. 346]. Присутствие украшений как отдельного типа находок в инвентаре является одним из признаков периода раннего неолита Сахалина и яркой иллюстрацией духовной и бытовой культуры общества.

Таким образом, все вышеупомянутые признаки и критерии, суммированные в выводах каждого параграфа, позволяют идентифицировать описанный в данной работе круг памятников как ранненеолитические. Это позволяет рассматривать вышеописанные инновации и новации в экономике, хозяйстве, материальной и духовной культуре социумов, населявших остров Сахалин 9–7,5 тыс. лет назад, как генезис процесса неолитизации на островах Северо-Восточной Азии, результатом которого стало окончательное оформление в среднем неолите высокоспециализированного присваивающего хозяйства с ориентацией на биоресурсы моря.

3.3. Проблема начального неолита и мезолита в островном мире Дальнего Востока

Данной проблематике посвящен ряд специальных публикаций последнего времени, заключающихся как в конкретном изучении археологических объектов, так и в интерпретации и обобщении материалов [Василевский, 1996, с. 26–30; Терасаки, 1999, с. 45–60; Василевский, Грищенко, 2002, с. 85–100; Кузьмин, 2004, с. 79–86; Василевский, 2008]. Степень исследованности обозначенной территории также различается: выделяются четыре зоны изученности — Северный Сахалин, Южный Сахалин, Хоккайдо, Курилы. Результатом работы островных археологов является обнаружение на Южном Сахалине и Хоккайдо ряда стоянок, материалы которых послужили основой для постановки проблем периодизационного характера, а также вопросов содержания этапов каменного века. Собственно главной проблемой на сегодняшний день является проблема содержания (включающая особенности каменного инвентаря проблема ранней керамики, идентификация признаков и т. д.) переходного периода от палеолита к не-

олиту на островах Северо-Восточной Азии, датируемого для острова Сахалин хронологическим диапазоном 13–9 тыс. л. н. [Василевский, 2003, с. 29]. Необходимо оговориться, что данная проблема может быть решена только путем обнаружения и исследования репрезентативных источников, т. е. стратифицированных комплексов означенного периода. В связи с этим в данной работе приводится обзор опубликованных материалов по данной теме, соответственно, выводы носят предварительный характер.

Остров Сахалин

В настоящее время памятниками переходного периода признаны верхний горизонт палеолитического поселения Огоньки-5 и часть материалов стоянки Сокол [Василевский, 2003, с. 29–30]. Эти памятники расположены в южной части острова, в северной части памятников этого возраста не зафиксировано, хотя керамика со стоянки Адо-Тымово-2 по внешним признакам похожа на осиповскую керамику Приамурья. Датировка Адо-Тымовых находок в диапазоне $7\ 520 \pm 70 - 8\ 780 \pm 135$ радиоуглеродных лет [Василевский и др., 2004, с. 51] ей не соответствует. Вместе с тем начальнонеолитические комплексы Южного Сахалина также не имеют точных дат, их датировка производилась на основании типологического и стратиграфического (для Огоньков-5) методов. Тем не менее полученные материалы позволили в общих чертах обрисовать комплекс каменной индустрии, характерный для начального неолита острова, который в настоящий момент служит отправной точкой при типологическом анализе инвентаря. Итак, начальнонеолитический (переходного периода от палеолита к неолиту) комплекс индустрии камня острова Сахалин обладает следующими устойчивыми признаками:

- система расщепления основана на редукции нуклеусов параллельного и клиновидного типов (включая ладьевидные микронуклеусы);
- результатом редукции вышеупомянутых типов микронуклеусов стало наличие серии микро- и игольчатых пластин, занимающих важное место в инвентаре;
- орудийный набор представлен изделиями на пластинах, отщепах (в том числе пластиначатых) и бифасах;
- из орудийного набора выделяется группа наконечников металлических орудий, изготовленных преимущественно в бифасиальной технике (отдельные экземпляры на отщепах), причем отмечается наличие черешковых форм — остряя типа Тачикава.

В целом от предшествующих этапов позднего и финального палеолита начальнонеолитическую индустрию отличает тенденция к микролитизации, более рациональному расходу сырья, а также появление серии принципиально новых орудий — наконечников металлических орудий. Самое древнее орудие данного типа обнаружено на финальнопалеолитической стоянке Олимпия-5 [Василевский и др., 2004, с. 47–53], но появление серии наконечников (черешковых, бифасиального типа) является безусловной инновацией начального неолита и на сегодняшний день одним из главных признаков каменной индустрии периода. Важно отметить, что стратегия расселения и эксплуатации среды в начальном неолите, по-видимому, носила тот же

характер, что и в позднем палеолите — пока памятники переходного периода обнаружены на площадках, включающих палеолитические слои, залегающие ниже. Этот момент, как и еще ряд аспектов, рассмотренных в предыдущем разделе настоящей главы, четко разделяют памятники начального и раннего неолита на Сахалине.

Остров Хоккайдо

Особенностью археологического изучения Северной Японии является использование оригинальной периодизационной схемы, отличающейся от общепринятой в Евразии классической схемы деления каменного века. Отсюда вытекает необходимость сопоставления и корреляции понятий. В археологии каменного века острова Хоккайдо выделяются два больших периода: докерамический и Дзёмон, делящиеся в свою очередь на этапы. При грубом сопоставлении докерамический период соответствует палеолиту, Дзёмон — неолиту, переходный период от палеолита к неолиту — это время финала докерамического периода (этапы товарубецу и тачикава), датируемые возрастом 13 000–11 000 тыс. лет [Васильевский и др., 1982, с. 56].

Данные этапы характеризуются микролитизацией каменной индустрии, появлением шлифованных тесел, черешковых бифасиальных наконечников метательных орудий, что соответствует индустрии верхнего слоя поселения Огоныки-5 (Южный Сахалин).

В последней четверти XX — начале XXI века исследования на Хоккайдо переходной эпохи и начального Дзёмона приносят новые данные:

1. Керамика начального Дзёмона типа Тэннеру (Акацуки) датируется возрастом 8500–7500 лет назад [Obihiro..., 1990, р. 15].

2. В комплексе с бифасиальными острями обнаружена керамика, датируемая возрастом около 12 000 лет (стоянки Тайсё-3, -7, р-он г. Обихиро) [Obihiro..., 2006, р. 144].

Таким образом, начальный Дзёмон о. Хоккайдо определяется в хронологических границах, соответствующих раннему неолиту Сахалина, а в случае, если датировки наиболее древнего комплекса Тайсё-3, -7 подтверждятся, то можно констатировать, что финал докерамического периода Хоккайдо (изначальный Дзёмон), соответствующий начальному неолиту Сахалина, знаменуется появлением древнейшей керамики, что в принципе не противоречит датировкам комплекса осиповской культуры начального неолита Приамурья [Деревянко, Медведев, 1993, с. 24–27; Шевкомуд, 1996, с. 237–248; Кузьмин, 2004, с. 79–86; Гарковик, 2005, с. 116–131].

Итак, в островном регионе Северо-Восточной Азии, на материалах памятников островов Сахалин и Хоккайдо, выделен эпизод каменного века, датируемый 13–9 тыс. лет назад и относящийся к периоду начального неолита, характеризующегося следующими технологическими традициями:

1. Преобладающее значение техники микропластин и постепенное угасание техники макро- и длинных пластин, что объясняется более низкой материалоемкостью первой по сравнению с последней.

2. Развитие техники пластинчатых отщепов технологически более

простой и эффективной индустрии с точки зрения получения большого числа заготовок за короткое время, по сравнению с техникой микропластин, особенно в условиях недостатка хорошего сырья.

3. Расширяющееся внедрение двусторонней обработки изделий из камня (в т. ч. наконечников метательных орудий).

4. Расширение технологии шлифовки камня.

Внедрение данных традиций маркирует переход от палеолита к неолиту в рамках переходного периода — начального неолита, отличающегося по целому ряду признаков от сопредельных в хронологическом отношении периодов каменного века — финального палеолита и раннего неолита.

Проблема обозначения комплексов каменных орудий, занимающих промежуточное положение между палеолитом и неолитом, решилась введением в 1893 г. А. Брауном термина «мезолит». Однако в силу специфики археологических источников сформировать универсальные критерии данной эпохи не удалось. Западная (европейская) археология, на материалах которой и была выделена данная эпоха, определяет мезолит как переходный период от палеолита к неолиту, когда в условиях отступления ледников продолжал существовать охотничье-собирательский образ жизни. Мезолитические кремневые индустрии характеризуются обилием микролитов. Период заканчивается с переходом к производящему хозяйству неолита, основанному на скотоводстве и земледелии [Брей, Трамп, 1990, с. 155]. В советской археологии термин закрепился только в 50-х гг., при этом А. Н. Рогачевым дебатировался вопрос о правомочности выделения мезолитической эпохи как таковой [Рогачев, 1966]. Тем не менее в советской историографии сформировалось определение мезолита, основанное на сочетании географического и экономического анализа. Данное определение озвучено в томе, посвященном мезолиту, многотомной серии «Археология СССР», подведенном итоги изучения мезолита в советский период на территории СССР: «Мезолит — это раннеголоценовая эпоха каменного века, характеризующаяся особыми чертами адаптации человека к природной среде, определяющими всесторонним и дифференцированным развитием присваивающего хозяйства, которое выражается в наибольшем развитии микролитизации в каменном инвентаре, усовершенствовании экономики применительно к способам присваивающего хозяйства, создающим предпосылки для получения впоследствии избыточного продукта дроблением социальных коллективов при подвижном образе жизни» [Мезолит СССР, 1989, с. 6]. Основное содержание тома: публикация материалов памятников, подходящих под данное определение регионов Советского Союза, включая Дальний Восток. В качестве мезолитических на территории островного региона рассматривались Сахалинские стоянки Имчин-1, -2, Такое-2 и Сокол. Надо сказать, что выходу обобщающего тома предшествовал ряд публикаций, относящих материалы вышеупомянутых и некоторых других стоянок на Сахалине к эпохе мезолита [Вязовская, 1973; Окладников, 1977; Голубев, Лавров, 1988].

Вместе с тем в течение XX века формировался и другой подход

к оценке раннеголоценовых комплексов островов Северо-Восточной Азии, он связан с археологией острова Хоккайдо — японские археологи, не придерживаясь европейской периодизации, отнесли материалы, понимаемые в СССР как палеолитические и мезолитические, к докерамическому периоду, поделив его на несколько культур [Ойи, 1979, с. 61–70].

Проблемой изучения докерамических комплексов Дальнего Востока и корреляции их с памятниками Японских островов, а значит, и попыткой корреляции периодизаций в 60–80-х гг. XX века занимается сибирская школа археологии — сотрудники ИИФИФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН). А. П. Окладников в программной статье, посвященной данному вопросу, определяя материалы Устиновки-1 и ряда памятников Японии как мезолитические, оговаривается, что он «не пытается отождествлять этот дальневосточный мезолит с европейским» [Окладников, 1966, с. 364]. Р. С. Васильевский избирает японскую терминологию в отношении островных стоянок Имчин-1, Такое-2 и Сокол и их корреляции с памятниками Хоккайдо [Васильевский, 1979, с. 71–80]. Данные подходы были обобщены в монографии «Культуры каменного века Северной Японии», где памятники типа Татикава и Товарубецу относятся к мезолиту, хотя и допускается условность такого подразделения [Васильевский и др., 1982, с. 56].

Н. Н. Диков на материалах 5-го и 6-го слоев стоянки Ушки на Камчатке выделяет эпоху мезолита на северо-востоке Азии [Диков, 1964], причем в качестве главного технологического маркера данной эпохи выделяются клиновидные микронуклеусы (нуклеусы-скребки по Н. Н. Дикову), имеющие широкое распространение в Азии, включая и острова Востока, в частности остров Хоккайдо. Впоследствии Н. Н. Диков, как и А. П. Окладников, признавал условность применения термина «мезолит» к материалам северо-востока Азии [Диков, 1977].

Принципиальное отличие современной источниковедческой ситуации — возможность оперировать материалами, полученными в результате раскопок широкой площадью. Это позволяет на основе типологического, стратиграфического, планиграфического и других видов анализов разделять комплексы, вычленять эталонные коллекции периодов и этапов каменного века.

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что каменная индустрия памятников раннего неолита Сахалина и Хоккайдо (начального Дзёмана по японской периодизации) имеет устойчивые аналогии в мезолитических индустриях Восточной Европы [См.: Сорокин, 2006; 2006а; Ошибкина, 2006]. Данные аналогии имеют место как в господствующем способе расщепления, основанном на утилизации конического нуклеуса параллельного скальвания, так и в деталях индустрии: вкладышевая техника с обилием средних и малых пластин, орудия на уклонившихся сколах, наконечники стрел и острия на пластинах. Вместе с тем, наряду со сходными, существуют и отличительные признаки индустрии островов: это принципиально другой, нежели в европейском мезолите, уровень использования шлифовки и деревообрабатывающих орудий (топоров и тесел), а

также отсутствие геометрических микролитов. Однако главное отличие памятников раннеголоценового возраста (9–7,5 тыс. лет назад) островов Северо-Восточной Азии — в массовом внедрении серии неолитических инноваций в экономику (включая материальную культуру, связи, способ адаптации) коллективов. Данные системные изменения, являющиеся следствием процесса неолитизации, не позволяют относить материалы данных памятников к синтетическим понятиям, вводимым с целью более точной характеристики особенностей раннеголоценовых комплексов, таких, как, например, «керамический мезолит».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной монографии выполнен комплексный анализ массивов информации в результате авторских полевых и камеральных исследований и по данным, опубликованным археологами и учеными смежных дисциплин сопредельных регионов, изучающих период раннего голоцен. Изучены и систематизированы отечественные и зарубежные данные о позднем плейстоцене и раннем голоцене, а также финальном палеолите, начальном и раннем неолите островного региона Дальнего Востока и Приамурья. В настоящей работе предложена новая концепция периода раннего неолита острова Сахалин, основанная на обосновании четких критериев периода и его этапов, обосновываются их хронологические границы. Индустрии раннего неолита анализировались на основе общепринятых подходов, прежде всего, с использованием сравнительно-типологического, а также функционально-технологического метода.

В результате более чем столетней истории изучения каменного века островов Дальнего Востока и Приамурья в вопросе исследования периода раннего неолита сформировался следующий круг проблем и проблемных вопросов.

1. Проблема присутствия ранненеолитических памятников в регионе решена. Ранний неолит (или его аналог — начальный Дзёмон Хоккайдо) аргументированно выделен как этап в общей периодизации каменного века.

2. Проблема низкой информативности отдельных источников решается путем продолжающихся исследований более информативных памятников методом археологических раскопок широкой площадью.

3. Наиболее остро стоит проблема содержания этапа раннего неолита, в которой можно отметить следующие проблемные вопросы:

- вопрос внутренней периодизации и хронологии периода;
- вопрос синхронизации ранненеолитических культур региона;
- вопрос влияний и связей социумов в регионе, в свете распространения инноваций и освоения экологических ниш и ресурсных баз.

4. Проблема разделения комплексов начального и раннего неолита — создание четких комплексных критериев данных периодов неолита.

5. Проблема правомочности применения термина «мезолит» к памятникам раннеголоценового возраста.

К настоящему времени на территории острова Сахалин обнаружено 40 археологических объектов, имеющих в своем инвентаре отчетливые признаки ранненеолитических традиций расщепления и обработки камня, изготовления керамики и других явлений инновационного и новационного характеров.

Опорным памятником первого (раннего) этапа периода является стоянка Славная-5, технокомплекс которой характеризуется исклю-

чительно пластинчатым расщеплением, основанным на привозном обсидиановом сырье, отсутствием бифасов, развитой шлифовкой деревообрабатывающих орудий и стержней. Керамический комплекс стоянки представлен неорнаментированными фрагментами тонкостенных сосудов с минеральной примесью в тесте. Аналогии каменного инвентаря данной стоянки, безусловно, прослеживаются еще в одном памятнике раннего неолита Сахалина — стоянке Одопту-2, не содержащей в своем инвентаре бифасиальных изделий, а характеризующейся пластинчатой техникой, хотя и не ориентированной на обсидиановое сырье (единичные изделия).

Опорным памятником второго (позднего) этапа периода является поселение Славная-4, где в обнаруженных погребенных жилищах выявлен оригинальный комплекс каменного инвентаря, сочетающий в себе пластинчатые и бифасиальные технологии, основанные как на привозном обсидиановом, так и на местном кремниевом сырье, также развитой шлифовке деревообрабатывающих орудий и стержней и керамический комплекс, представленный характерной тонкостенной керамикой с минеральной примесью в тесте, орнаментированной оттиском раковины на дне. В контексте данного комплекса мы предлагаем рассматривать и материалы ряда стоянок раннего неолита, изученных ранее, в том числе Пугачево-1 пункт 3, Стародубское-3 (ранненеолитический горизонт), Поречье-4.

Керамический комплекс всего объема источников по раннему неолиту острова отличается высокой степенью эклектичности, фактически на каждой стоянке, где выявлена ранненеолитическая керамика, она оригинальна в технологическом и декоративном исполнении. Надо отметить, что подобная ситуация, даже в большей степени эклектики, наблюдается и на прекрасно изученных комплексах начального Дзёмана острова Хоккайдо (Ячио А, Тайсё-1–8 и др.). На наш взгляд, это объясняется особенностями историко-культурных процессов в раннем голоцене на формирующихся в современных очертаниях островных территориях, а именно проникновением и последующим существованием обособленных групп населения, не консолидированных в рамках объединений следующего порядка, присущих периоду среднего неолита: Сони на Южном Сахалине, ранний Дзёмон на Хоккайдо, малышевская культура на Нижнем Амуре. Остальная часть источников по изучаемому периоду острова хотя и не идентифицируется вследствие малоизученности в рамках конкретных этапов периода, четко определяется по инвентарю как ранненеолитические и имеет значение в качестве общего фона исследования.

По состоянию изученности на сегодняшний день общие хронологические рамки периода раннего неолита в изучаемом регионе определяются в рамках 9–7 тыс. лет назад, внутри периода выделяются два этапа: первый (ранний) этап датируется типологическим методом 9–8,1 тыс. лет назад, второй (поздний) этап датируется на основании радиоуглеродных датировок и типологических сопоставлений с датированными памятниками острова Хоккайдо 8,1–7 тыс. лет назад.

Изучаемый период эпохи неолита имеет ряд идентификационных признаков, являющихся эталонными для датировки матери-

алов и определяющих особенности развития социумов островов Северо-Восточной Азии в обозначенном хронологическом периоде. Ключевыми инновациями периода являются начало перехода к оседлому проживанию на побережье и широкое освоение био- и транспортных ресурсов моря. Яркой чертой экономики ранненеолитических социумов, является интенсификация обсидианового обмена и обменная деятельность как важная составляющая хозяйства. В материальной культуре индикаторами ранненеолитического времени являются развитая пластинчатая техника, нацеленная на производство средних и малых пластин, сочетаемая с бифасиальной на позднем этапе, широкое внедрение технологий шлифовки камня в производство орудий деревообработки, а также грузил и других рыболовных снастей. Несмотря на отмечающуюся эклектичность керамических традиций в раннем неолите Сахалина и Хоккайдо, керамические изделия являются безусловным индикатором ранненеолитических комплексов, кроме того, отмечаем четко идентифицируемый тип Тэннеру (Акацуки), зафиксированный на Сахалине (Славная-4) и Хоккайдо (Акацуки, Ячио А, Тайсё).

Представленный в данной монографии период по хронологии и общим чертам каменной индустрии соответствует мезолитическим индустриям Евразии, но отличается по принципиальным позициям от них, так как несет в себе ярко выраженные признаки новой эпохи каменного века – являясь частью общего процесса неолитизации региона. Вместе с тем раннему периоду предшествует начальный период неолита или переходный период между палеолитом и неолитом. Данный период, датируемый 13–9 тыс. лет назад, отличается по целому ряду признаков от сопредельных в хронологическом отношении периодов каменного века – финального палеолита и раннего неолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, С. М. Остров Сахалин / С. М. Александров. – М.: Недра, 1973. – 170 с.
2. Александрова, А. Н. Плейстоцен Сахалина / А. Н. Александрова. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
3. Алексеева, Э. В. Ископаемые остатки барана на Сахалине / Э. В. Алексеева // Вестник ДВО РАН. – 1995. – № 6. – С. 91–93.
4. Алексеева, Э. В. Палеонтологические и археологические находки в пещере Зигзаг на горе Орел / Э. В. Алексеева, С. В. Горбунов, Н. Б. Михеев, В. В. Зуенко // Вестник Сахалинского музея. – № 2. – Южно-Сахалинск: СОКМ, 1995. – С. 350–353.
5. Археология СССР. Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
6. Археология СССР. Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – 380 с.
7. Археология Амуро-Сахалинского региона. – Владивосток: изд-во ДВНЦ АН СССР, 1979. – 192 с.
8. Беляева, В. И. Роль жилого пространства в определении социальной организации человеческих коллективов верхнего палеолита / В. И. Беляева // Проблемы археологии. – Вып. 4. – СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. – С. 68–76.
9. Берсенев, Ю. И. Карст острова Сахалин (типы, формы, условие формирования, перспективы спелеологии). – Рукопись / Ю. И. Берсенев. – Владивосток, 1982. – В статье Алексеева Э. В., Горбунов С. В., Михеев Н. Б., Зуенко В. В. Палеонтологические и археологические находки в пещере Зигзаг на горе Орел // Вестник Сахалинского музея. – № 3. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 350–353.
10. Бродянский, Д. Л. Введение в дальневосточную археологию / Д. Л. Бродянский. – Владивосток: изд-во Дальневосточного ун-та, 1987. – 276 с.
11. Брей, У. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
12. Василевский, А. А. Комплексные исследования поселения Стародубское-3 / А. А. Василевский, И. С. Жущиховская, Н. В. Плотников // Древние культуры Дальнего Востока СССР (археологический поиск). – Владивосток, 1989. – С. 34–41.
13. Василевский, А. А. Заметки о до- иprotoистории острова Сахалин / А. А. Василевский // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1996 Б. – № 1. – С. 54–79.
14. Василевский, А. А. Источники изучения позднеплейстоценовых – раннеголоценовых культур Сахалина в свете новых задач современной археологии Дальнего Востока России / А. А. Василевский // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки: материалы международной конференции 24–25 марта 1994 г. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 1996 А. – С. 26–30.
15. Василевский, А. А. Итоги третьего сезона раскопок поселения

- Стародубское-3 в 1990 году / А. А. Василевский // Краеведческий бюллетень.— Южно-Сахалинск, 1991.— № 2.— С. 62–68.
16. Василевский, А. А. К понятию «неолит» и его периодизации на о. Сахалин / А. А. Василевский // Вперед... в прошлое. К 70-летию Ж. В. Андреевой. — Владивосток: Дальнаука, 2000 А. — С. 150–160.
 17. Василевский, А. А. Коррекция радиоуглеродных датировок и абсолютная хронология археологических культур о. Сахалин / А. А. Василевский // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1995 А. — № 2. — С. 93–110.
 18. Василевский, А. А. Наброски к периодизации и синхронизации этапов каменного века Сахалина, Хоккайдо и Курильских островов / А. А. Василевский // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 2001 А. — № 2. — С. 3–20.
 19. Василевский, А. А. Особенности историко-культурных процессов в зоне перехода от материковой к островной суше / А. А. Василевский // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1993 А. — № 4. — С. 56–69.
 20. Василевский, А. А. Отчет о полевых исследованиях отряда № 1 археологической лаборатории Сахалинского государственного университета в 2000 году / А. А. Василевский. — Научный отчет. — ИА РАН. — Р-1. — 2001 Б. — 177 с.
 21. Василевский, А. А. Отчет о работах Лютожского палеолитического отряда в 1996 г. / А. А. Василевский. — Архив ИА РАН. — Р-1. — 1997 А. — 101 с.
 22. Василевский, А. А. Отчет о работах Лютожского палеолитического отряда в 1994 г. / А. А. Василевский. — Научный отчет. — Архив ИА РАН. — Р-1. — 1995 Б. — 105 с.
 23. Василевский, А. А. Отчет о работах Лютожского палеолитического отряда в 1995 г. О. Сахалин. Поселение Огоныки-5 / А. А. Василевский. — Научный отчет. — Архив ИА РАН. — Р-1. — 1996 В. — 117 с.
 24. Василевский, А. А. Отчет о работах отряда 1 НИС ЮСГПИ в полевой сезон 1989 г. / А. А. Василевский. — Архив ИА РАН. — Р-1. — 1990 А. — 46 с.
 25. Василевский, А. А. Отчет. Археологические исследования на острове Сахалин в 2004 году. — Т. 4: О спасательных археологических раскопках, проведенных отрядом № 1 Сахалинского государственного университета в зоне строительства трубопроводов по проекту Сахалин-2 на объекте культурного наследия — древнем поселении Джимдан-5 в Ногликском районе Сахалинской области / А. А. Василевский. — Научный отчет. — Сахалинский государственный университет. — Южно-Сахалинск, 2006. Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — 167 с.
 26. Василевский, А. А. Научный отчет о работах отряда № 1 Сахалинского государственного университета в 2006 году. — Т. 2: Археологические разведки в Сахалинской области в 2006 году / А. А. Василевский. — Научный отчет. — Сахалинский государственный университет. — Южно-Сахалинск, 2007. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп. 1. — № 26. — 160 с.
 27. Василевский, А. А. Памятники археологии Лютожской долины и их значение для палеолитоведения Дальнего Востока / А. А. Василевский // Проблемы археологии каменного века. — Ред. А. М. Кузнецов. — Уссурийск: изд-во Уссур. ГПИ, 1997 Б. — С. 107–125.
 28. Василевский, А. А. Познавательные и демонстрационные возможности графических моделей доисторических ископаемых объектов (на примере графической реконструкции поселения эпохи верхнего палеолита Огоныки-5) / А. А. Василевский // Ученые записки СахГУ. — 2001 В. — Вып. 2. — С. 45–54.
 29. Василевский, А. А. Развитие археологической науки на Сахалине после Второй мировой войны / А. А. Василевский // Славяне на Дальнем Востоке: материалы междунар. конфер. 07–08.10.1993. — Южно-Сахалинск, ЦДНИ, 1994 Б. — С. 167–177.
 30. Василевский, А. А. Районирование человеческой деятельности на Сахалине в голоцене / А. А. Василевский // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1999. — № 1. — С. 84–90.
 31. Василевский, А. А. Формирование охотской культуры на Сахалине (1 тыс. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Василевский. — Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1990.
 32. Василевский, А. А. Каменный век острова Сахалин: автореф. дис. ... докт. ист. наук / А. А. Василевский. — Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2003.
 33. Василевский, А. А. Каменный век острова Сахалин / А. А. Василевский. — Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008. — 412 с.
 34. Василевский, А. А. Добыча, первичная обработка и движение сырья в позднем палеолите и раннем неолите Сахалина и Хоккайдо (20–7 тыс. лет назад) / А. А. Василевский // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. — Т. XII. — Ч. 1. — Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006 — С. 31–35.
 35. Василевский, А. А. Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоныки-5 / А. А. Василевский // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. — № 3(15). — С. 51–69.
 36. Василевский, А. А. Периодизация и хронология каменного века острова Сахалин / А. А. Василевский // Ученые записки СахГУ. — Вып. VI. — Южно-Сахалинск, 2004. — С. 36–44.
 37. Василевский, А. А. Сони — культура среднего неолита на острове Сахалин / А. А. Василевский // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: человек и исторический ландшафт. — Владивосток: изд-во ДВГУ, 2008. — С. 36–48.
 38. Василевский, А. А. Работы археологической лаборатории Южно-Сахалинского педагогического института в 1987–1989 гг. / А. А. Василевский, Н. В. Плотников // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1990. — № 1. — С. 42–44.

39. Васильевский, А. А. Итоги полевого сезона Южно-Сахалинского государственного педагогического института в 1991 г. / А. А. Васильевский, Н. В. Плотников, И. А. Самарин // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1992. — № 2. — С. 119–124.
40. Васильевский, А. А. Неолит Сахалина и Курильских островов / А. А. Васильевский, О. А. Шубина // Вестник сахалинского музея. — № IX. — Южно-Сахалинск, 2002. — С. 196–131.
41. Васильевский, А. А. Радиоуглеродная и календарная хронология археологических культур Сахалина и Курильских островов / А. А. Васильевский, С. В. Горбунов, Я. В. Кузьмин, О. А. Шубина // Ученые записки СахГУ. — 2004. — Вып. 4. — С. 51.
42. Васильевский, А. А. Олимпия-5 — новая палеолитическая стоянка на острове Сахалин / А. А. Васильевский, А. В. Постнов, В. А. Грищенко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. — Т. X. — Ч. 1). — Новосибирск, 2004. — С. 47–53.
43. Васильевский, А. А. Текущие археологические исследования на Сахалине (2003–2005 гг.) / А. А. Васильевский, В. А. Грищенко, П. В. Кашицын, В. Д. Федорчук, Е. В. Берсенева, А. В. Постнов // 6-th Annual meeting of the RANA. — Tokyo, 2005. — С. 11–18 (на рус. яз.).
44. Васильевский, А. А. Археологические исследования Сахалинского государственного университета (2002–2005 гг.) / А. А. Васильевский, В. А. Грищенко, П. В. Кашицын, В. Д. Федорчук // Ученые записки СахГУ: сборник научных статей / Гл. ред. и сост. Т. К. Злобин. — Вып. 5. — Южно-Сахалинск: СахГУ, 2005. — С. 48–56.
45. Васильевский, А. А. Охранные археологические исследования в нефтегазовых проектах на Сахалине в 1996–2007 гг. / А. А. Васильевский, В. А. Грищенко, П. В. Кашицын, В. Д. Федорчук // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. — Т. XIII). — Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. — С. 500–503.
46. Васильевский, А. А. Хронология и периодизация эпохи неолита на Сахалине и Курильских островах по данным радиоуглеродного датирования / А. А. Васильевский, В. А. Грищенко, Я. В. Кузьмин, Л. А. Орлова // Культурная хронология и другие проблемы эпохи камня и палеометалла Дальневосточного региона. — Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2009. — В печати.
47. Васильевский, Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера / Р. С. Васильевский. — Новосибирск: Наука, 1973 А. — 267 с.
48. Васильевский, Р. С. Имчинский бескерамический комплекс на о. Сахалине / Р. С. Васильевский // Изв. СО АН СССР. — Сер. общ. наук. — 1973 Б. — Вып. 2. — № 6. — С. 127–133.
49. Васильевский, Р. С. Исследования стоянки Имчин на Северном Сахалине / Р. С. Васильевский // АО 1972 года. — М.: Наука, 1973 В. — С. 202–203.
50. Васильевский, Р. С. Докерамические комплексы Сахалина и их корреляция с памятниками сопредельных областей / Р. С. Васильевский // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. — Новосибирск: Наука, 1979. — С. 71–80.
51. Васильевский, Р. С. Некоторые вопросы генезиса и эволюции дальневосточного неолита / Р. С. Васильевский // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы международного симпозиума. — Т. 1. — Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. — С. 107–116.
52. Васильевский, Р. С. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка) / Р. С. Васильевский, В. А. Голубев. — Новосибирск: Наука, 1976. — 272 с.
53. Васильевский, Р. С. Культуры каменного века Северной Японии / Р. С. Васильевский, Е. Л. Лавров, Чан Су Бу. — Новосибирск: Наука, 1982. — 207 с.
54. Васильевский, Р. С. Верхний палеолит Южного Приморья / Р. С. Васильевский, С. А. Гладышев. — Новосибирск: Наука, 1989. — 184 с.
55. Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты. — Владивосток: ДГИ ДВО РАН, 2000. — 169 с.
56. Вязовская, В. В. Микролиты Северного Сахалина / В. В. Вязовская // История и культура народов Дальнего Востока. — Южно-Сахалинск: Сахал. кн. изд-во, 1973. — С. 255–257.
57. Вязовская, В. В. Неолитическая стоянка на р. Лютога и микролитические пластинки Имчина / В. В. Вязовская // Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. — Владивосток: изд-во ДВНЦ АН СССР, 1967. — С. 138–142.
58. Гарковик, А. В. Некоторые особенности переходного периода от палеолита к неолиту / А. В. Гарковик // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. — Владивосток: Дальнаука, 2005. — С. 116–131.
59. Герус, Т. А. Новейшие археологические открытия на Северном Сахалине / Т. А. Герус, В. О. Шубин, О. А. Шубина // Археология Амуро-Сахалинского региона. — Владивосток: изд-во ДВНЦ АН СССР, 1979. — С. 56–62.
60. Гласкок, М. Д. Геохимия обсидиана из археологических памятников Сахалина и его источники / М. Д. Гласкок, М. С. Шекли, Я. В. Кузьмин, В. К. Попов, С. В. Горбунов и др. // Вулканические стекла Дальнего Востока России: геологические и археологические аспекты. — Владивосток, 2000. — С. 88–107.
61. Голубев, В. А. Археология Курильских островов: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. А. Голубев. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1972. — 24 с.
62. Голубев, В. А. Из истории сотрудничества Р. В. Козыревой с краеведческим движением на Сахалине / В. А. Голубев // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов. — Южно-Сахалинск, 1989 А. — С. 3–5.
63. Голубев, В. А. К вопросу о первоначальном заселении островов

- ва Сахалина / В. А. Голубев // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки / Отв. ред. Р. С. Васильевский. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1983. — С. 41–49.
64. Голубев, В. А. Неолитическая культура Южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов / В. А. Голубев, И. С. Жущиховская // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1987. — С. 25–33.
65. Голубев, В. А. Каменный инвентарь неолитического поселения Кузнецово-3 (юго-западное побережье Сахалина) / В. А. Голубев, Н. А. Кононенко // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. — Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1987. — С. 3–7.
66. Голубев, В. А. Сахалин в эпоху камня / В. А. Голубев, Е. Л. Лавров. — Новосибирск: Наука, 1988. — 240 с.
67. Голубев, В. А. Археологические исследования в зонах работ объединения «Сахалиннефть» (Северо-Восточное побережье о. Сахалин): научный отчет за 1978 г. Рукопись / В. А. Голубев // Архив СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — ОП.1/1. — № 2. — 1979. — 140 с.
68. Горбунов, С. В. [Рецензия] // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1990. — № 3. — С. 135–142. — Рец. на кн.: Сахалин в эпоху камня / В. А. Голубев, Е. Л. Лавров. — Новосибирск: Наука, 1988. — 240 с.
69. Горбунов, С. В. Отчет. Археологическая разведка 1993 года / С. В. Горбунов // Научный отчет. — 1994. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп.1/1. — № 23.
70. Горбунов, С. В. Археологические памятники Тымовского района / С. В. Горбунов // Вестник Сахалинского музея. — № 7. — Южно-Сахалинск: СОКМ, 2000. — С. 264–285.
71. Горбунов, С. В. Памятники докерамического периода Сахалина / С. В. Горбунов // Древности Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 89–95.
72. Горбунов, С. В. Новые материалы по палеолиту и мезолиту Сахалина / С. В. Горбунов // Каменный век тихоокеанских побережий. — Владивосток: изд-во ДВГУ, 1996. — С. 83–101.
73. Горбунов, С. В. Новая группа донеолитических памятников на юге Сахалина / С. В. Горбунов, В. Я. Горобец // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1991. — № 2. — С. 84–90.
74. Горбунов, С. В. Новые памятники палеолита Сусунайской долины на Сахалине / С. В. Горбунов, В. Я. Горобец // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. — С. 202–205.
75. Горбунов, С. В. О состоянии изученности палеолита и мезолита на Сахалине / С. В. Горбунов, В. Я. Горобец // Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири. Препринт. — Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1989. — С. 11–14.
76. Горбунов, С. В. Список археологических памятников Макаровского района / С. В. Горбунов, В. Д. Федорчук // Вестник сахалинского музея. — № X. — Южно-Сахалинск. — С. 379–396.
77. Гребенщиков, А. В. Ранний неолит Среднего Амура: новые подходы / А. В. Гребенщиков, А. В. Табарев, С. В. Алкин // Петр Алексеевич Кропоткин: тез. докладов. Российская научная конференция. — Чита, 1992. — С. 87–90.
78. Грищенко, В. А. Отчет. Разведки в Долинском, Макаровском районах и охранные мероприятия на археологическом объекте Ясное-3 в Тымовском районе Сахалинской области, проведенные отрядом №! 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета в зоне строительства трубопроводов по проекту «Сахалин-2» в 2005 году. — Научный отчет. — Сахалинский государственный университет / В. А. Грищенко. — Южно-Сахалинск, 2006. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп. 3. — № 6. — 96 с.
79. Грищенко, В. А. Отчет. О спасательных археологических раскопках, проведенных отрядом № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета в зоне строительства трубопроводов по проекту «Сахалин-2» на объекте культурного наследия — стоянке Пугачево-1, пункт З в Макаровском районе Сахалинской области в 2005 году. — Научный отчет / В. А. Грищенко. — Сахалинский государственный университет. — Южно-Сахалинск, 2006. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп. 3. — № 5. — 152 с.
80. Грищенко, В. А. Научный отчет о работах отряда № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета. — Т. 1: Спасательные раскопки пункта 2, поселения Чайво-6. Проект «Сахалин-2». — Научный отчет / В. А. Грищенко. — Сахалинский государственный университет. — Южно-Сахалинск, 2007. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп. 3. — № 7. — 117 с.
81. Грищенко, В. А. Научный отчет о работах отряда № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета. — Т. 2: Спасательные раскопки стоянки Славная-5. Проект «Сахалин-2». — Научный отчет / В. А. Грищенко. — Сахалинский государственный университет. — Южно-Сахалинск, 2007. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп. 3. — № 8. — 168 с.
82. Грищенко, В. А. Научный отчет о работах отряда № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета. — Т. 3: Спасательные раскопки поселения Славная-4. Раскоп № 2. Проект «Сахалин-2». — Научный отчет / В. А. Грищенко. — Сахалинский государственный университет. — Южно-Сахалинск, 2007. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп. 3. — № 9. — 288 с.
83. Грищенко, В. А. Научный отчет о работах отряда № 2 археологической экспедиции Сахалинского государственного университета. — Т. 4: Спасательные раскопки поселения Славная-4. Раскоп № 3. Проект «Сахалин-2». — Научный отчет / В. А. Грищенко. — Сахалинский государственный университет. — Южно-Сахалинск, 2008. — Деп. в СЛАиЭ ИАЭТ СО РАН и СахГУ. — Оп. 3. — № 10. — 257 с.
84. Грищенко, В. А. Памятники пластинчатых и допластинчатых индустрий Северного Сахалина / В. А. Грищенко // Народы и культуры Дальнего Востока: взгляд из XXI века. — Южно-Сахалинск, 2003. — С. 88–94.

85. Грищенко, В. А. Археологические исследования на поселении Чайво-6 пункт 2, в Ногликском районе Сахалинской области / В. А. Грищенко // Ученые записки СахГУ: сб. научных статей / Гл. ред. и сост. Т. К. Злобин. — Вып. 7. — Южно-Сахалинск: СахГУ, 2008. — С. 26–37.
86. Грищенко, В. А. Спасательные раскопки прибрежной хозяйственной зоны периода раннего неолита на стоянке Пугачево-1 (о. Сахалин) / В. А. Грищенко // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: материалы всероссийской конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. — Иркутск: изд-во «Оттиск», 2007. — С. 179–186.
87. Грищенко, В. А. Итоги первого сезона раскопок раннеолитической стоянки Славная-5 / В. А. Грищенко // Сахалин и Курилы: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции (27–28 марта 2007 г.). — Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2008. — С. 288–296.
88. Грищенко, В. А. Орудия деревообработки в раннем неолите Сахалина (материалы полевого сезона 2005 г.) // Природа, история и культурное наследие Сахалинской области: исследования и открытия: материалы научной конференции, посвященной 110-летию Сахалинского музея. — Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008. — С. 127–134.
89. Грищенко, В. А. Ранний неолит острова Сахалин (к истории вопроса) / В. А. Грищенко // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. I. — Москва: ИА РАН, 2008. — С. 206–208.
90. Грищенко, В. А. Раскопки стоянки раннего неолита Славная-5 на острове Сахалин в 2006 году / В. А. Грищенко, А. В. Можаев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. — Т. XII. — Ч. 1. — Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. — С. 55–59.
91. Грищенко, В. А. Раскопки поселения Славная-4 и стоянки Славная-5 на острове Сахалин в 2006 году / В. А. Грищенко, А. В. Можаев // Археологические открытия. — М.: Наука, 2006. — С. 27.
92. Гусев, С. В. Исследования поселения Хунмахта-1 на Северном Сахалине / С. В. Гусев, А. В. Загорулько, Н. А. Клюев, Р. С. Казанцев, И. В. Макаров // Археологические открытия 2004 г. — М.: Наука, 2005. — С. 425–427.
93. Гусев, С. В. Археологические исследования Берингийской экспедиции на Северном Сахалине в 2002–2004 гг. / С. В. Гусев, Ю. Е. Никитин, Н. А. Клюев, А. В. Загорулько, Р. С. Казанцев и др. // Северная пацифика — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене: материалы международной научной конференции «По следам древних костров...». — Магадан: изд-во СМУ, 2005. — С. 51–53.
94. Гусев, С. В., Никитин Ю. Е., Клюев, Н. А., Загорулько, А. В., Казанцев, Р. С. и др. Археологические исследования Берингийской экспедиции на Северном Сахалине в 2002–2004 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://projects.heritage-institute.ru/archeol/sakhalin.htm> / дата обращения 23.02.2009 г.
95. Гуть, Г. О разрешении доценту Георгию Гуть производства раскопок в Забайкальской, Амурской и Приморской областях и на Сахалине / О. Гуть // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1994. — № 1. — С. 143–144.
96. Деревянко, А. П. Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии: курс лекций / А. П. Деревянко. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1975. — 232 с.
97. Деревянко, А. П. Новопетровская культура Среднего Амура / А. П. Деревянко. — Новосибирск: Наука, 1976. — 204 с.
98. Деревянко, А. П. Громатухинская культура / А. П. Деревянко // Древняя Сибирь / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск: Наука, 1970. — Вып. 3: Сибирь и ее соседи в древности. — С. 195–209.
99. Деревянко, А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи / А. П. Деревянко. — Новосибирск: Наука, 1983. — 216 с.
100. Деревянко, А. П. Палеолит Японии / А. П. Деревянко. — Новосибирск: Наука, 1984. — 271 с.
101. Деревянко, А. П. Историография каменного века Приамурья / А. П. Деревянко // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1972. — Ч. 1. — С. 38–66.
102. Деревянко, А. П. Полевые исследования памятника Громатуха на реке Зее в 2004 году / А. П. Деревянко, Канг Чан Хва, Бан Мун Бэ, Ко Чже Вон, С. П. Нестеров и др. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2004 г. — Т. X. — Ч. 1). — Новосибирск, 2004. — С. 82–86.
103. Деревянко, А. П. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году / А. П. Деревянко, Чо Ю-Чжон, В. Е. Медведев, Юн Кын-Ил, Хон Хён-У и др. — Сеул, 2002. — С. 3.
104. Деревянко, А. П. Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А. П. Деревянко, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, М. И. Дергачева, Т. А. Дупал и др. — Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 176 с.
105. Деревянко, А. П. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А. П. Деревянко, М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева и др. — Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. — 448 с.
106. Деревянко, А. П. Селемджинская позднепалеолитическая культура / А. П. Деревянко, П. В. Волков, Ли Хонджон. — Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 335 с.
107. Деревянко, А. П. Палеолитоведение. Введение и основы / А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. А. Васильев. — Новосибирск: Наука, 1994. — 269 с.

108. Деревянко, А. П. Исследования поселения Гася: предварительные результаты, 1980 / А. П. Деревянко, В. Е. Медведев / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. — Новосибирск, 1993. — 109 с.
109. Деревянко, А. П. Исследования поселения Гася: предварительные результаты, 1986–1987 / А. П. Деревянко, В. Е. Медведев / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т археологии и этнографии. — Новосибирск, 1994. — 95 с.
110. Деревянко, А. П. Отчет о раскопках на острове Сучу в Ульчском районе Хабаровского края в 2000 г. / А. П. Деревянко, Чо Ю-Чжон, В. Е. Медведев, Ким Сон Тэ, Юн Кын-Ил и др. — Сеул: ГИИКН РК, ИИАЭ СО РАН, 2000. — 563 с.
111. Деревянко, А. П. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году / А. П. Деревянко, Чо Ю-Чжон, В. Е. Медведев, Юн Кын-Ил, Хон Хён-У и др. — Т. 1. — Сеул: ИИАЭ СО РАН, ГИИКН РК, 2002. — 419 с.
112. Деревянко, А. П. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году / А. П. Деревянко, Чо Ю-Чжон, В. Е. Медведев, Юн Кын-Ил, Хон Хён-У и др. — Т. 2. — Сеул: ИИАЭ СО РАН, ГИИКН РК, 2002. — 440 с.
113. Деревянко, А. П. Исследования на острове Сучу в Нижнем Приамурье в 2001 году / А. П. Деревянко, Чо Ю-Чжон, В. Е. Медведев, Юн Кын-Ил, Хон Хён-У и др. — Т. 3. — Сеул: ИИАЭ СО РАН, ГИИКН РК, 2002. — 221 с.
114. Джайлл, Э. Т. Радиоуглеродная хронология древнейших неолитических культур юга Дальнего Востока России и Забайкалья по результатам прямого датирования керамики методом ускорительной масс-спектрометрии / Э. Т. Джайлл, Ж. М. О’Малли, Д. Л. Биддульф, А. П. Деревянко, Я. В. Кузьмин и др. // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. — Т. 2. — Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1988. — С. 63–68.
115. Диков, Н. Н. Каменный век Камчатки и Чукотки / Н. Н. Диков // История и культура народов Северо-Востока СССР. — Магадан: Труды Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института. — Вып. 8. — 1964. — С. 5–27.
116. Диков, Н. Н. К проблеме «мезолита» на Камчатке / Н. Н. Диков // Памятники эпохи мезолита. Краткие сообщения ИА АН СССР № 149. — М.: Наука, 1977. — С. 120–124.
117. Диков, Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии / Н. Н. Диков. — М.: Наука, 1979. — 392 с.
118. Дьяков, В. И. Многослойное поселение Рудная Пристань и периодизация неолитических культур Приморья / В. И. Дьяков. — Владивосток: Дальнаука, 1992. — 140 с.
119. Дьяков, В. И. Приморье в раннем голоцене. Мезолитическое поселение Устиновка-IV / В. И. Дьяков. — Владивосток: Дальнаука, 2000. — 272 с.
120. Жущиховская, И. С. К вопросу о периодизации имчинской неолитической культуры Северного Сахалина (по материалам керамики) / И. С. Жущиховская, О. А. Шубина // Проблемы краеведения: Арсеньевские чтения: научно-практ. конф. 17–30.03.1989. — Тез. докл. — Ч. 1: Историческое краеведение. — Уссурийск: изд-во Усс. ГПИ, 1989. — С. 21–23.
121. Загорска, И. А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии / И. А. Загорска // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. — Л.: Наука, 1991. — С. 39–64.
122. Золотарев, А. М. Ногликсовская неолитическая стоянка / А. М. Золотарев // Советская археология. — № 1. — М.; Л: изд-во АН СССР, 1936. — С. 273–274.
123. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века / Отв. ред. А. И. Крушинов. — Т. 1. — М.: Наука, 1989. — 370 с.
124. Кириллова, И. В. Остатки позвоночных из грота Тронный (центральный Сахалин) / И. В. Кириллова // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 2003. — № 3. — С. 22–27.
125. Клитин, А. К. Из истории спелеологических исследований в Восточно-Сахалинских горах / А. К. Клитин // Вестник Сахалинского музея. — № 2. — Южно-Сахалинск, 1995. — 340 с.
126. Клюев, Н. Н. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья: историогр. и библиогр. обзор (1861–1991) / Н. Н. Клюев. — Владивосток: Дальнаука, 1993. — 187 с.
127. Козырева (Чубарова), Р. В. Древняя история Сахалина (по археологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Р. В. Козырева. — Л.: ИИМК АН СССР ЛО, 1955. — 18 с.
128. Козырева (Чубарова), Р. В. К истории древнейшего населения Сахалина / Р. В. Козырева // Советская этнография. — 1957. — № 4. — С. 60–75.
129. Козырева, Р. В. Древний Сахалин / Р. В. Козырева. — Л.: Наука, 1967. — 186 с.
130. Кононенко, Н. А. Динамика хозяйственной деятельности населения Сахалина и Приморья в эпоху палеолита / Н. А. Кононенко // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1992. — № 1. — С. 3–21.
131. Кононенко, Н. А. Хозяйство неолитического населения Северного Сахалина (на материалах раскопок поселения Имчин-12) / Н. А. Кононенко, О. А. Шубина // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1991. — № 2. — С. 134–143.
132. Кузнецов, А. М. Поздний палеолит Приморья / А. М. Кузнецов. — Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 1992. — 240 с.
133. Кузьмин, Я. В. Изучение древнейшей в мире керамики и начало неолита в Евразии (обзор международных симпозиумов в Великобритании и Словении, 2001) / Я. В. Кузьмин // Археология, этнография и антропология Евразии. — Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. — № 4(12). — С. 154–157.
134. Кузьмин, Я. В. Палеография древних культур Приморья в эпоху камня / Я. В. Кузьмин. — Владивосток: Дальнаука, 1994. — 156 с.

135. Кузьмин, Я. В. Радиоуглеродная хронология древних культур Северо-Восточной Азии / Я. В. Кузьмин, С. В. Алкин, А. Оно, Ч. Сато, Т. Сакаки и др. — Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 1998. — 127 с. — (на рус. и англ. яз.).
136. Кузьмин, Я. В. Возникновение древнейшей керамики в Восточной Азии (геоархеологический аспект) / Я. В. Кузьмин // Российская археология. — М.: Наука, 2004. — № 2. — С. 79–86.
137. Кузьмин, Я. В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии / Я. В. Кузьмин. — Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2005. — 282 с.
138. Лавров, Е. Л. Докерамический период Хоккайдо и сопредельных территорий: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Л. Лавров. — Новосибирск, 1984. — 17 с.
139. Лавров, Е. Л. Первая стратифицированная стоянка палеолита Сокол-2 на юге Сахалина / Е. Л. Лавров // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос., 1984. — Вып. 2. — № 9. — С. 67–69.
140. Лопатин, И. А. Некоторые сведения о 49 урочищах в Амурском крае / И. А. Лопатин // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1994. — № 1. — С. 140–142.
141. Медведев, В. Е. К проблеме начального и раннего неолита на Нижнем Амуре / В. Е. Медведев // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. — Новосибирск: Наука, 1995. — С. 228–237.
142. Медведев, В. Е. Академик А. П. Окладников и неолит Нижнего Приамурья: развитие идей / В. Е. Медведев // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы международной конференции «Из века в век», посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной экспедиции РАН. — Новосибирск: изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. — С. 165.
143. Медведев, В. Е. Мариинская культура и ее место в неолите Дальнего Востока / В. Е. Медведев // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — Т. I. — М.: ИА РАН, 2008. — С. 244–248.
144. Микишин, Ю. А. Развитие природы юго-восточной части острова Сахалин в голоцене / Ю. А. Микишин, И. Г. Гвоздева. — Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 1996. — 131 с.
145. Мочанов, Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи-1 и периодизация каменного века Якутии / Ю. А. Мочанов. — М.: Наука, 1969. — 255 с.
146. Мочанов, Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи-1 и ее значение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-Восточной Азии / Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева, Е. Н. Романова, А. А. Семенцов // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). — Якутск: Якутское книжное изд-во, 1970. — С. 10–31.
147. Окладников, А. П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. / А. П. Окладников // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 3–53.
148. Окладников, А. П. Мезолит Дальнего Востока (докерамические памятники) / А. П. Окладников // Памятники эпохи мезолита. Краткие сообщения ИА АН СССР. — № 149. — М.: Наука, 1977. — С. 115–120.
149. Окладников, А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема Дальневосточного мезолита (в связи с раскопками 1964 г.) / А. П. Окладников // Четвертичный период Сибири. — М.: Наука, 1966. — С. 352–372.
150. Окладников, А. П. Далекое прошлое Приморья / А. П. Окладников. — Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1959. — 292 с.
151. Окладников, А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока / А. П. Окладников // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 2003. — С. 77–81. — (СО РАН. Избранные труды).
152. Окладников, А. П. Древнее поселение Кондон (Приамурье) / А. П. Окладников. — Новосибирск: Наука СО, 1983. — 160 с.
153. Окладников, А. П. К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре / А. П. Окладников // Советская археология. — № 1. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1936. — С. 275–276.
154. Окладников, А. П. Керамика древнего поселения Кондон / А. П. Окладников. — Новосибирск: Наука СО, 1984. — 124 с.
155. Окладников, А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья / А. П. Окладников, А. П. Деревянко. — Владивосток: Дальневост. книжное изд-во, 1973. — 440 с.
156. Окладников, А. П. Громатухинская культура / А. П. Окладников, А. П. Деревянко. — Новосибирск: Наука СО, 1977. — 286 с.
157. Окладников, А. П. Неолит Нижнего Амура / А. П. Окладников // Материалы по древней Сибири. — Улан-Удэ, 1967. — С. 195–214.
158. Ошибкина, С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье: монография / С. В. Ошибкина. — М.: Институт археологии РАН, 2006. — 322 с.
159. Пантелеев, А. В. Кости птиц из поселений древнего человека на острове Сахалин / А. В. Пантелеев // Вестник Сахалинского музея. — № 4. — Южно-Сахалинск, 1997. — С. 281–285.
160. Плотников, Н. В. Отчет о раскопках поселения Стародубское-3 Долинского района Сахалинской области в 1989 г.: рукопись / Н. В. Плотников // Архив ИАРАН. — Р. 1. — 1990. — 142 с.
161. Плотников, Н. В. Раскопки на поселении Стародубское-3 в 1989 г. / Н. В. Плотников // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов: тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р. В. Козыревой. 8–9 декабря 1989 г. — Южно-Сахалинск: Издано по решению Совета Сахалинского областного отделения ВООПИиК, 1989. — С. 9–10.
162. Плотников, Н. В. Первые шаги сахалинской археологии (по материалам СПб отделения ИАРАН) / Н. В. Плотников // Краеведческий

- бюллетень. — Южно-Сахалинск, 1994. — № 1. — С. 139—140.
163. Поляков, И. С. Отчет об исследованиях на о. Сахалине, в Южно-Уссурийском крае и в Японии / И. С. Поляков // Приложение к XLVIII тому «Записок Императорской Академии Наук». — № 6. — СПб., 1884. — С. 19—20.
164. Прокофьев, М. М. Керамика раннего дземона с Южных Курил / М. М. Прокофьев // Краеведческий бюллетень. — Южно-Сахалинск, 2003. — № 1. — С. 89—94.
165. Прокофьев, М. М. Японские ученые — исследователи Южного Сахалина и Курильских островов (конец XIX — первая половина XX вв.). Биобиблиографические очерки. Книга первая / М. М. Прокофьев. — Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2006.
166. Прокофьев, М. М. Айны и нивхи Сахалина в неопубликованных трудах Л. С. Грибановой (1955—1956) / М. М. Прокофьев, О. Ю. Дедяхин // Вестник Сахалинского музея. — № 5. — Южно-Сахалинск, 1998. — С. 163—167.
167. Решетов, А. М. И. С. Поляков — ученый энциклопедист / А. М. Решетов // Вестник Сахалинского музея. — № IX. — Южно-Сахалинск, 2002. — С. 178—193.
168. Рогачев, А. Н. Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы / А. Н. Рогачев // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.; Л.: изд-во АН СССР, 1966. — № 126.
169. Сорокин, А. Н. Мезолит Оки. Проблемы культурных различий: монография. Труды Отдела охранных раскопок. — Т. 5 / А. Н. Сорокин / Отв. ред. серии А. В. Энговатова. — М.: Ин-т археологии РАН, 2006. — 312 с.
170. Сорокин, А. Н. Проблемы мезолитоведения: монография / А. Н. Сорокин. — М.: Ин-т археологии РАН, 2006А. — 214 с.
171. Тимофеев, В. И. Список радиоуглеродных датировок неолита / В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева // Неолит Северной Евразии. — М.: Наука, 1996. — С. 337—348.
172. Уиттакер, Дж. Ч. Расщепление камня: технология, функция, эксперимент / Дж. Ч. Уиттакер, С. Н. Алаев, Т. В. Алаева. — Иркутск: Оттиск, 2004. — 312 с.
173. Федорчук, В. Д. Новые данные о стоянках на Бердянских озерах Поронайского района / В. Д. Федорчук // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов: тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р. В. Козыревой. 8—9 декабря 1989 г. — Южно-Сахалинск, 1989. — С. 31—33.
174. Формозов, А. А. Очерки истории русской археологии / А. А. Формозов. — М.: Наука, 1986. — 230 с.
175. Хосино, М. Морская геология / М. Хосино. — М.: Недра, 1986. — 432 с.
176. Хотинский, Н. А. Голоцен Северной Евразии / Н. А. Хотинский. — М.: Наука, 1977. — 199 с.
177. Чанцев, О. А. Некоторые результаты осмотра археологических памятников центральной части западного побережья о. Итуруп / О. А. Чанцев, А. В. Фетисов // Исследования по археологии Сахалина и Курильских островов: тезисы выступлений на II археологических чтениях, посвященных памяти Р. В. Козыревой. 8—9 декабря 1989 г. — Южно-Сахалинск, 1989. — С. 30—31.
178. Чард, Ч. С. Абсолютная хронология каменного века Японии / Ч. С. Чард, Р. Е. Морлан // Сибирь и ее соседи в древности. — Новосибирск: Наука, 1970. — С. 109—138.
179. Шевкомуд, И. Я. Стоянка Гончарка и некоторые проблемы мезо-неолитических комплексов на Нижнем Амуре / И. Я. Шевкомуд // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. — Владивосток, 1996. — С. 237—248.
180. Шевкомуд, И. Я. Древнейший неолит Хоккайдо (по материалам памятника Тайсо-3) / И. Я. Шевкомуд // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. — Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. — Т. I. — С. 324—327.
181. Шевкомуд, И. Я. Поздний неолит Нижнего Амура / И. Я. Шевкомуд. — Владивосток: ДВО РАН, 2004. — 156 с.
182. Шубин, В. О. Локальный вариант охотской культуры на о. Сахалине: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. О. Шубин. — Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1977. — 21 с.
183. Шубин, В. О. Новые неолитические памятники на Северном Сахалине / В. О. Шубин // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. — Новосибирск: ИИФФ АН СССР, 1975. — С. 186—189.
184. Шубин, В. О. Археологические исследования в Ногликском районе Сахалинской области в рамках проекта «Сахалин-2» / В. О. Шубин // Природа, история и культурное наследие Сахалинской области: исследования и открытия: материалы научной конференции, посвященной 110-летию Сахалинского музея. — Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2008. — С. 135—168.
185. Шубин, В. О. Новые радиоуглеродные датировки по археологическим памятникам Сахалинской области / В. О. Шубин, О. А. Шубина. — Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1984. — (Препринт). — 46 с.
186. Шубин, В. О. Неолитическая культура на Южном Сахалине / В. О. Шубин, О. А. Шубина, С. В. Горбунов. — Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1982. — (Препринт). — 41 с.
187. Шубин, В. О. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Сахалинской области / В. О. Шубин, О. А. Шубина // Древности Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 95—103.
188. Шубина, О. А. Дореволюционные археологические исследования и современное состояние археологической изученности острова / О. А. Шубина // Б. О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: материалы международной научной конференции. 31.10—02.11.1991. — Южно-Сахалинск: СОКМ, 1992. — Т. 2. — С. 112—119.
189. Шубина, О. А. Жилища поселений имчинской неолитической культуры / О. А. Шубина. — Препринт. — Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1987. — 34 с.
190. Шубина, О. А. Каменный век Северного Сахалина (Имчинская неолитическая культура): автореф. дис. ... канд. ист.

- наук / О. А. Шубина. — Л.: Ленингр. отд-ние Ин-та археологии АН СССР, 1990А. — 18 с.
191. Шубина, О. А. Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин-12 на Северном Сахалине / О. А. Шубина. — Препринт. — Южно-Сахалинск: СОКМ, 1986. — 44 с.
 192. Шубина, О. А. К вопросу о выделении локальных культур в неолите Северного Сахалина (по материалам керамических традиций) / О. А. Шубина, И. С. Жущиховская // XXVII съезд КПС и задачи музеиного строительства в Сахалинской области. — Южно-Сахалинск: ИМГИГ, СОКМ, 1986. — С. 16–17.
 193. Шубина, О. А. Периодизация Имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции / О. А. Шубина, И. С. Жущиховская // Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока. — Владивосток: ИИАЭ ДВО АН СССР, 1987. — С. 7–11.
 194. Яншина, О. А. Керамика со стоянки Янкито-1 (о. Итуруп) / О. А. Яншина // Современные проблемы археологии России. — Новосибирск: изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. — Т. I. — С. 337–339.
 195. Derevianko A. P., Medvedev V. E. Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur river basin) // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory. — Oxford: Archaeopress, 2006. — P. 133. — (English).
 196. Gorbunov S. V. Ancient cult and cult animals from the caves of Sakhalin // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. — The 5th Open Symposium of the Hokkaido University Museum. — 28.02–1.03.2002. — Hokkaido University. — Sapporo, 2002. — P. 171–174. — (English).
 197. Hilary Stewart. Indian Fishing, Early Methods on the Northwest Coast. — Seattle: University of Washington Press, 1982. — 181 p. — (English).
 198. Kimura Hideaki, Obsidian Humans Technology // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: материалы междунар. симпоз. — Т. 2. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. — С. 302–314. — (English).
 199. Kimura Hideaki, Reexamination of the Yubetsu Technique and Study of Horokazawa Toma Lithic Culture. — Sapporo: Sapporo University, 1992. — Ed. by Kimura Hideaki. — 54 p. — (English and Japanese).
 200. Kimura Hideaki. The blade arrowhead culture over Northeast Asia. Archaeological Series № 2. — Sapporo: Sapporo University, 1999. — Ed. by Kimura Hideaki. — 218 p. — (English and Japanese).
 201. Kimura Hideaki. Microblade Industries in Siberia. Archaeological Series № 2. — Sapporo: Sapporo University, 1999. — Ed. by Kimura Hideaki. — 219 p. — (English and Japanese).
 202. Kuzmin Y. V., Vasilevski A., O'Malley J. M., Jull A. J. T. The age and the environment of the Paleolithic occupation of Sakhalin Island, the Russian Far East // Current research in the Pleistocene. — 1998. — V. 15. — P. 134–136. — (English).
 203. Kuzmin Y. V., Orlova L. A. The Neolithization of Siberia and the Russian Far East: radiocarbon evidence // Antiquity. 2000. — V. 74. — P. 356–364. — (English).
 204. Kuzmin Y. V., Glascock M. D., Sato H. Sources of archaeological obsidian on Sakhalin Island (Russian Far East) // Journal of Archaeological Science. — 2002. — Vol. 29. — № 7. — P. 741–750. — (English).
 205. Kuzmin Y. V., Vasilevski A. A., Gorbunov S. V., Burr G. S., Jull A. J. T., Orlova L. A., Shubina O. A. Chronology of prehistoric cultural complexes of Sakhalin Island (Russian Far East) // Radiocarbon. — 2004. — Vol. 46. — № 1. — P. 353–362. — (English).
 206. Kuzmin Y. V., Gorbunov S. V., Orlova L. A., Vasilevsky A. A., Alekseeva E. V., Tikhonov A. N., Kirillova I. V., Burr G. S. 14C dating of the Late-Pleistocene faunal remains from Sakhalin Island (Russian Far East) // Current Research in the Pleistocene. — 2005. — Vol. 22. — P. 78–80. — (English).
 207. Nakazava Y., Izuho M., Takakura J. and Yamada S. Toward an understanding of technological variability in microblade assemblages in Hokkaido, Japan // Asian Perspectives. — 2005. — Vol. 44. — № 2. — P. 276–292. — (English).
 208. Nomura T. Archaeological materials of the sites at Lake Nevskoye region, Middle Sakhalin // The Annual report of the Historical Museum of Hokkaido. — № 18. — Sapporo: Historical Museum of Hokkaido, 1990. — P. 89–100. — (Japanese with English summary).
 209. Obihiro Archaeological Records № 8. Obihiro. Yachio A site (Articles). Obihiro Board of Education, Hokkaido, Japan. — 1990. — 100 p. — (Japanese with English title).
 210. Obihiro Archaeological Records № 8. Obihiro. Yachio A site (Photographs). Obihiro Board of Education, Hokkaido, Japan. — 1990. — 284 p. — (Japanese with English title).
 211. Obihiro Archaeological Records № 8. Obihiro. Yachio A site (Material). Obihiro Board of Education, Hokkaido, Japan. — 1990. — 404 p. — (Japanese with English title).
 212. Obihiro Archaeological Records № 26. Obihiro. Taisho sites 1. Obihiro Board of Education, Hokkaido, Japan. — 2005. — 130 p. — (Japanese with English title).
 213. Obihiro Archaeological Records № 27. Obihiro. Taisho sites 2. Obihiro Board of Education, Hokkaido, Japan. — 2006. — 464 p. — (Japanese with English title).
 214. Obihiro Archaeological Records № 29. Obihiro. Taisho sites 3. Obihiro Board of Education, Hokkaido, Japan. — 2008. — 422 p. — (Japanese with English title).
 215. Project Amur.— Masters Program in Area Studies, University of Tsukuba, 1998. — Ed. Kato H., M. Yamada, I. Shevkomud. — 90 p. — (English, Russian).
 216. Vasilevski A. A. The Upper Palaeolithic of Sakhalin Island // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory. — Edited by S. M. Nelson, A. P. Derevianko, Y. V. Kuzmin and R. I. Bland. — Oxford: Archaeopress, 2006. — Chapter 5. — (English).
 217. Vasilevsky A. A., Shubina O. A. Neolithic of the Sakhalin and

- Southern Kurile Islands // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory. — Edited by S. M. Nelson, A. P. Derevianko, Y. V. Kuzmin and R. I. Bland. — Oxford: Archaeopress, 2006. — Chapter 8. — (English).
218. Vasilevski A. Adaptive Strategy, Man's Activity and landscape. Sakhalin Island in Holocene Period // Rekihaku International symposium "Terrestrial Environmental Changes and Natural Disasters during the Last 10 000 years". — Report. — 11.25–28.1997. — Sakura, Japan. — National Museum of Japanese History. — 1998. — (English).
219. Yoshizaky M. Prehistoric Cultures in Southern Sakhalin in the light of Japanese Research // Arctic Anthropology. — 1963. — Vol. 1. — № 2. — P. 131–155. — (English).
220. Zaitsev V., Vasilevski A., Grishenko V., Chepelev D. New investigations of the Sokol – the site of the Upper Paleolithic–Incipient Neolithic in Sakhalin // Paleolithic of Hokkaido. — Obihiro, 2002. — Ed. by M. Kitazawa. — № 7. — P. 1–14. — (English with Japanese summary by Kato Hirofumi).
221. Василевский, А. А. Сахалин но синсеки дзидай. — Неолит Сахалина / А. А. Василевский // Хоккайдо Коукогаку. — № 28. — Саппоро, 1992. — С. 115–136. — (Japanese).
222. Василевский, А. А. Памятники переходного периода от палеолита к неолиту на Сахалине / А. А. Василевский, В. А. Грищенко // Исследование Северной Азии: материалы ежегодной конференции / Кита Адзия тёса кэнку хококукая. — Hokkaido University. — Sapporo, 2002. — Р. 85–100. — (Japanese and Russian).
223. Василевский, А. А. 2003–2007 nen ni okeru Sakhalin kokuritsu daigaku ni yoru kokogakuchosa (Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг.) // А. А. Василевский, В. А. Грищенко, В. Д. Федорчук, А. В. Можаев // 2008 nepro Hookaid koko gakkai. I seki chosa hokoku kai shiryoshu (2008 Хоккайдское археологическое общество. Доклады отчетов по раскопкам). — Hookaid koko gakkai (Хоккайдское археологическое общество). — Sapporo, 2008. — Р. 71–83. (Japanese).
224. Дьяков, В. И. Вектор археологических культур каменного века Приморья / В. И. Дьяков // Исследование Северной Азии: материалы ежегодной конференции / Кита Адзия тёса кэнку хококукая. — Саппоро: Хоккайдский университет, 2002. — С. 21. — (Japanese and Russian).
225. Като, Х. Интерпретация полученных данных. Отчет о совместных исследованиях Кольчем-З на озере Удыль (Нижний Амур) в 1998 г. / Х. Като, И. Я. Шевкомуд // Project Amur. — Masters Program in Area Studies, University of Tsukuba, 1998. — Р. 28–31. — (Japanese, English and Russian).
226. Китазава Минору, Дземон сооки хирадзоко докигун но ёсо.— Изучение плоскодонной керамики периода Раннего Дзёмана // Симподзиуму кайкио то кита но коокогаку. — Археология пролива и севера. — Конгресс археологического общества в Кусиро. — Т. 1. — Тема 1: От палеолита к периоду Дзёман. — Ред. исполн. ком. археол. общ-ва Японии 1999 года в Кусиро. — Кусиро, 1999. — С. 273–363. — (Japanese).
227. Малявин, А. В. Предварительное сообщение об исследованих новых стоянок с древнейшей керамикой в Приамурье: Гончарка-3 и Новотроицкое-3 / А. В. Малявин, И. Я. Шевкомуд // Project Amur. — Masters Program in Area Studies. — University of Tsukuba. — Ed. H. Kato, M. Yamada and Y. Shevkomud. — Р. 36–52. — (Japanese and Russian with English summary).
228. Нииока, Т. Древняя культура Карафуто и Хоккайдо. (Каракуто Хоккайдо но кобунка) / Т. Нииока. — Хоккайдо Сюппан, Саппоро: изд-во Кикаку Сента, 1977. — Т. 2. — 172 с. — (Japanese).
229. Нииока Т., Утагава Х. Археологические памятники на Южном Сахалине. — Саппоро, 1990. — 265 с. (Japanese and Russian).
230. Терасаки Ясуфуми, Сайсекиджин секи гунн, но хэн сен ту шю. — Генезис микропластинчатых индустрий // Симподзиуму кайкио то кита но коокогаку. — Археология пролива и севера. — Конгресс археологического общества в Кусиро. — Т. 1. — Тема 1: От палеолита к периоду Дзёмон. — Кусиро, 1999. — С. 45–60. — (Japanese).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук.

ДВГУ – Дальневосточный государственный университет.

ДВО – Дальневосточное отделение.

ИА – Институт археологии.

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.

ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.

ИМГИГ – Институт морской геологии и геофизики.

ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии.

ЛАИ – лаборатория археологических исследований.

МАЭ – Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера).

ПИН – Палеонтологический институт.

РАН – Российская Академия наук.

СахГУ – Сахалинский государственный университет.

СЛАиЭ – Сахалинская лаборатория археологии и этнографии.

СО РАН – Сибирское отделение.

СОКМ – Сахалинский областной краеведческий музей.

ХККМ – Хабаровский краевой краеведческий музей им. Гродекова.

ЮСГПИ – Южно-Сахалинский государственный педагогический институт.

AMS (accelerator mass-spectrometry) – ускорительная масс-спектрометрия.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рис. 1. Карта расположения памятников раннего неолита на острове Сахалин

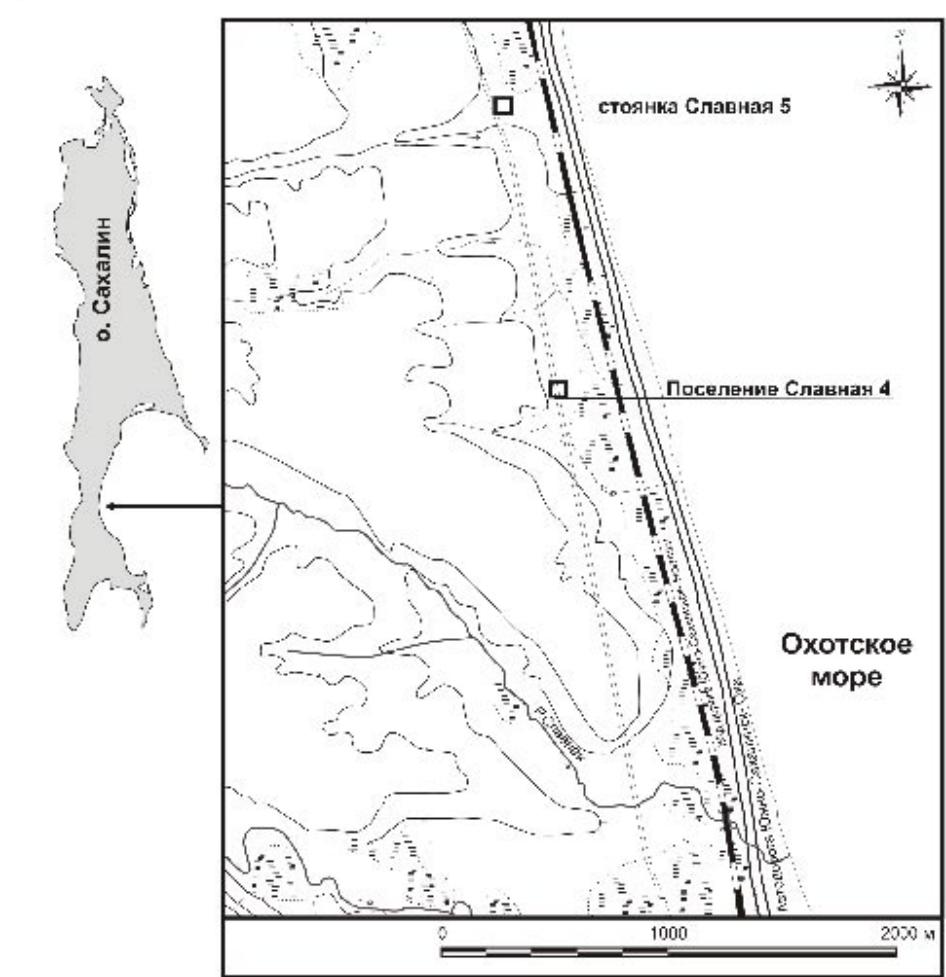

Рис. 2. Карта расположения памятников раннего неолита Славная-5 и Славная на юго-восточном побережье острова Сахалин

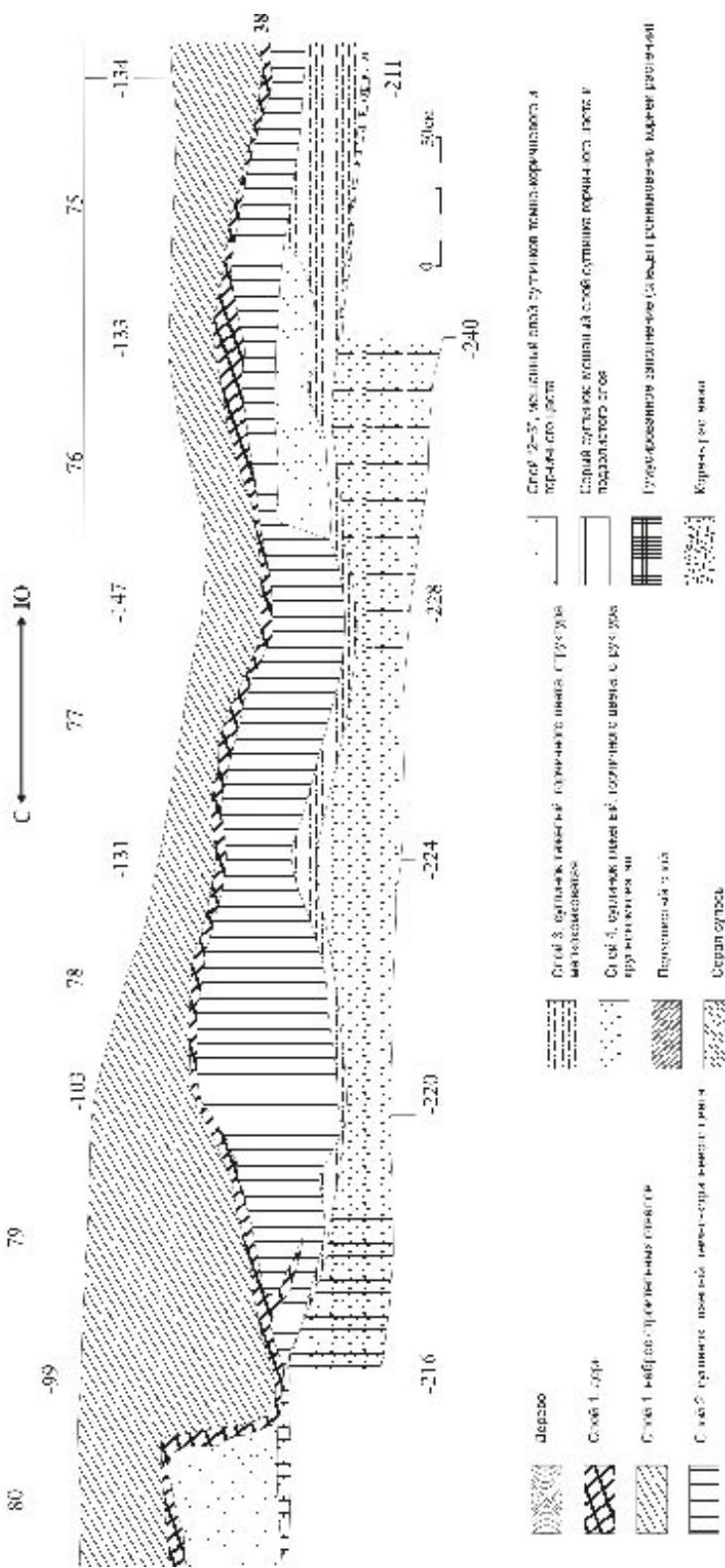

Рис. 3. Восточная стена раскопа 2, кв. 38/80–75. Стоянка Славная-5. Раскоп 2

Рис. 4. Фото восточной стенки раскопа 2 в кв. 38/76–79 (А);
в кв. 39/80–84 (Б). Линейка стандартная, геодезическая.
Стоянка Славная-5. Раскоп 2

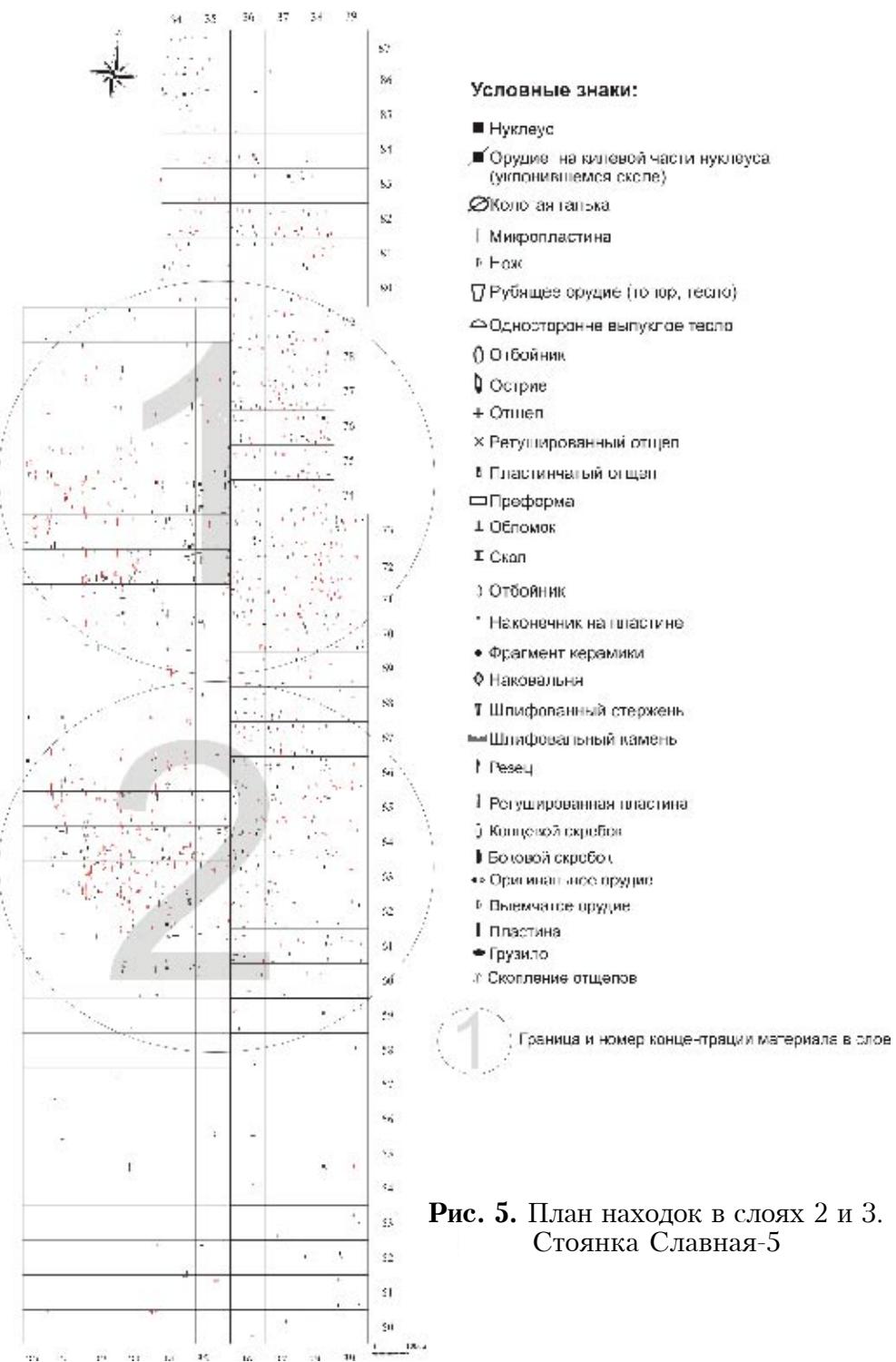

Рис. 5. План находок в слоях 2 и 3.
Стоянка Славная-5

Рис. 6. Нуклеусы из обсидиана, стоянка Славная-5 (1–2 – обсидиан)

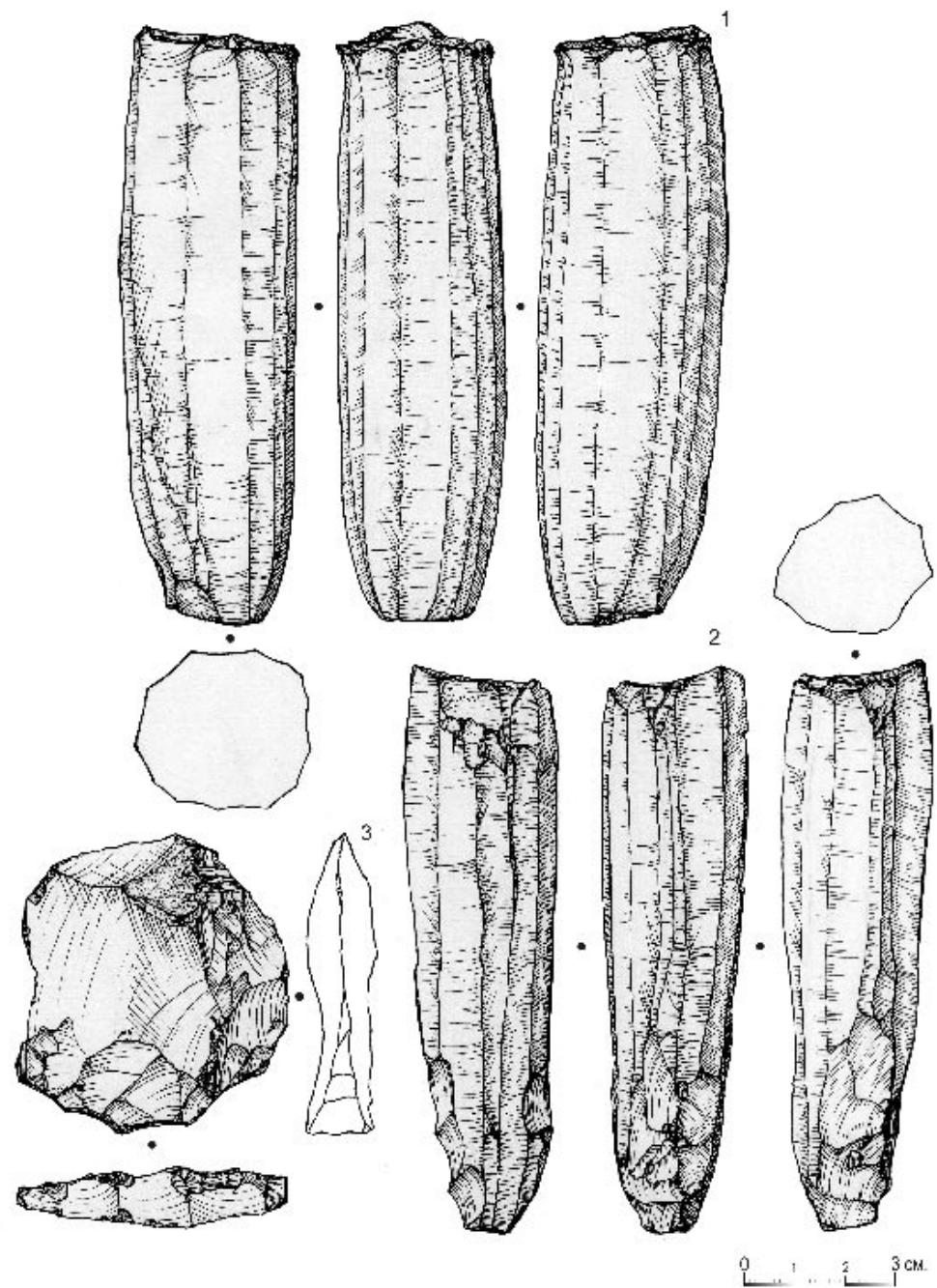

Рис. 7. Нуклеусы и поперечный реанимационный скол-подправка отжимной площадки (3). Обсидиан. Горизонт 2, стоянка Славная-5

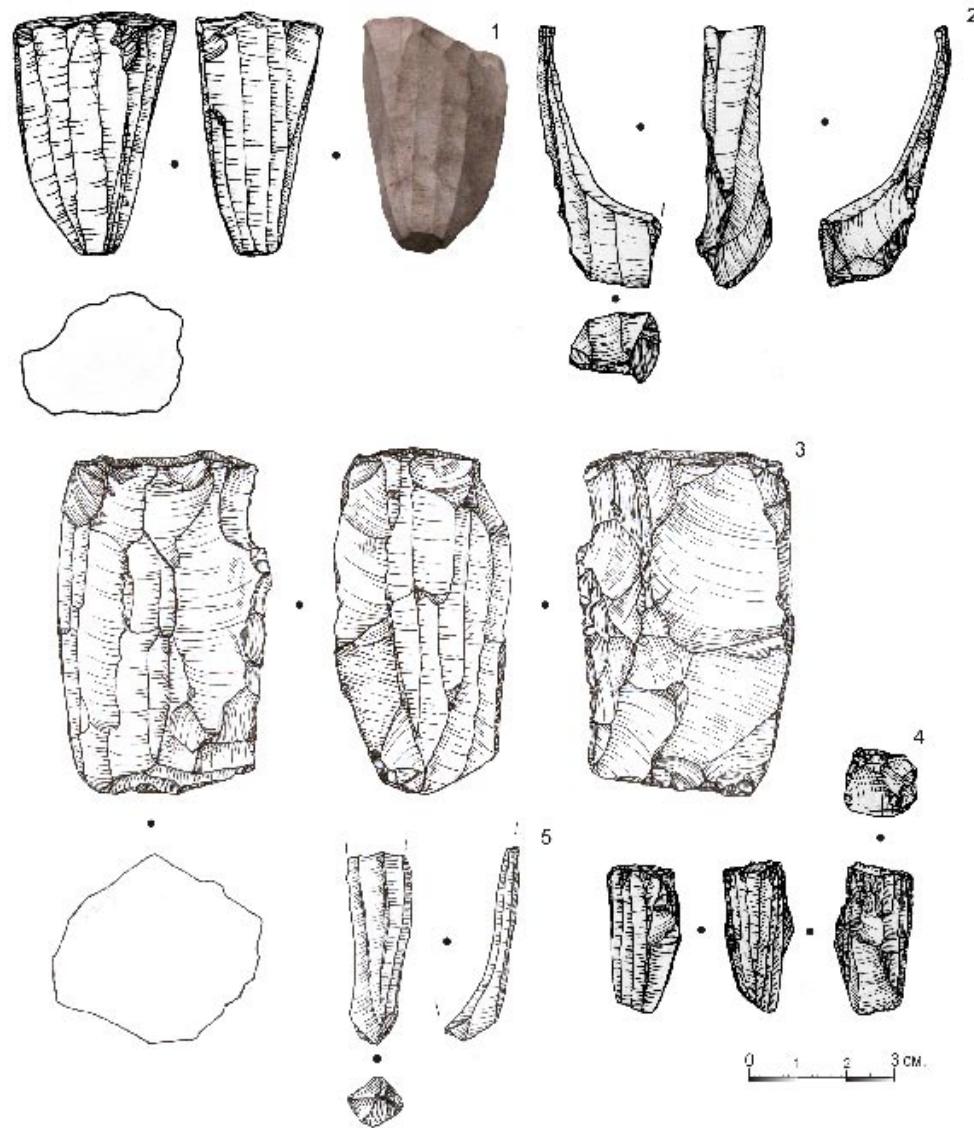

Рис. 8. Нуклеусы и уклонившиеся сколы. Стоянка Славная-5.
Горизонты 1 и 2

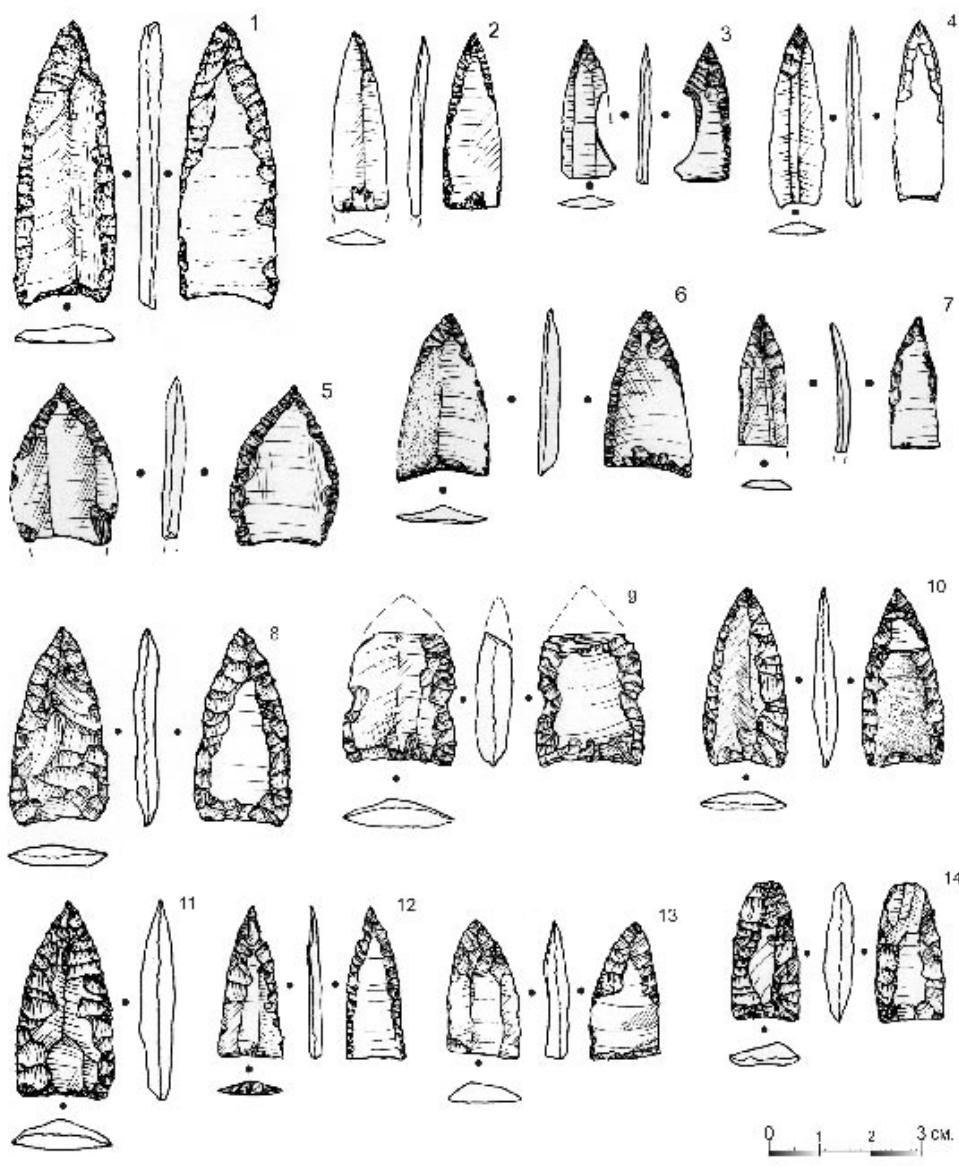

Рис. 9. Наконечники метательных орудий.
Стоянка Славная-5, горизонты 1, 2

Рис. 10. Обсидиановая пластина в слое 2 (горизонт 2), кв. 35/74.
Стоянка Славная-5

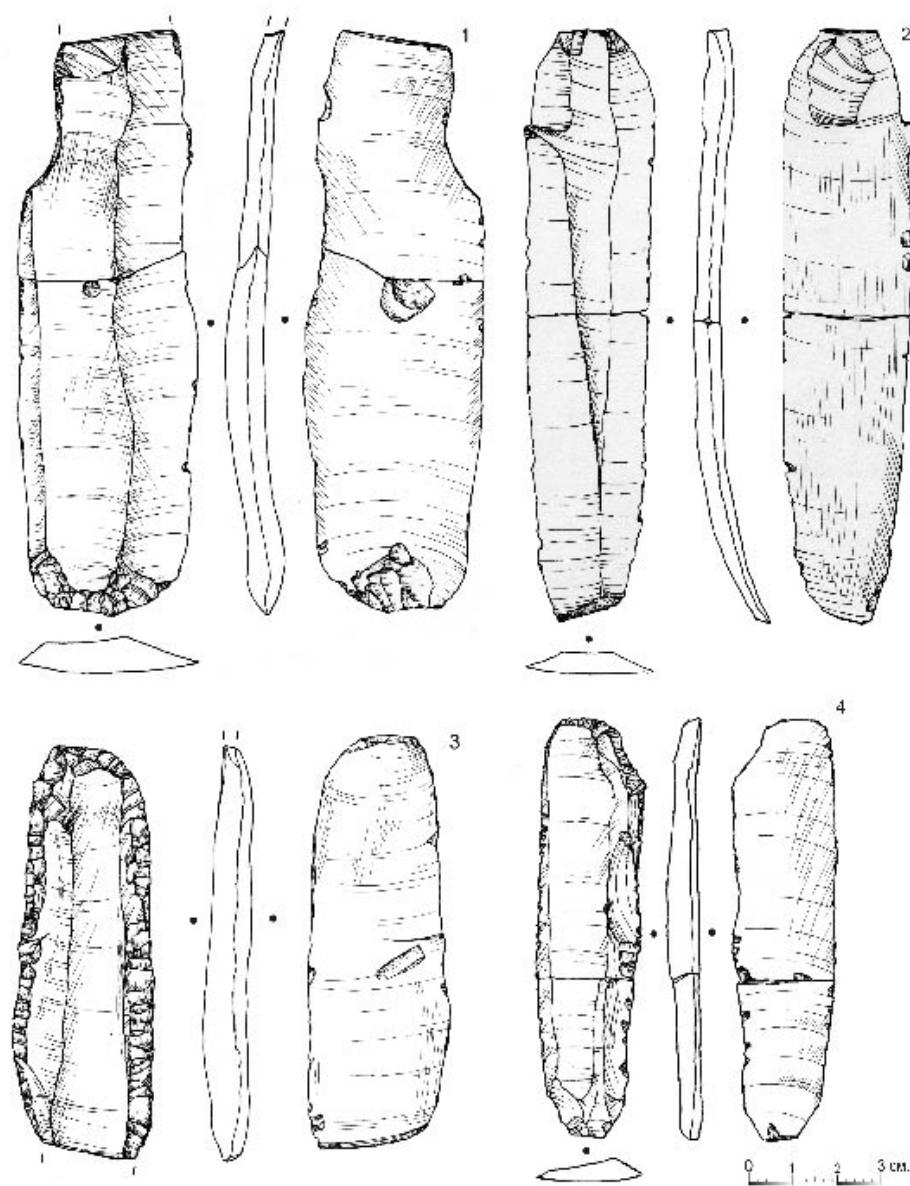

Рис. 11. Орудия на длинных пластинах.
Горизонт 2. Стоянка Славная-5

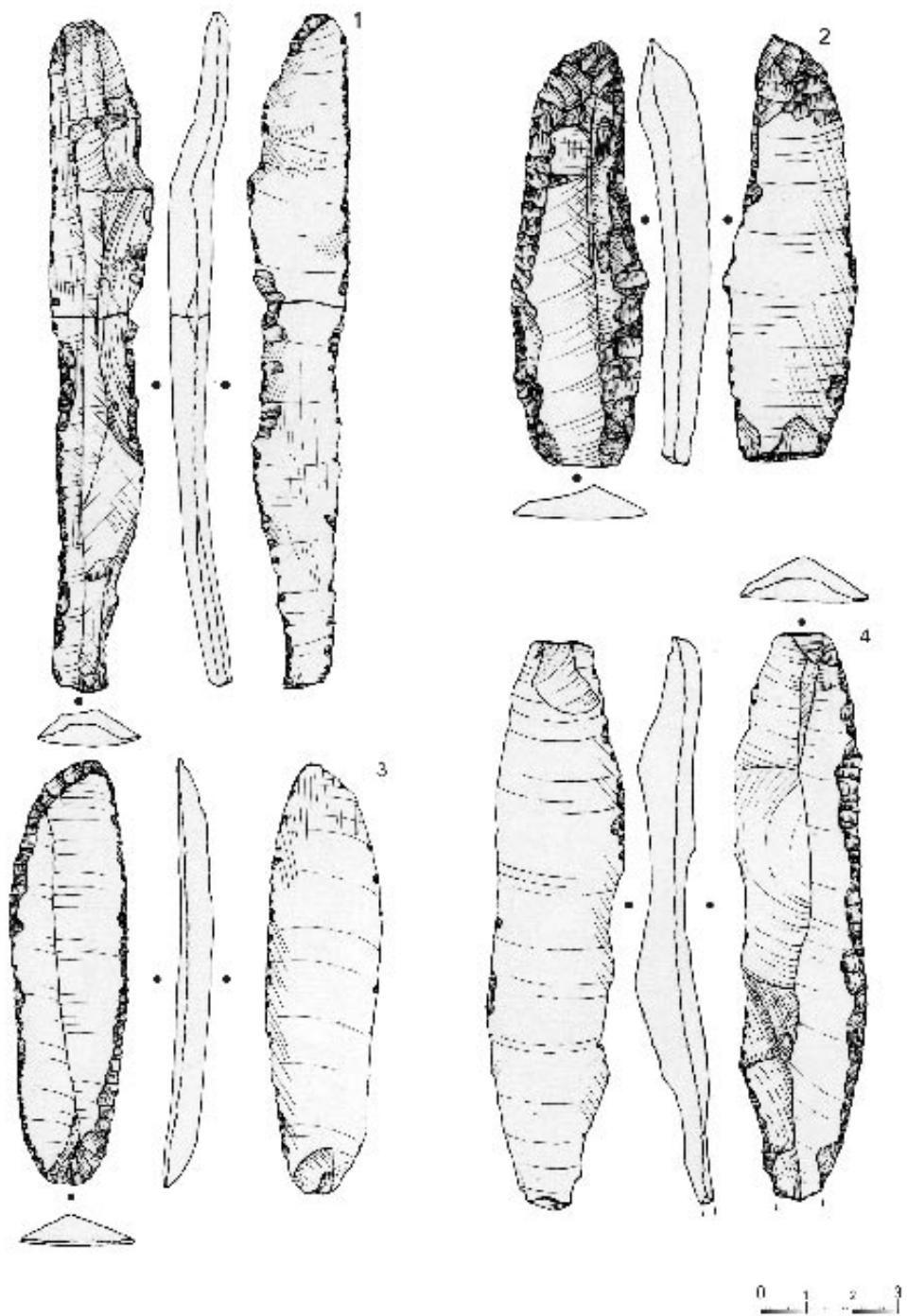

Рис. 12. Орудия на ретушированных пластинах из горизонта 2.
Горизонт 2. Стоянка Славная-5

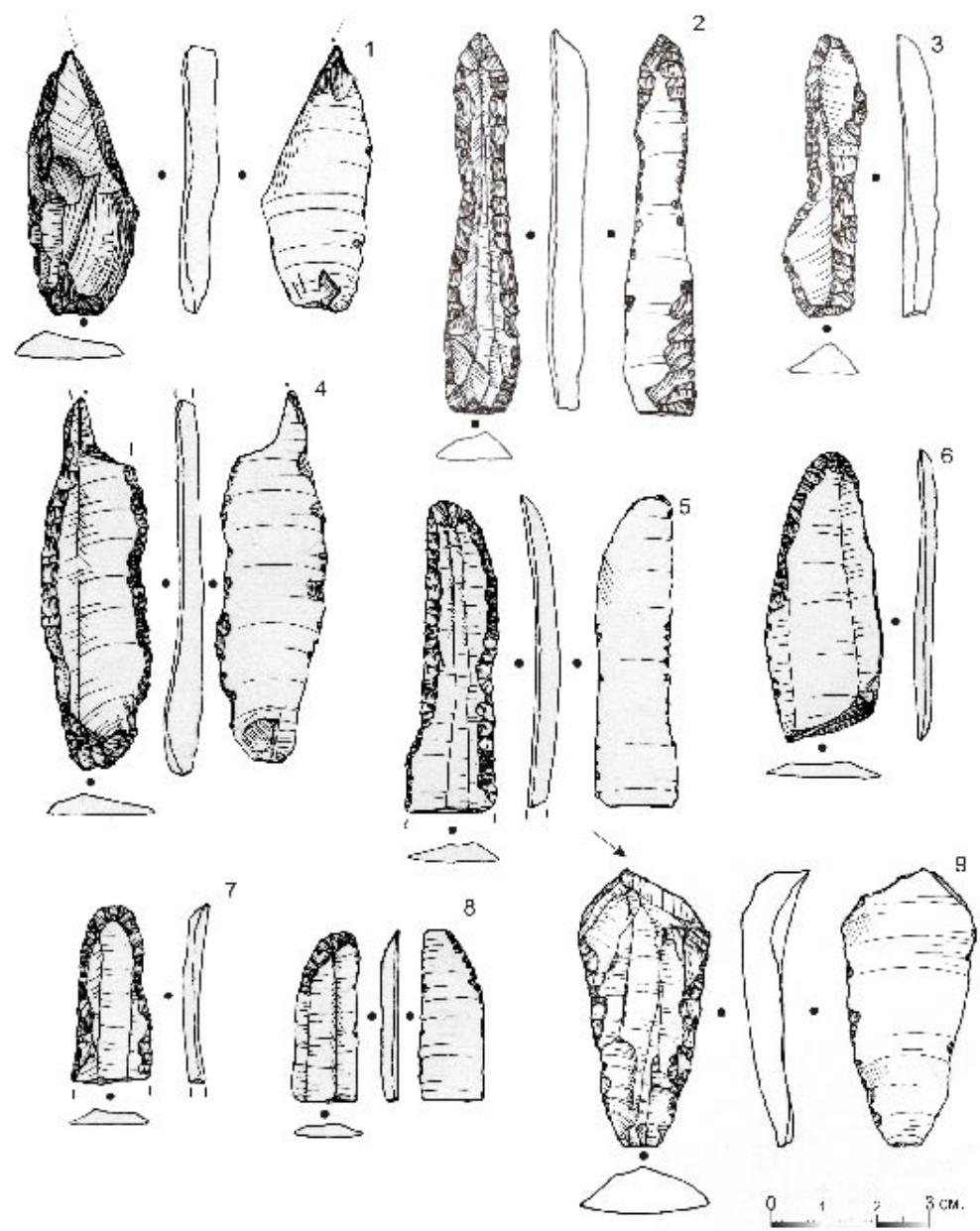

Рис. 13. Орудия на пластинах из горизонта 2. Стоянка Славная-5

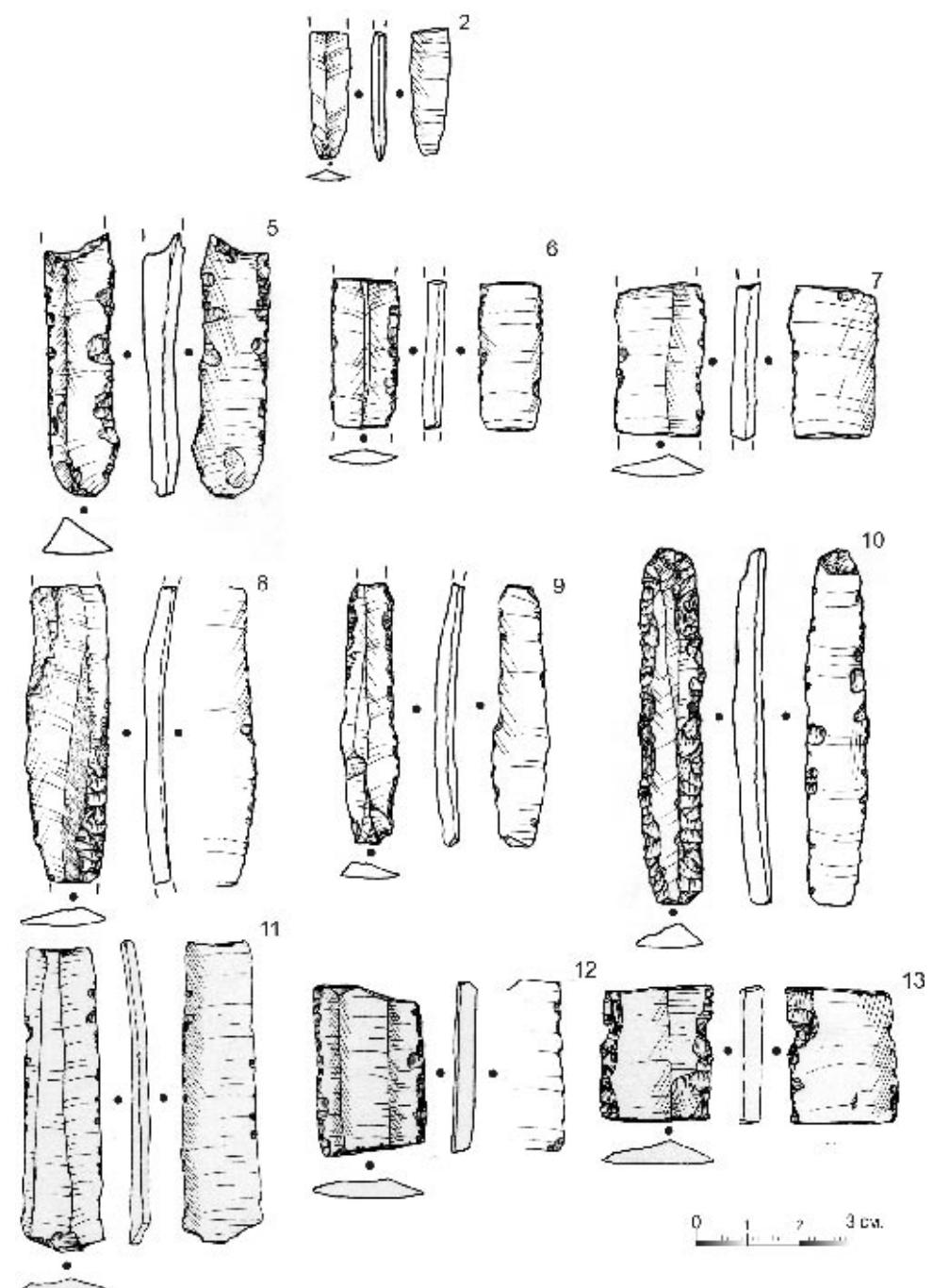

Рис. 14. Малые и средние пластины (вкладыши) из горизонта 2 (обсидиан). Стоянка Славная-5

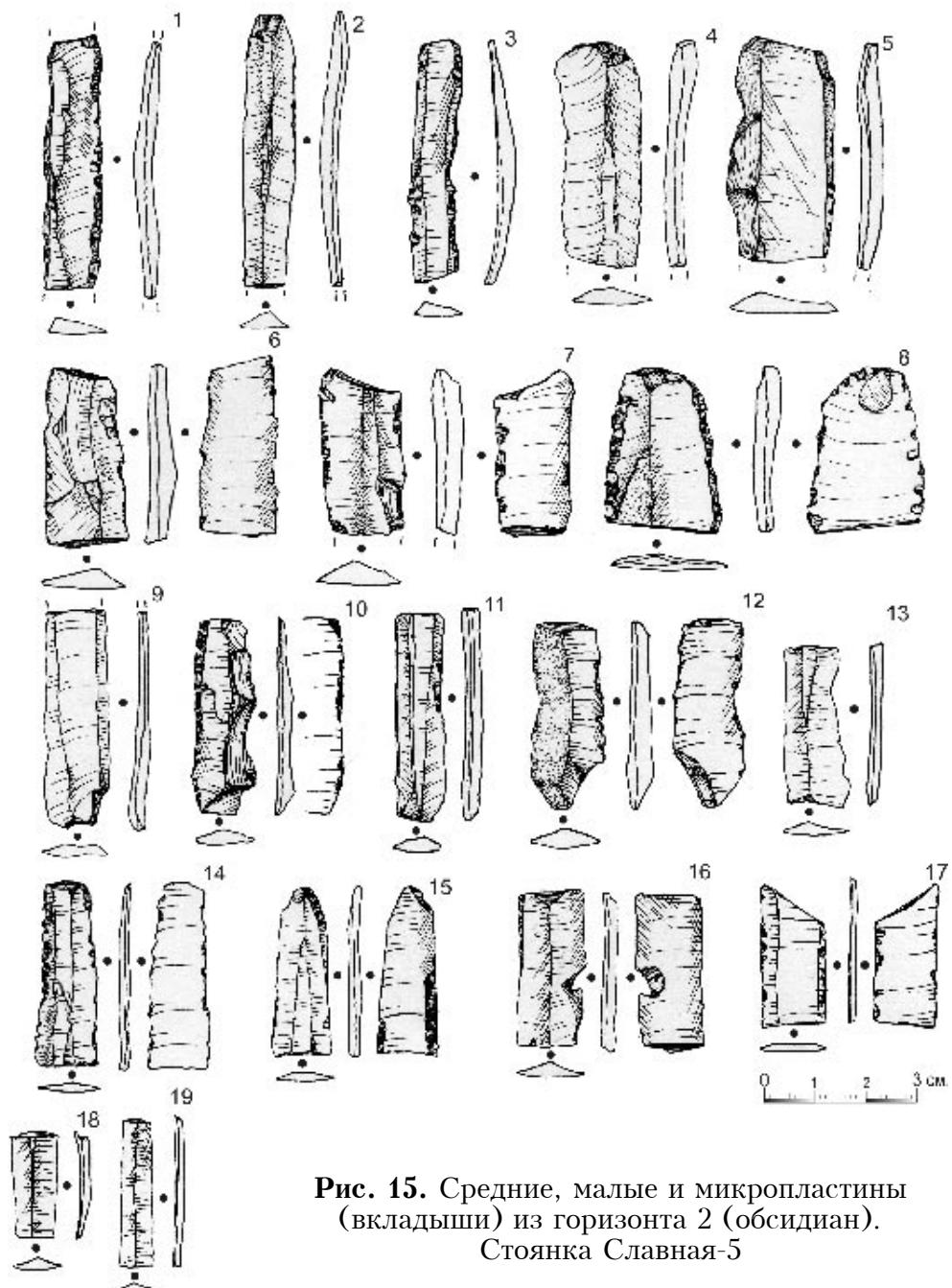

Рис. 15. Средние, малые и микропластины
(вкладыши) из горизонта 2 (обсидиан).
Стоянка Славная-5

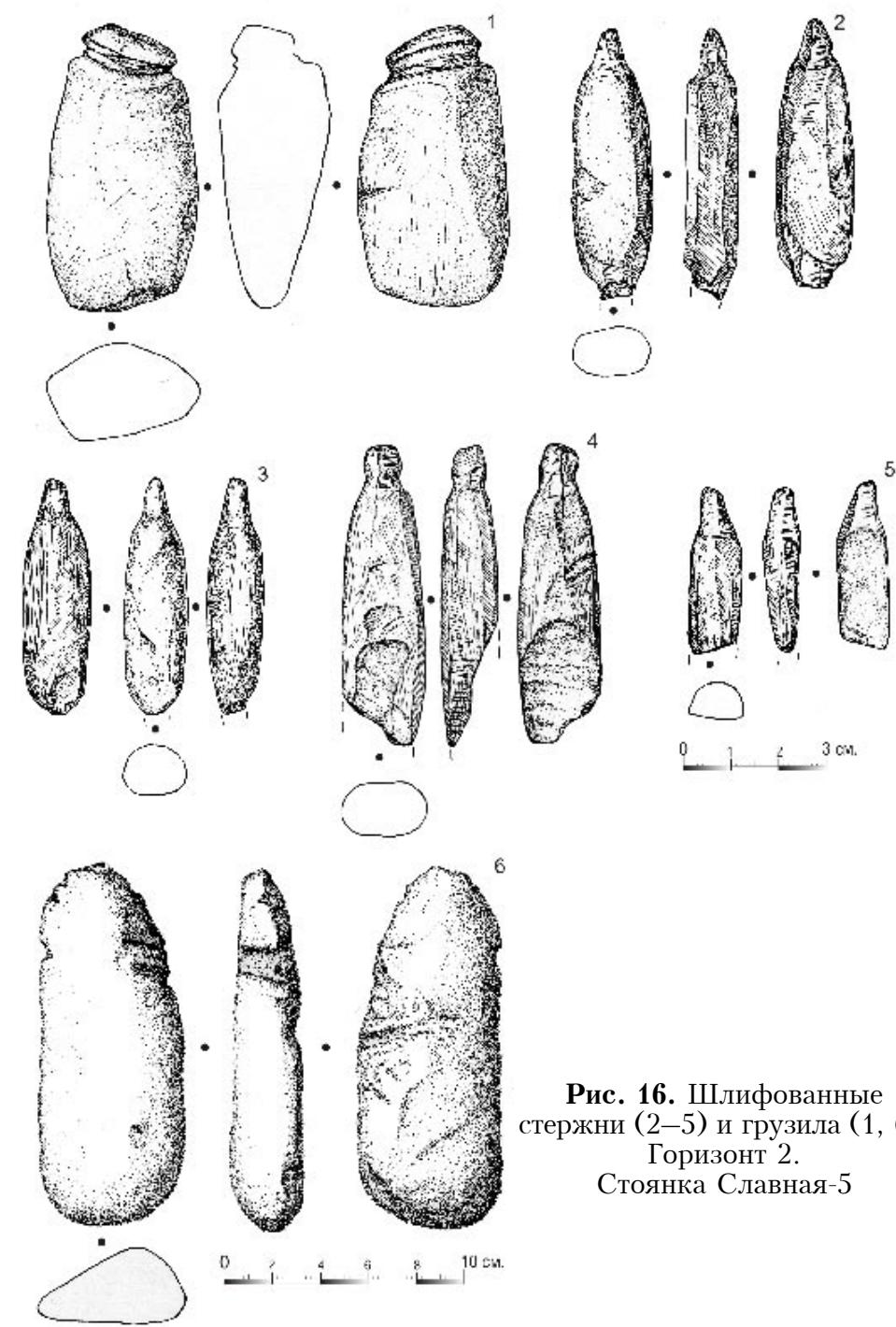

Рис. 16. Шлифованные
стержни (2–5) и грузила (1, 6).
Горизонт 2.
Стоянка Славная-5

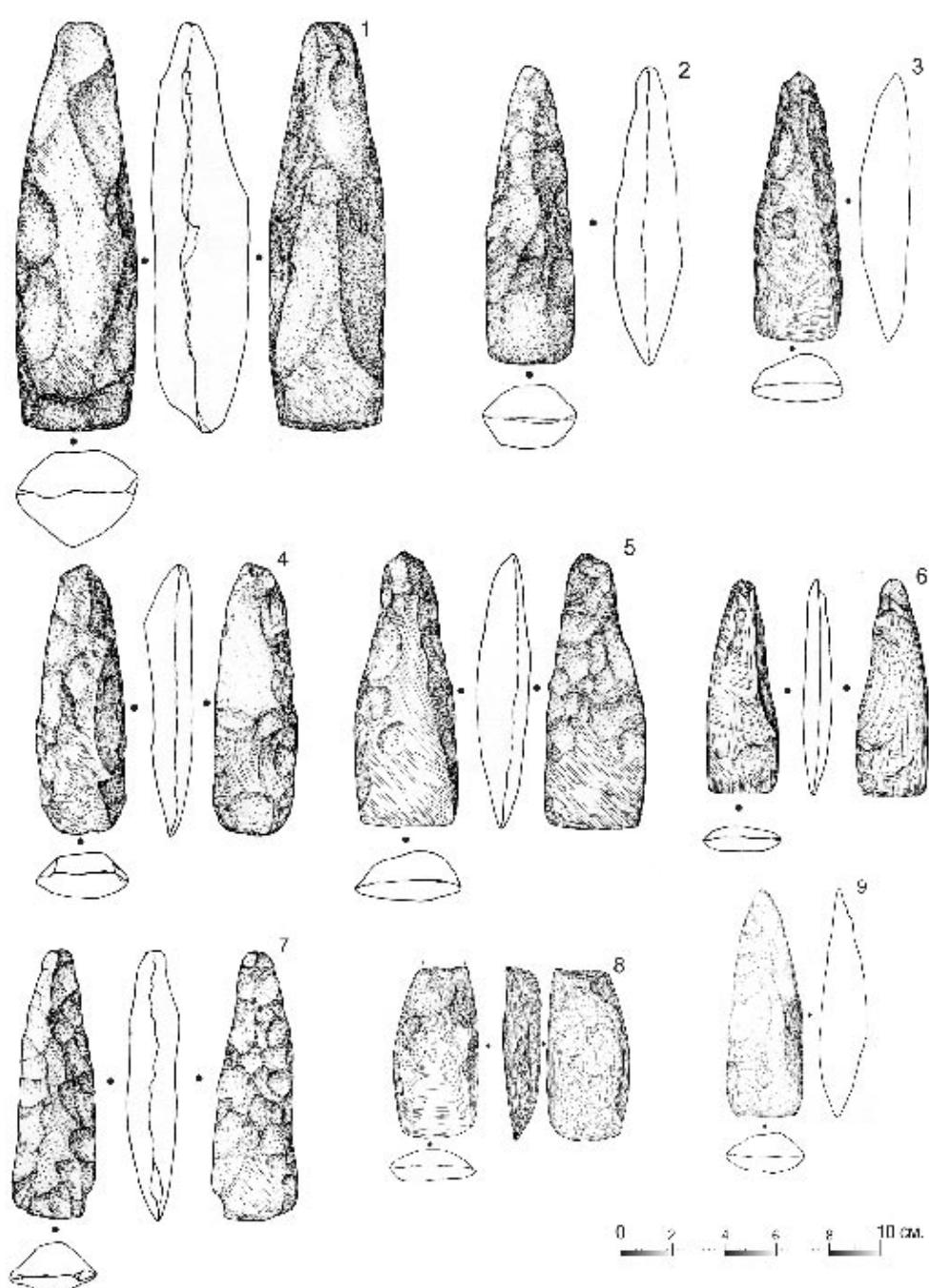

Рис. 17. Рубящие орудия. Горизонты 1, 2. Стоянка Славная-5

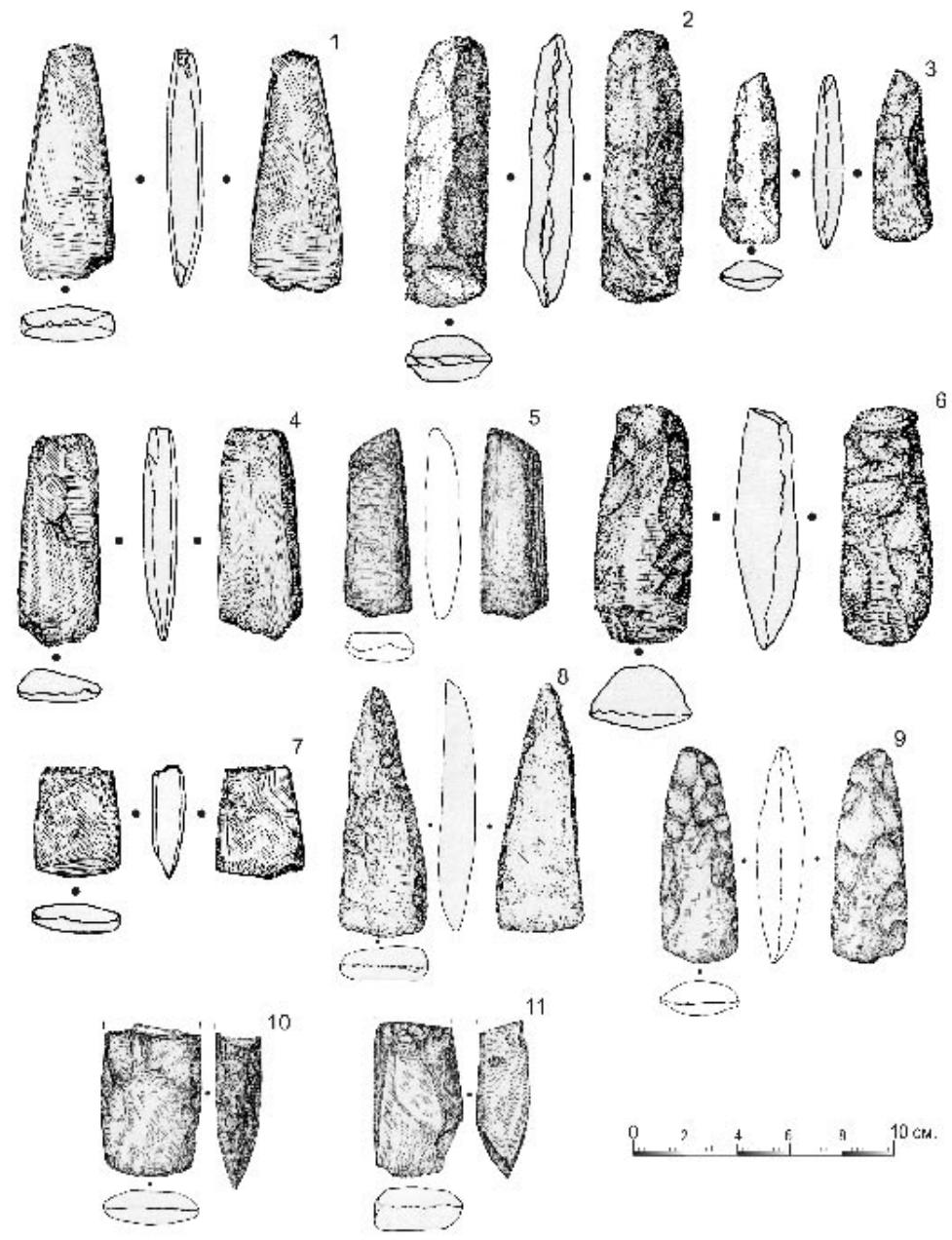

Рис. 18. Рубящие орудия. Горизонты 1, 2. Стоянка Славная-5

Рис. 19. Шлифованные тесла в слое 2 (горизонт 2).
Стоянка Славная-5

134

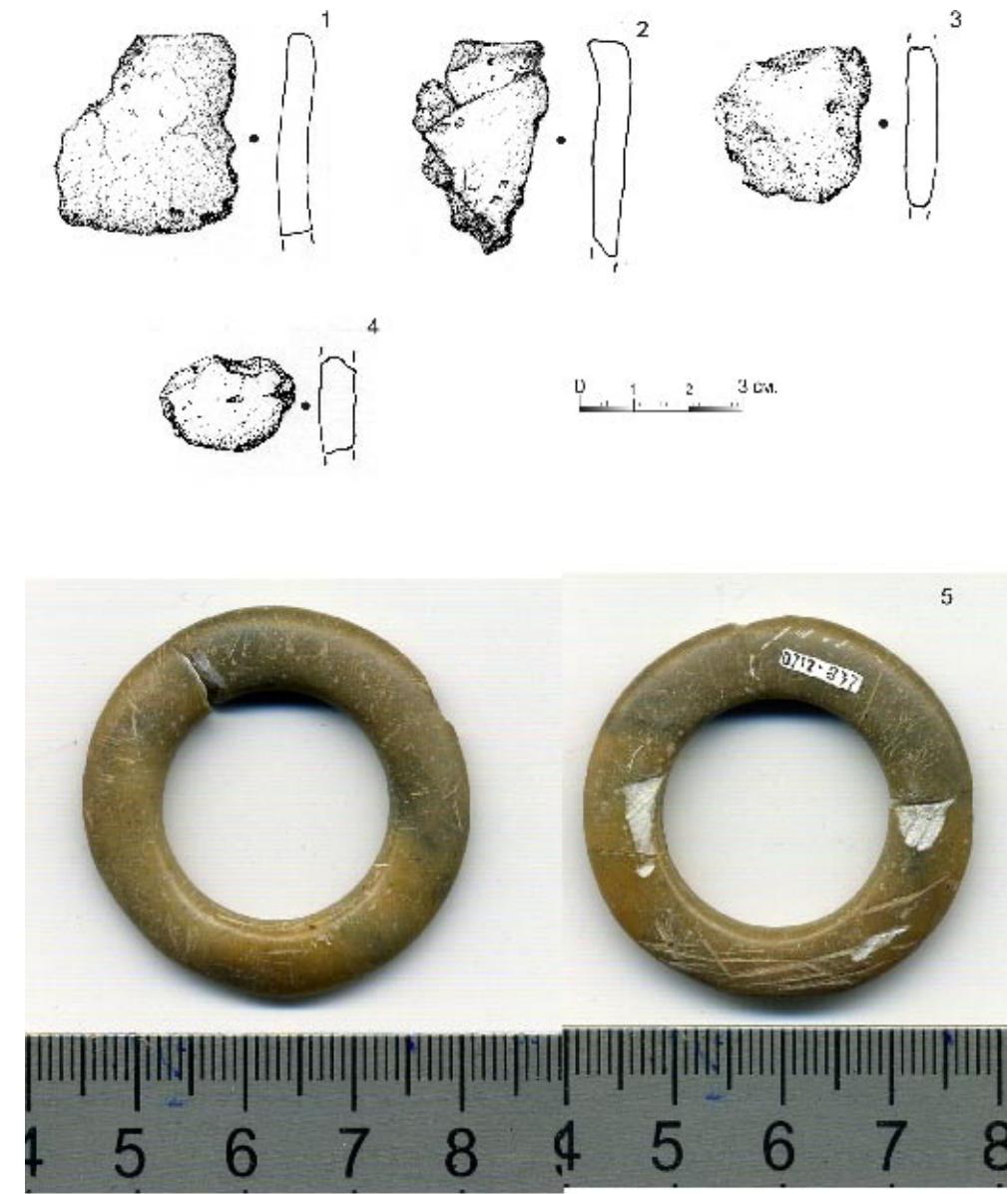

Рис. 20. Ранненеолитическая керамика (1–4)
и шлифованное кольцо (5). Горизонт 2. Стоянка Славная-5

135

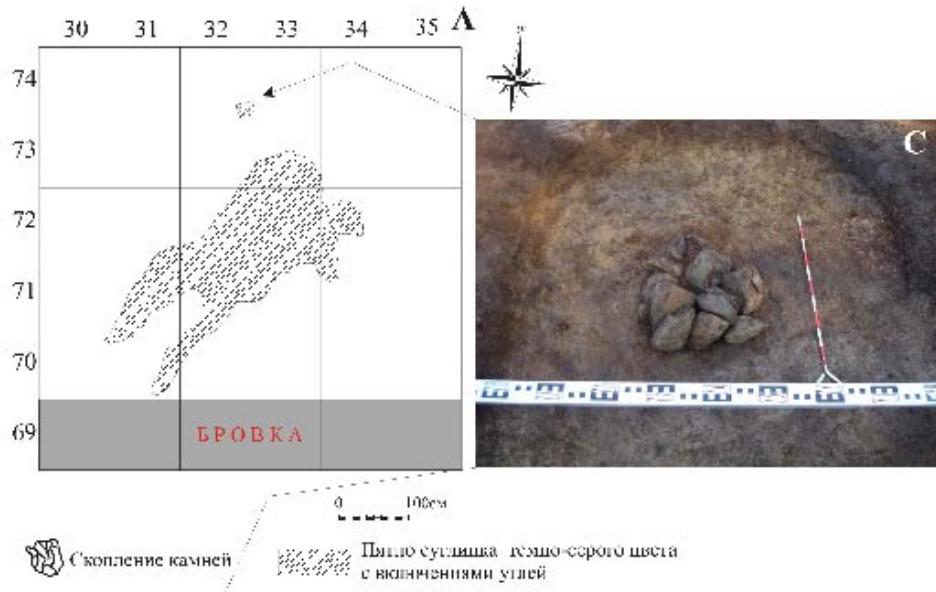

Рис. 21. Пятно суглинка темно-серого цвета с включениями углей и скопление камней в секторе 3 до начала разбора.
Стоянка Славная-5, раскоп 1, 2006 год. Линейка стандартная, геодезическая. Цена деления колышка 5 см

Рис. 22. Пятно суглинка темно-серого цвета с включениями углей и скопление камней в секторе 3 после разбора, А: фото, снято с юго-запада; Б: план. Стоянка Славная-5. Линейка стандартная геодезическая. Цена деления колышка 5 см

Рис. 23. План стоянки Одопту-2

Рис. 24. А – артефакты на поверхности стоянки Одопту-2,
Б – шурф на стоянке Одопту-2

Рис. 25. Артефакты со стоянки Одопту-2 (шурф 2008 г.),
1–14, 17 – камень, 15–16 – керамика

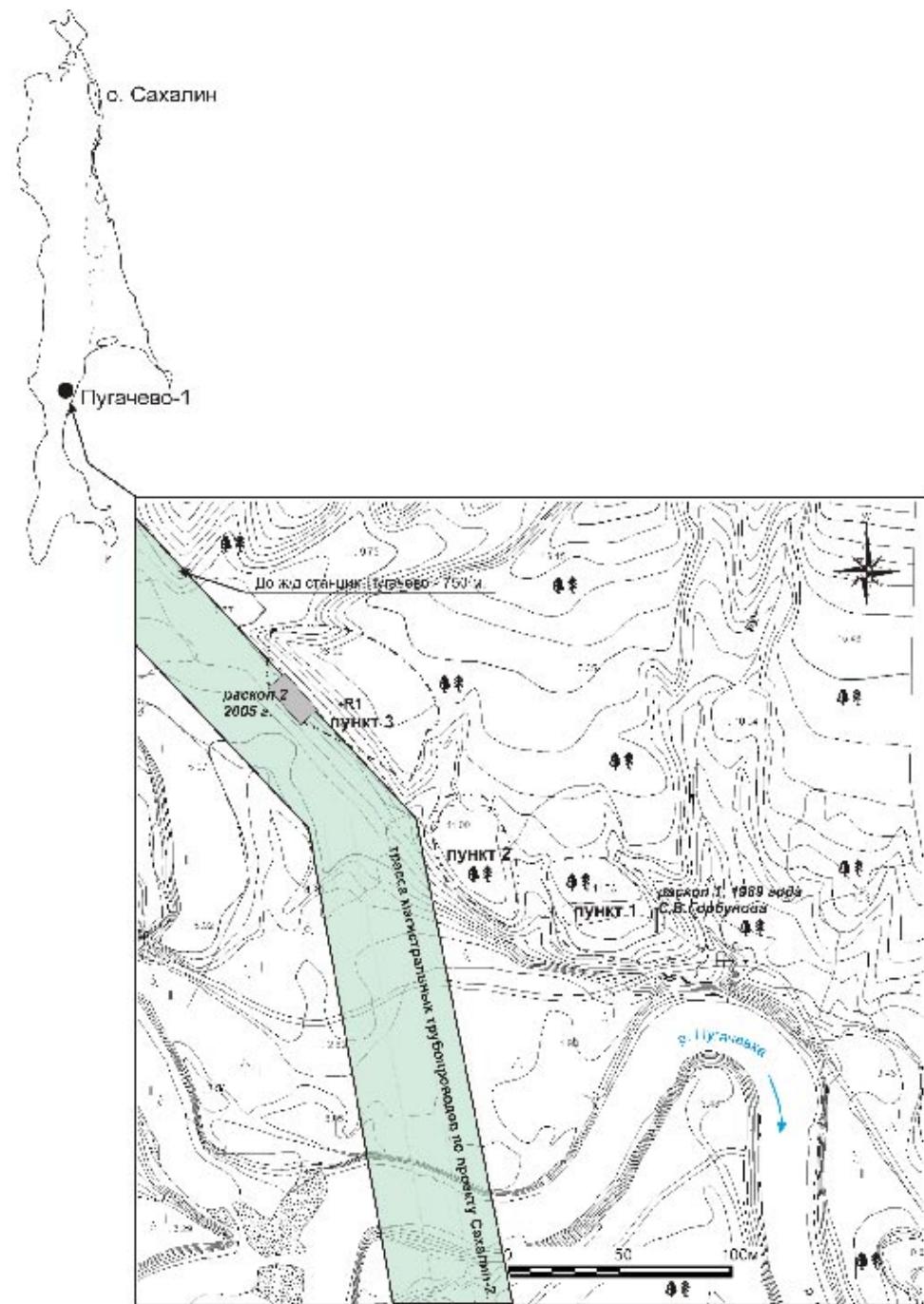

Рис. 26. План стоянки Пугачево-1. Сахалинская область,
Макаровский район. Сечение горизонталей – 0,5 метра

A

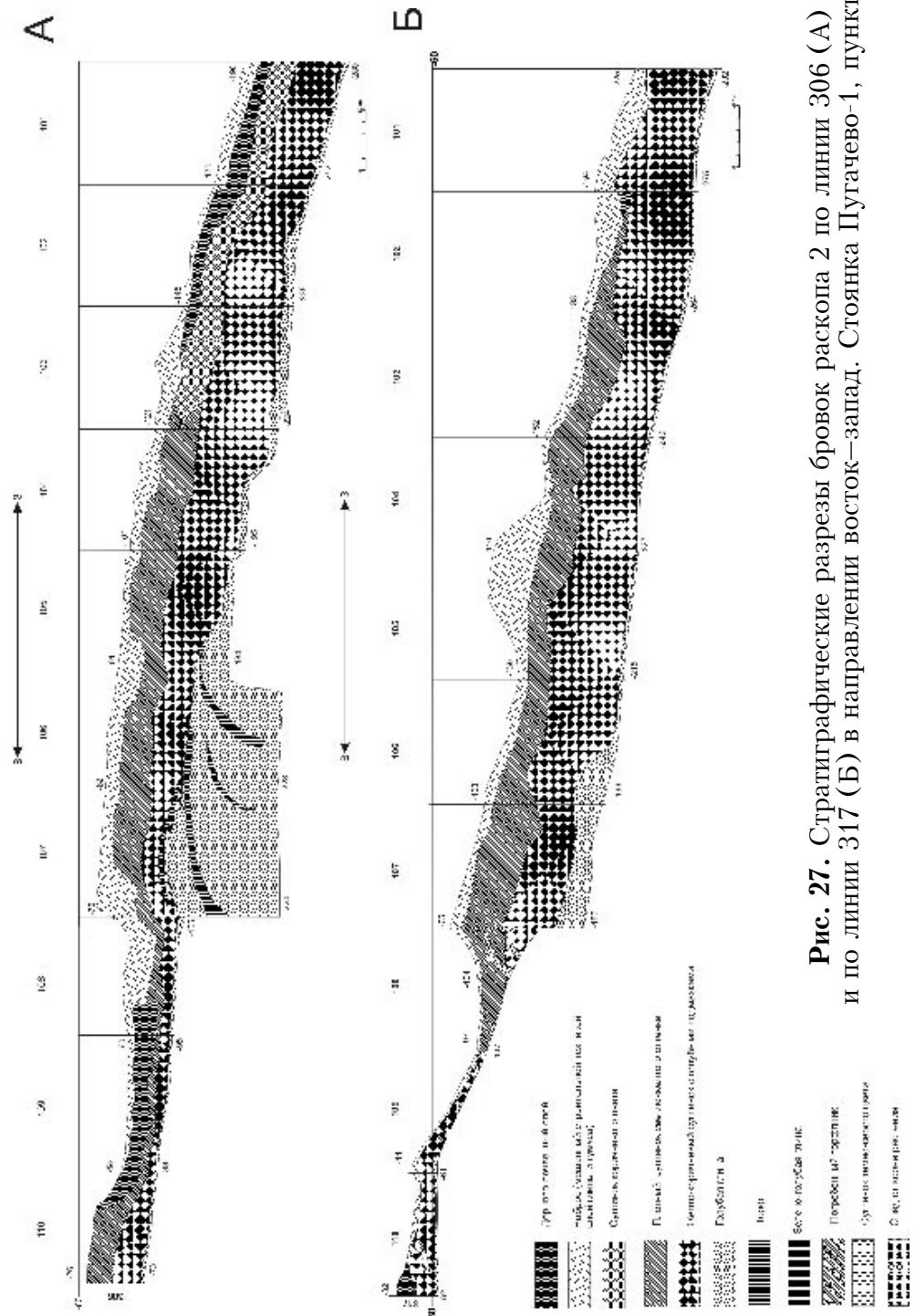

Рис. 27. Стратиграфические разрезы бровок раскопа 2 по линии 306 (А) и по линии 317 (Б) в направлении восток–запад. Стоянка Пугачево-1, пункт 3

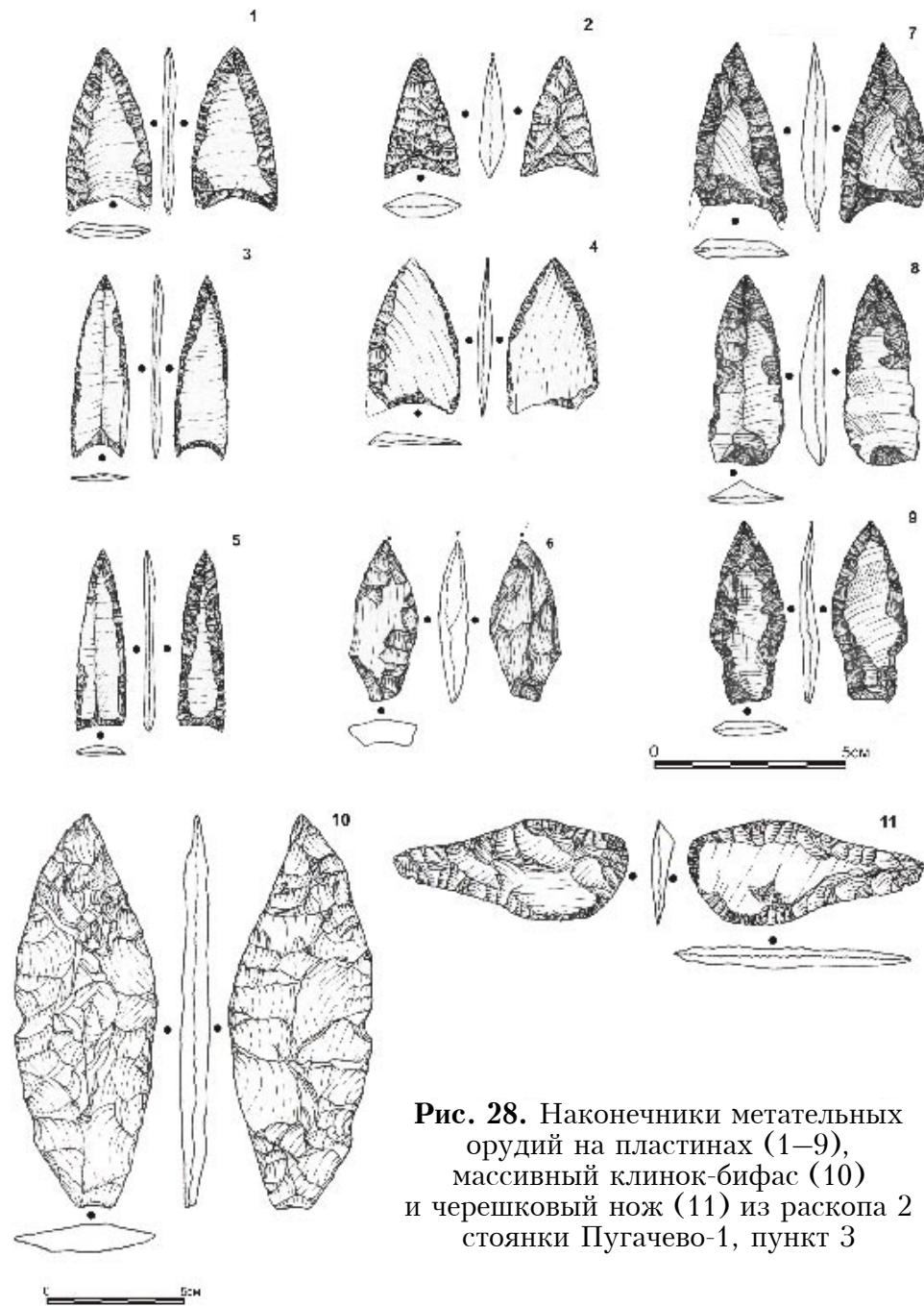

Рис. 28. Наконечники метательных орудий на пластинах (1–9), массивный клинок-бифас (10) и черешковый нож (11) из раскопа 2 стоянки Пугачево-1, пункт 3

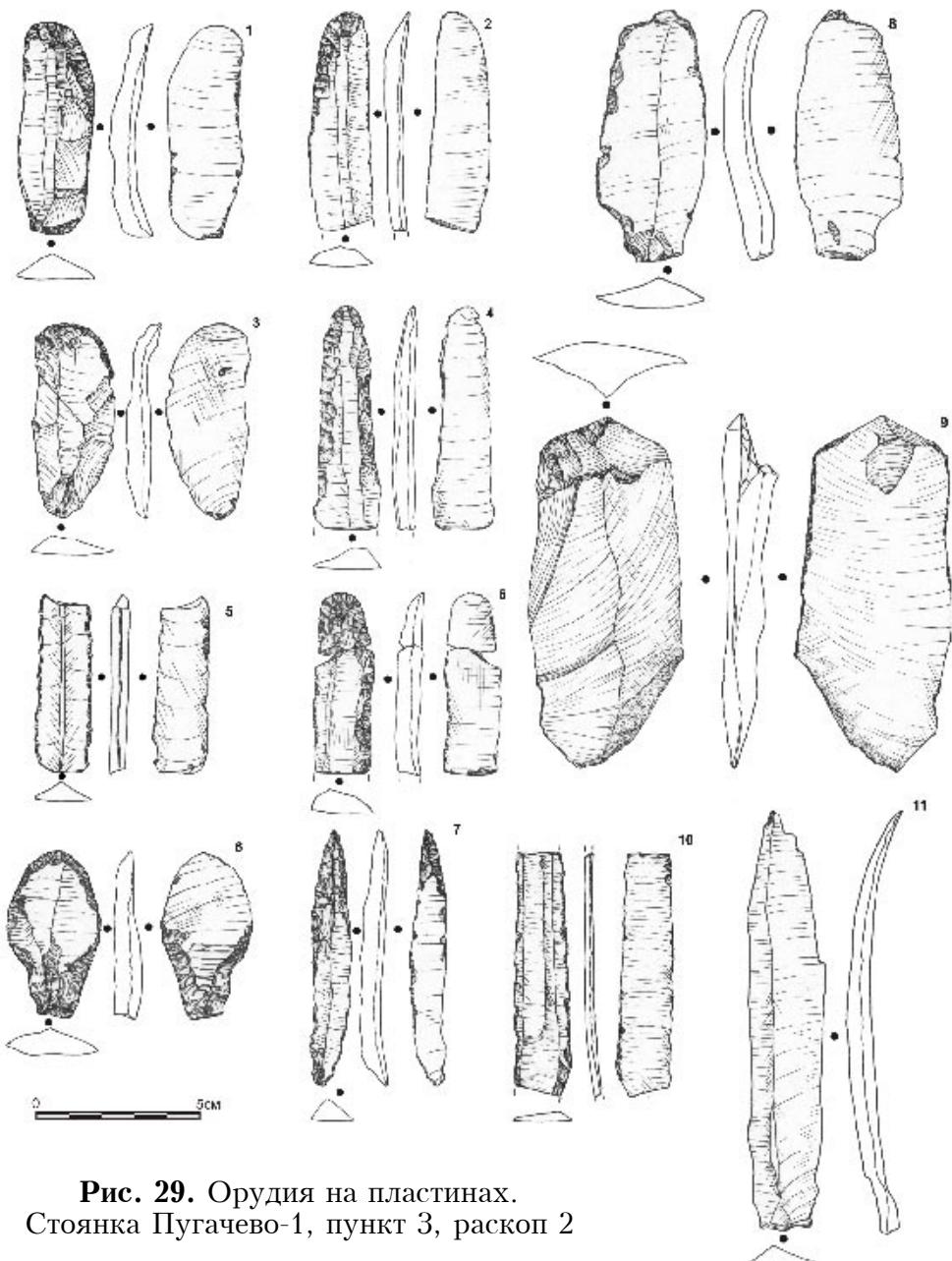

Рис. 29. Орудия на пластинах.
Стоянка Пугачево-1, пункт 3, раскоп 2

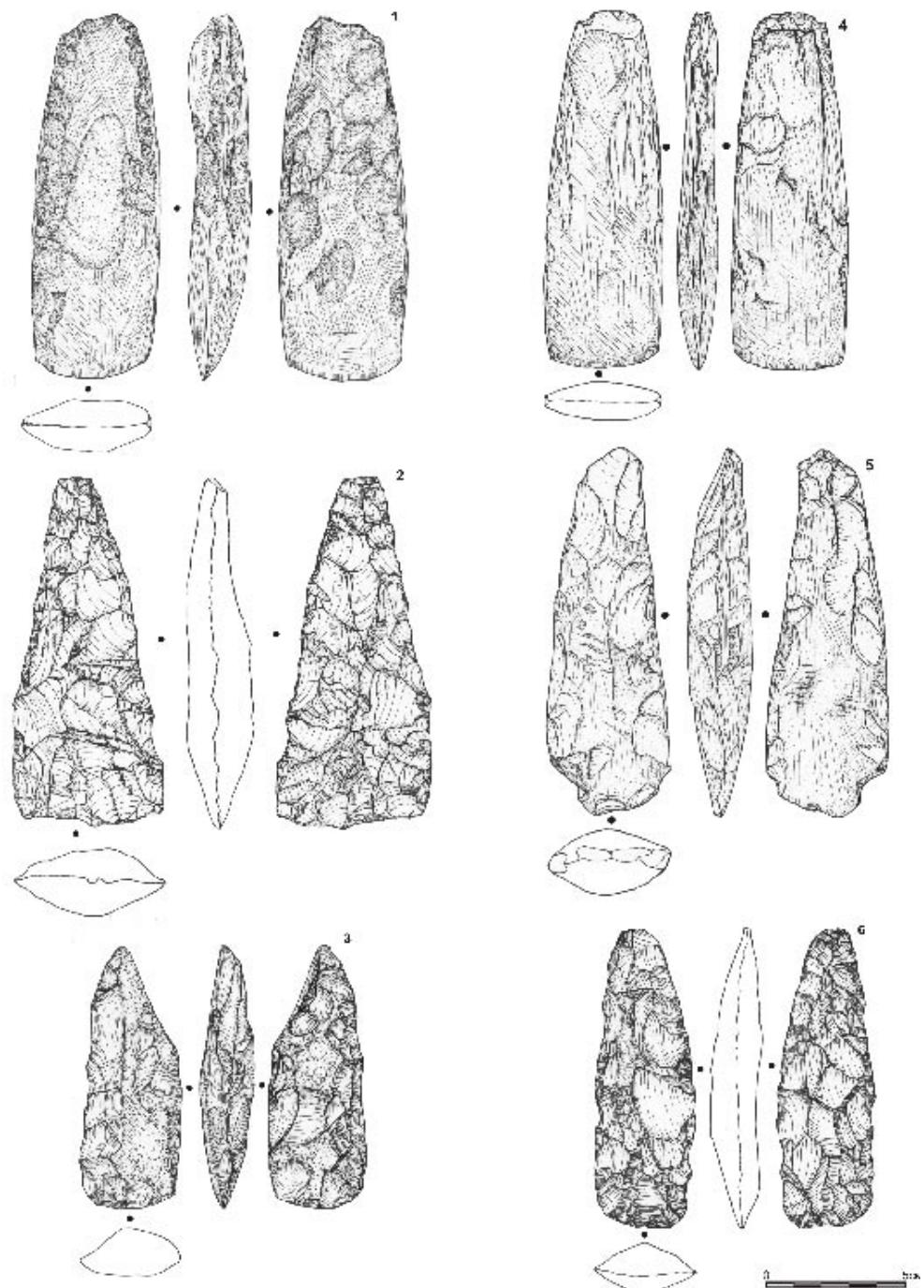

Рис. 30. Тесла (1, 3, 4, 5) и тесловидно-скребловидные
орудия (2, 6). Стоянка Пугачево-1, пункт 3

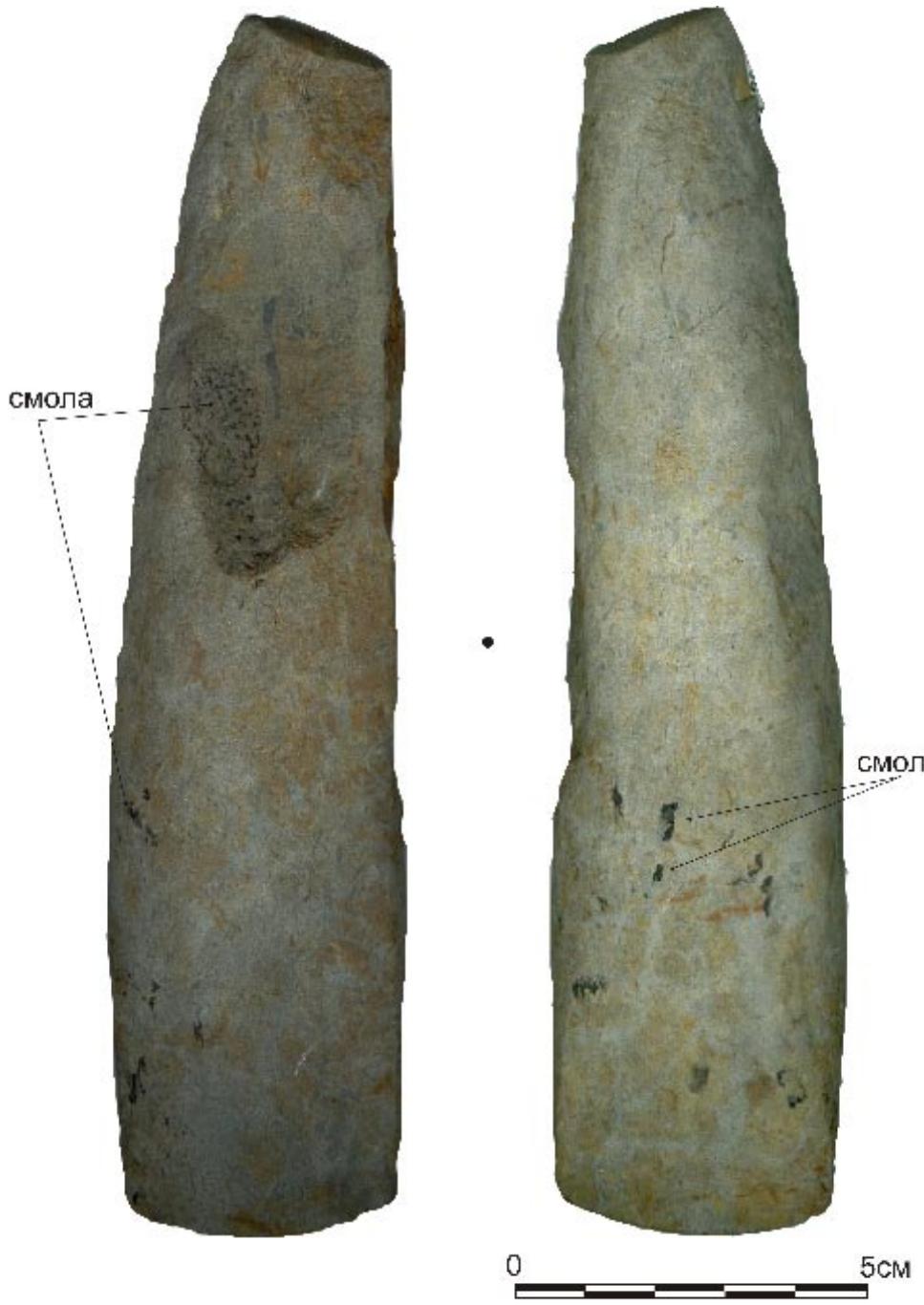

Рис. 31. Шлифованный топор со следами смолы (колл. № 961) кв. 107/319, слой 3А. Стоянка Пугачево-1, пункт 3, раскоп 2

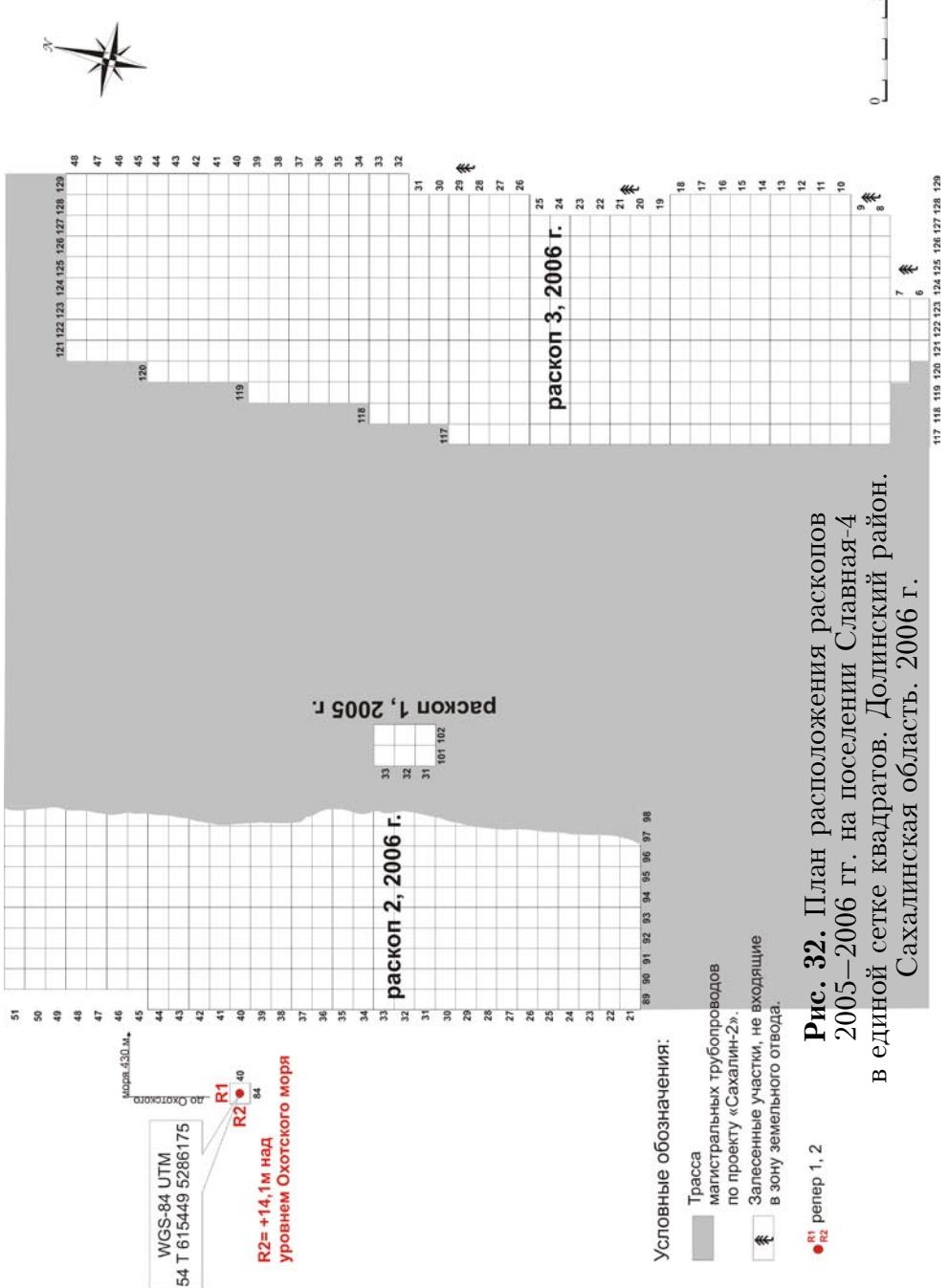

Рис. 32. План расположения раскопов 2005–2006 гг. на поселении Славная-4 в единой сетке квадратов. Долинский район. Сахалинская область. 2006 г.

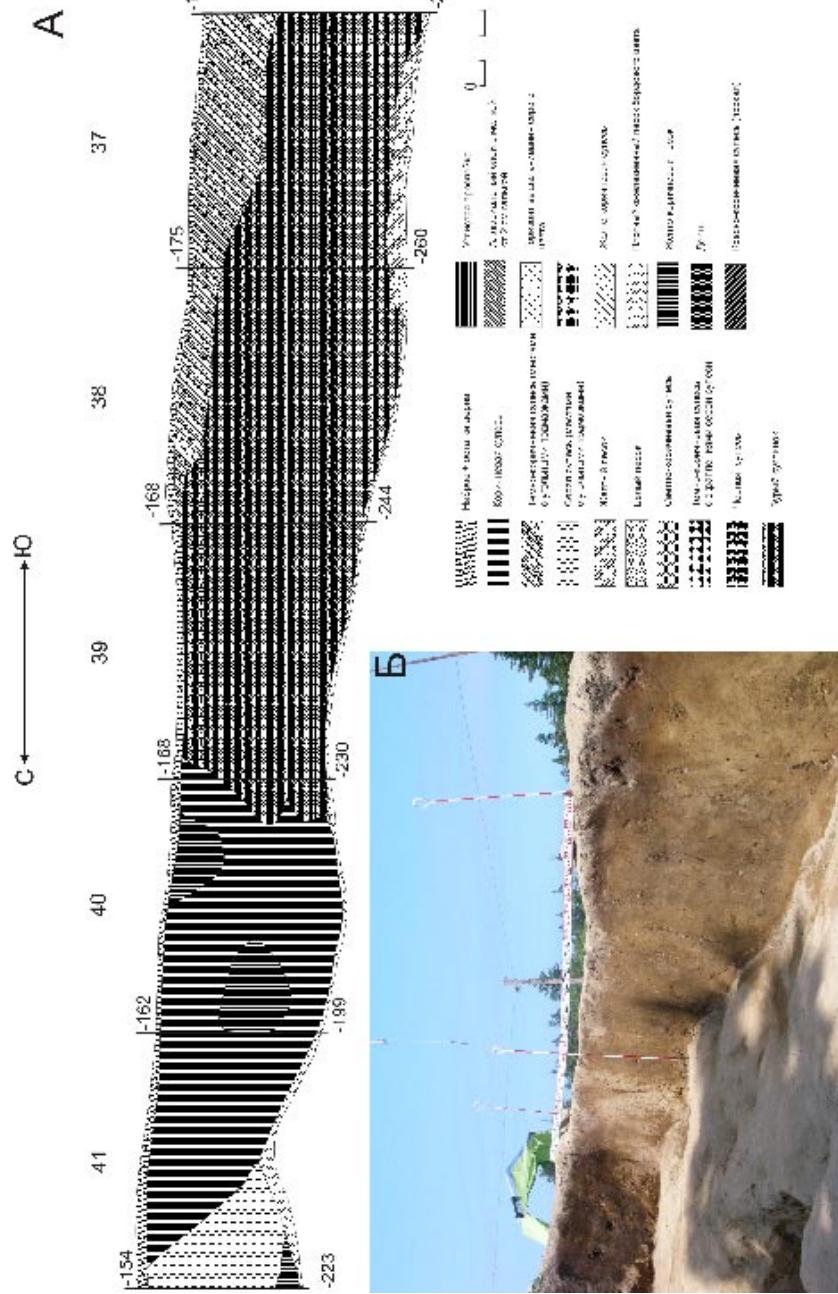

Рис. 33. А – стратиграфический разрез бровки раскопа 2, в кв. 92/37–41. Б – фото бровки раскопа 2, в кв. 92/41–38, снято с запада. Линейка стандартная геодезическая, длина – 4 м. Сторона квадрата разметки – 2 м. Цена деления кольышков – 5 и 10 см. Поселение Славная-4, раскоп 2, 2006 г.

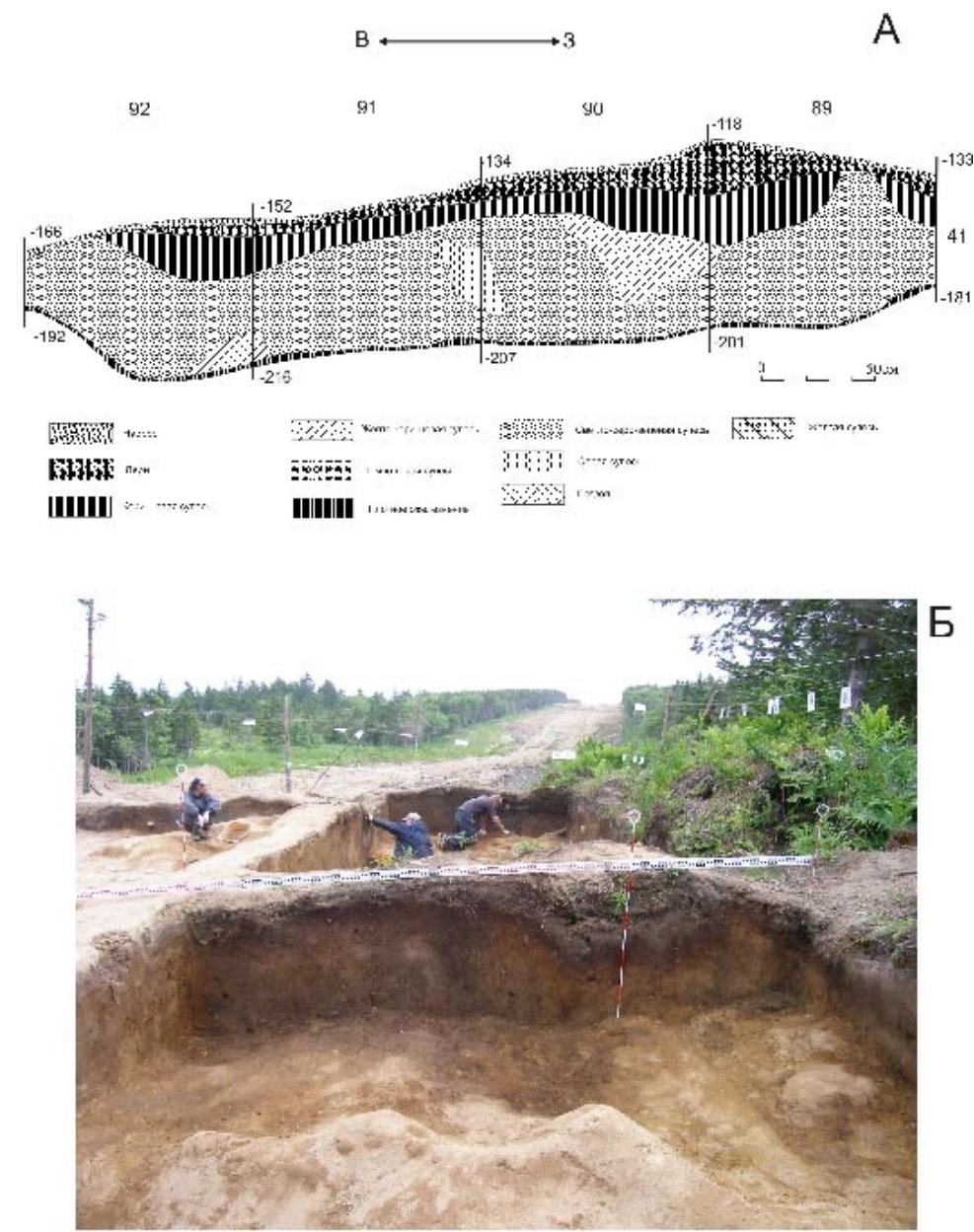

Рис. 34. А – стратиграфический разрез бровки раскопа 2, в кв. 41/89–92. Б – фото бровки раскопа 2, в кв. 41/89–92, снято с севера. Линейка стандартная геодезическая, длина – 4 м. Сторона квадрата разметки – 2 м. Цена деления колышка – 10 см. Поселение Славная-4, раскоп 2, 2006 г.

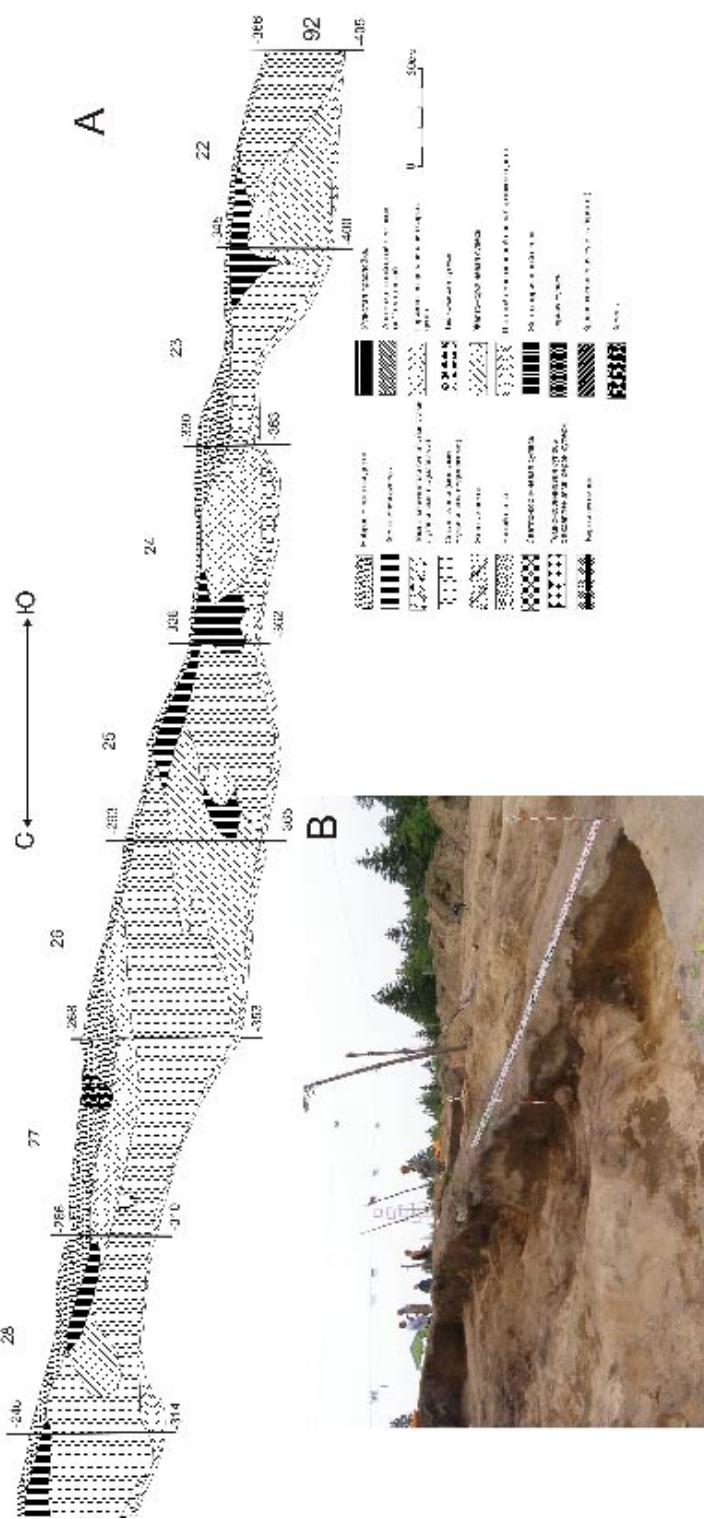

Рис. 35. А – стратиграфический разрез бровки раскопа 2, в кв. 92/28–22 (в кв. 28–23 прослеживается профиль погребенного жилища № 2). Б – фото бровки раскопа 2, в кв. 92/22–26, снято с запада.
 Линейка стандартная геодезическая, длина – 4 м. Сторона квадрата разметки – 2 м.
 Цена деления кольшка – 10 см. Поселение Славная-4, раскоп 2, 2006 г.

Рис. 36. План находок в слое 4 раскопа 2.
Поселение Славная-4, 2006 г.

Рис. 37. Нуклеусы для получения пластин (1–5) и уклонившиеся сколы с них (6–8) из раскопок поселения Славная-4

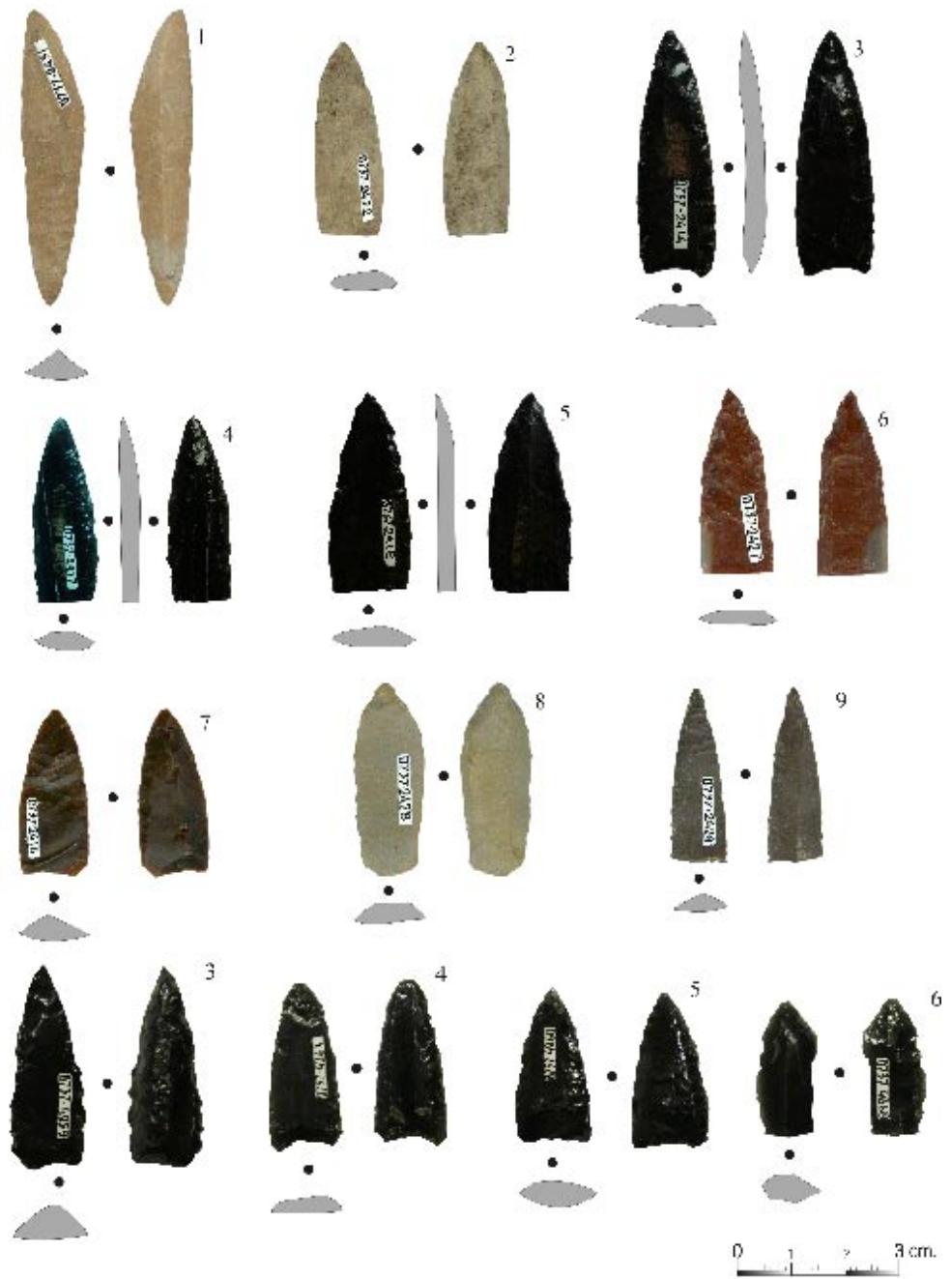

Рис. 38. Наконечники на пластинах из горизонта 3. Поселение Славная-4

Рис. 39. Двусторонне обработанные наконечники из горизонта 3.
Поселение Славная-4

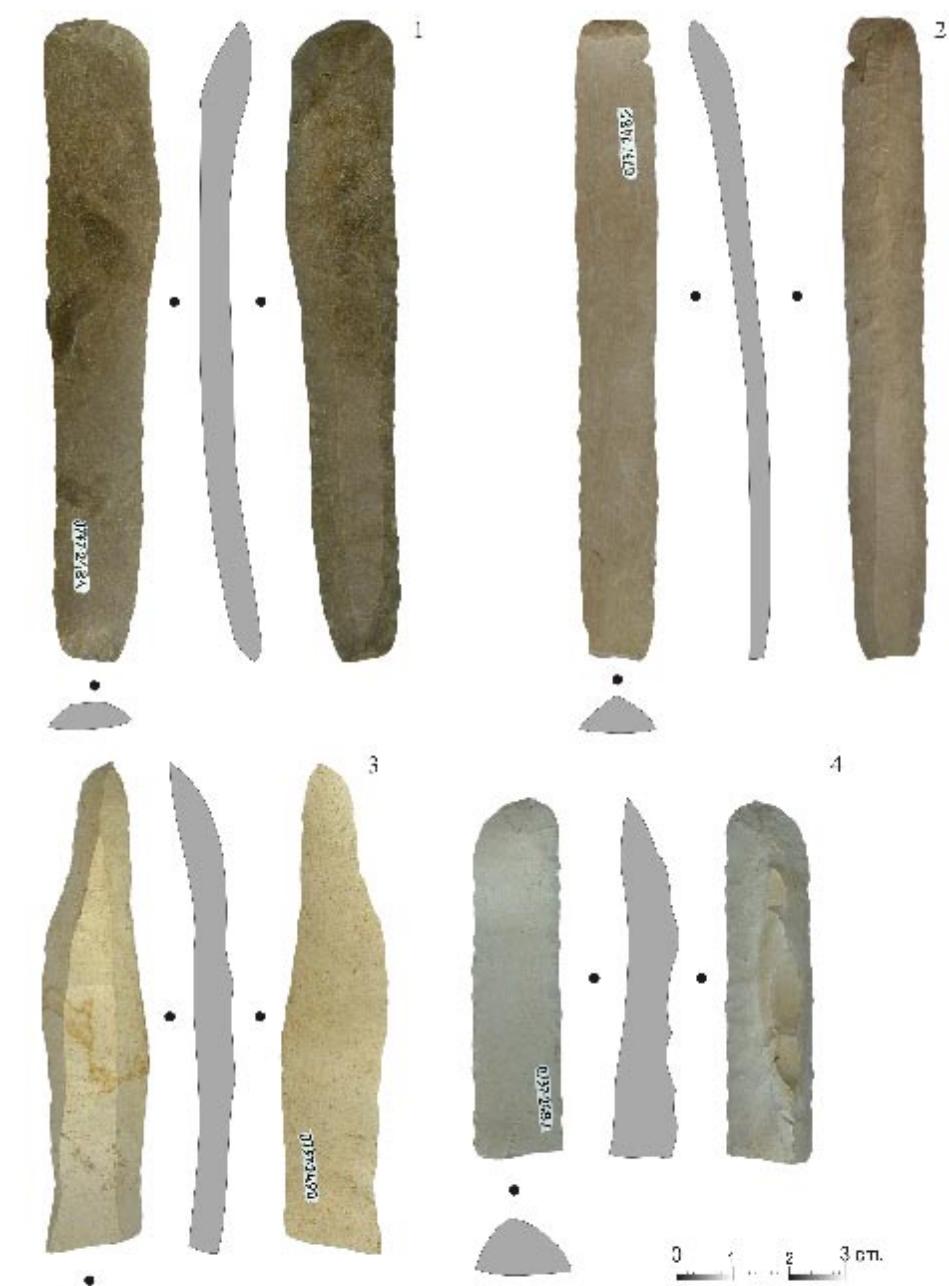

Рис. 40. Длинные и средние ретушированные пластины из горизонта 3. Поселение Славная-4

Рис. 41. Средние и малые пластины из горизонта 3.
Поселение Славная-4

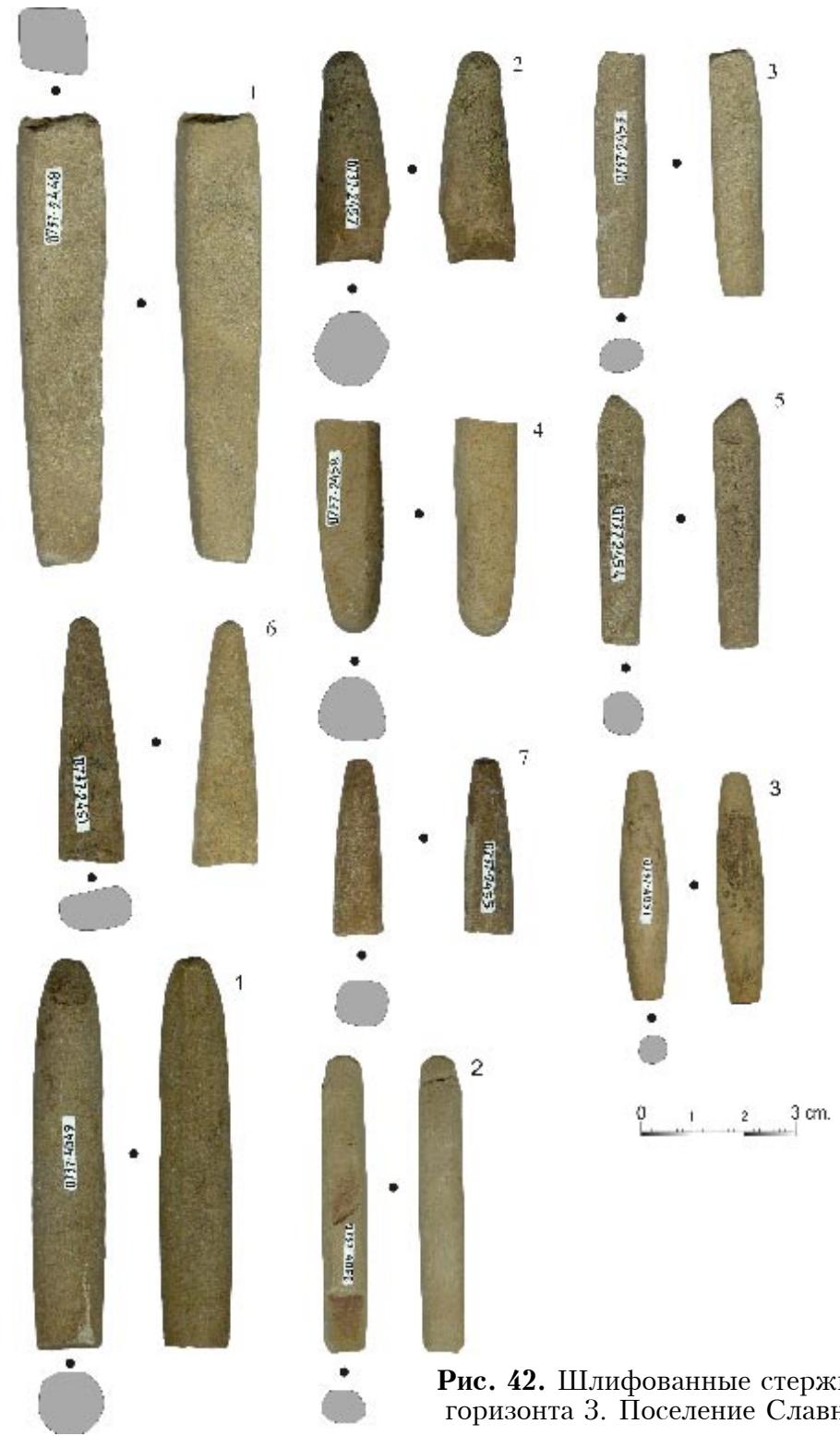

Рис. 42. Шлифованные стержни из горизонта 3. Поселение Славная-4

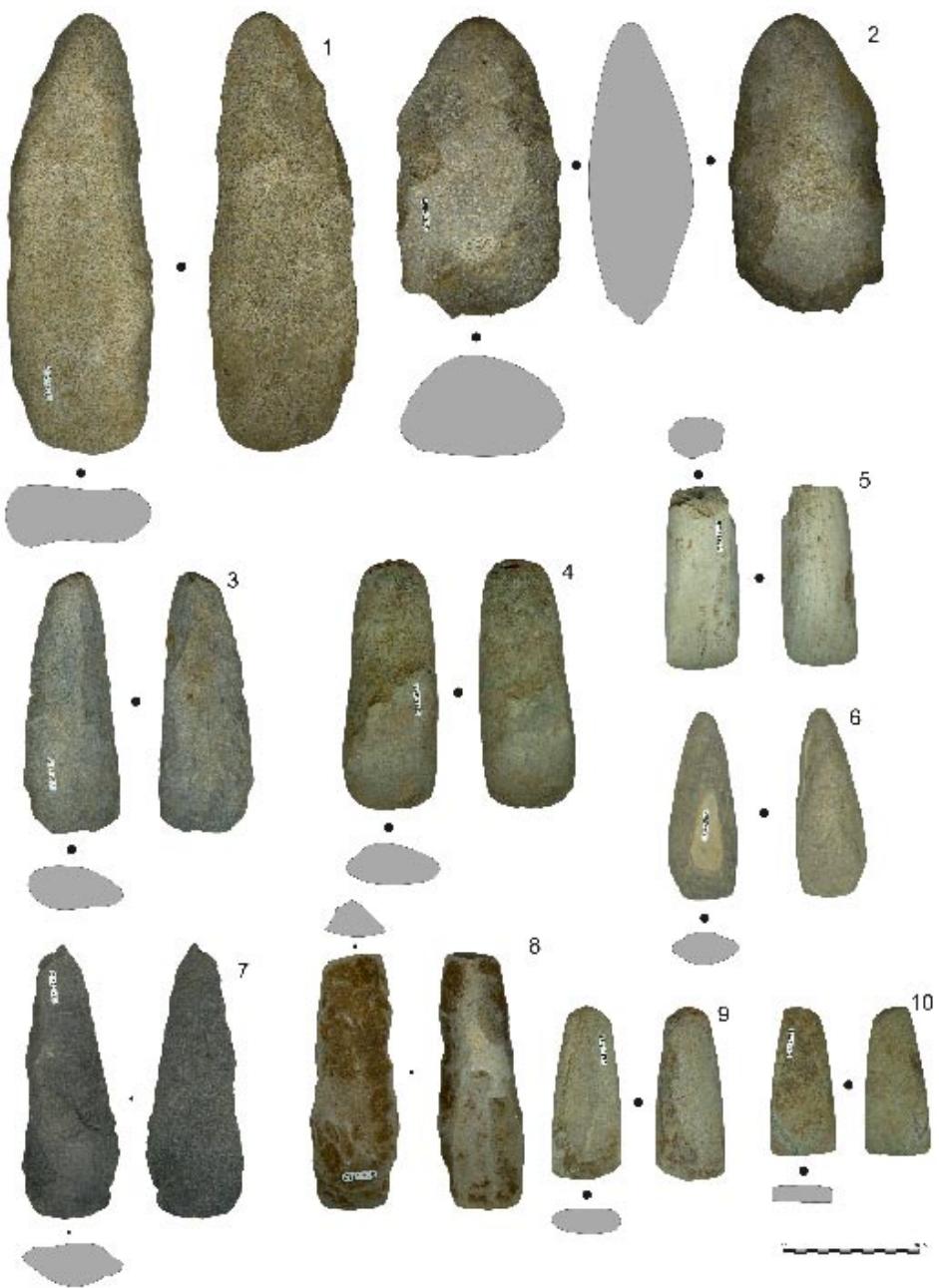

Рис. 43. Рубящие (3–10) и тесловидно-скребловидные орудия (1–2) из горизонта 3. Поселение Славная-4

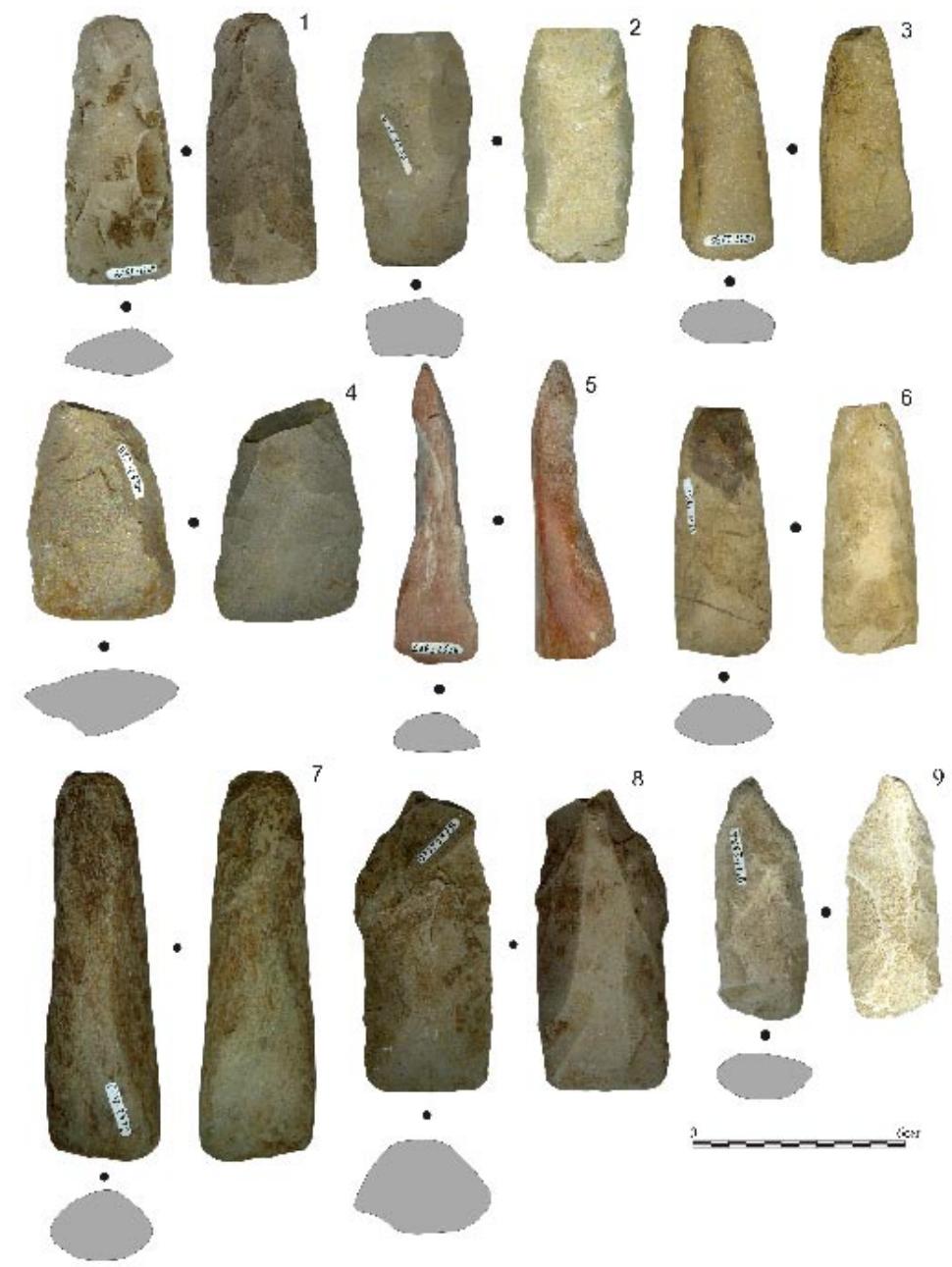

Рис. 44. Тёсла из горизонта 3. Поселение Славная-4

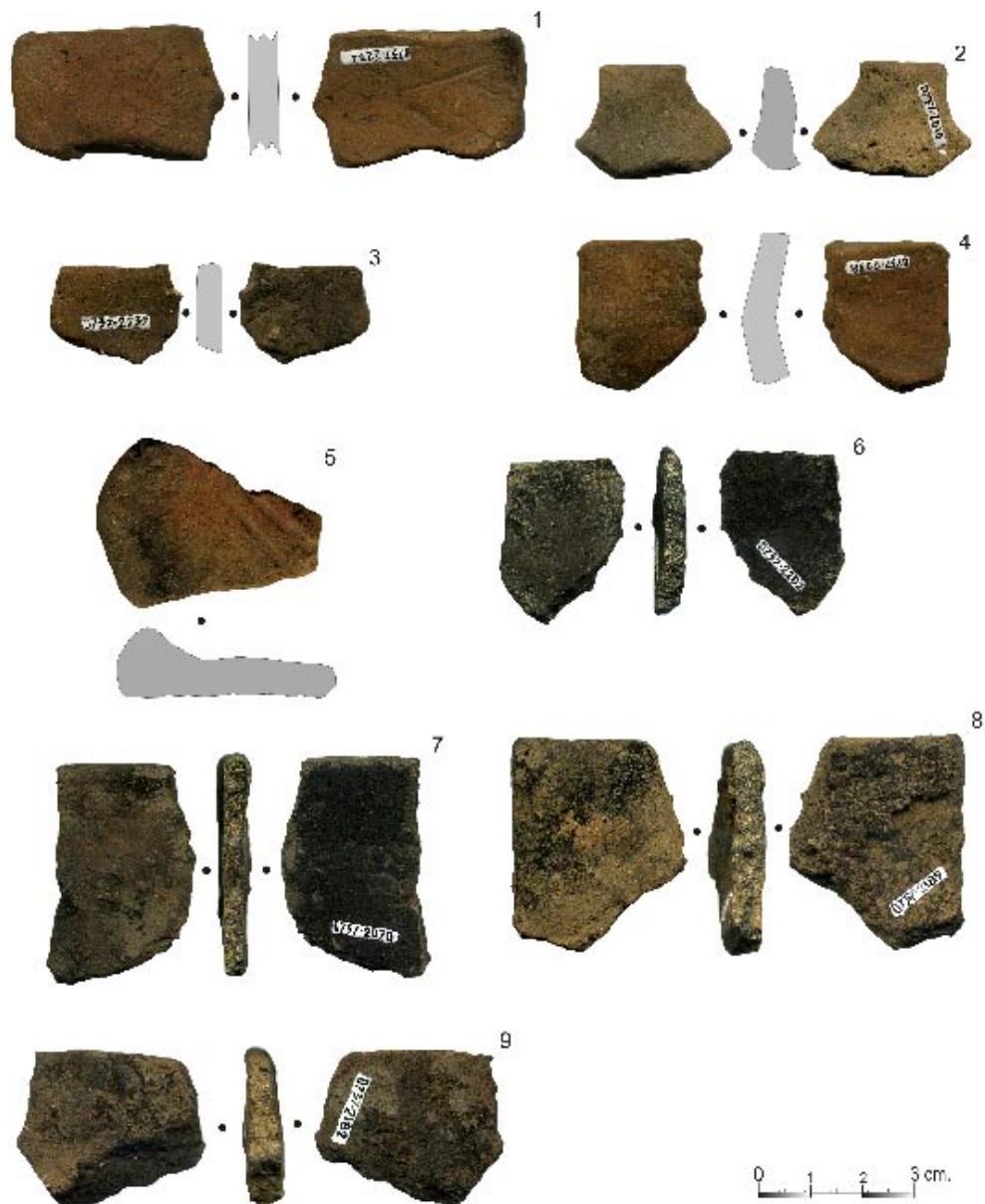

Рис. 45. Ранненеолитическая керамика из горизонта 3.
Поселение Славная-4, раскоп 2. Фрагменты стенки сосуда (1),
венчиков (2–4; 6–9), донышка с отпечатком раковины (5)

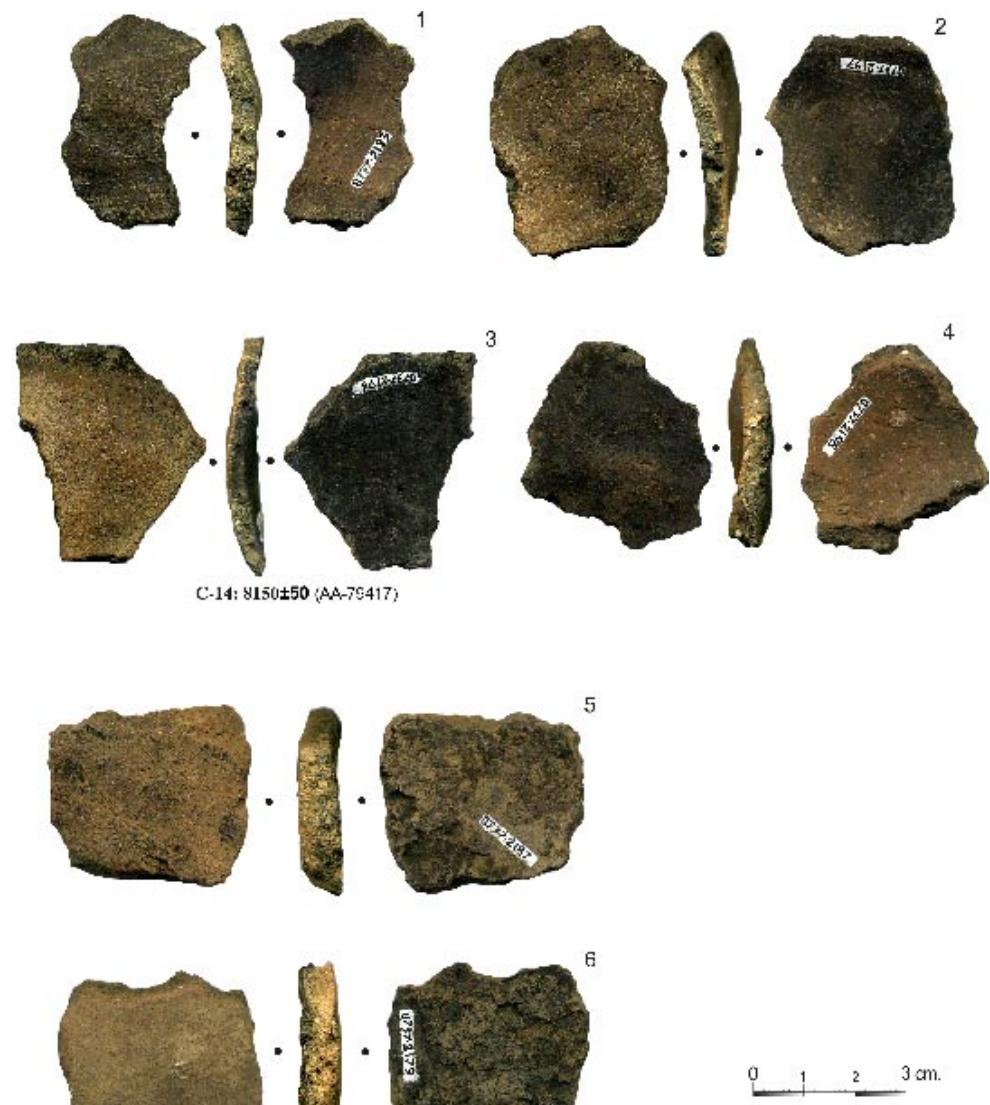

Рис. 46. Ранненеолитическая керамика из горизонта 3.
Поселение Славная-4, раскоп 2. Фрагменты стенок сосудов (1–6)

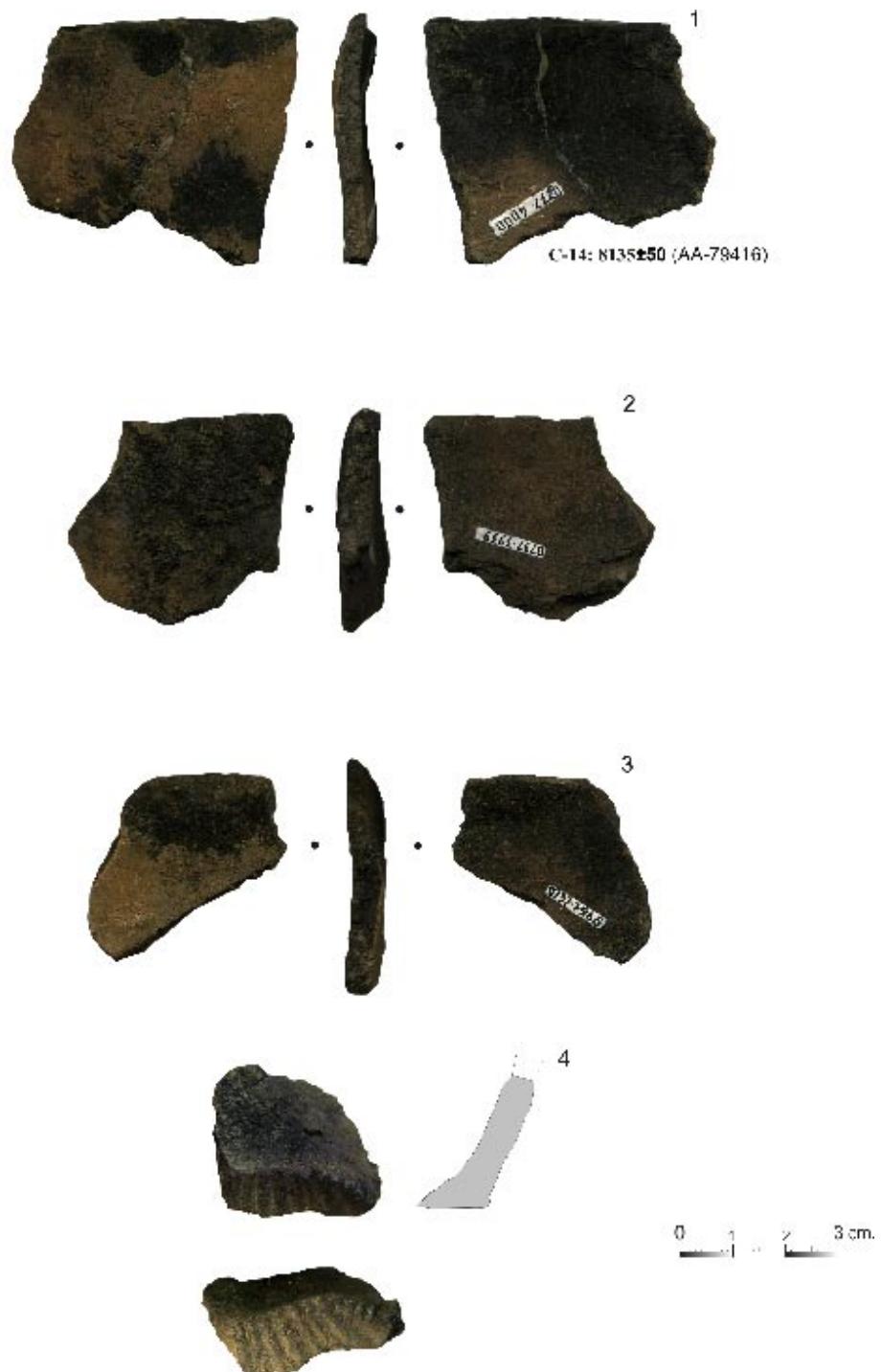

Рис. 47. Ранненеолитическая керамика из горизонтов 3 (1–3) и 2 (4).
Поселение Славная-4, раскоп 2. Фрагменты венчиков
сосудов (1–3), донышка с отпечатком раковины (4)

162

Рис. 48. Ранненеолитическая керамика из горизонта 3.
Поселение Славная-4, раскоп 2. Фрагменты стенок
сосудов (2–3, 5), венчика (1), донышка с отпечатком раковины (4)

163

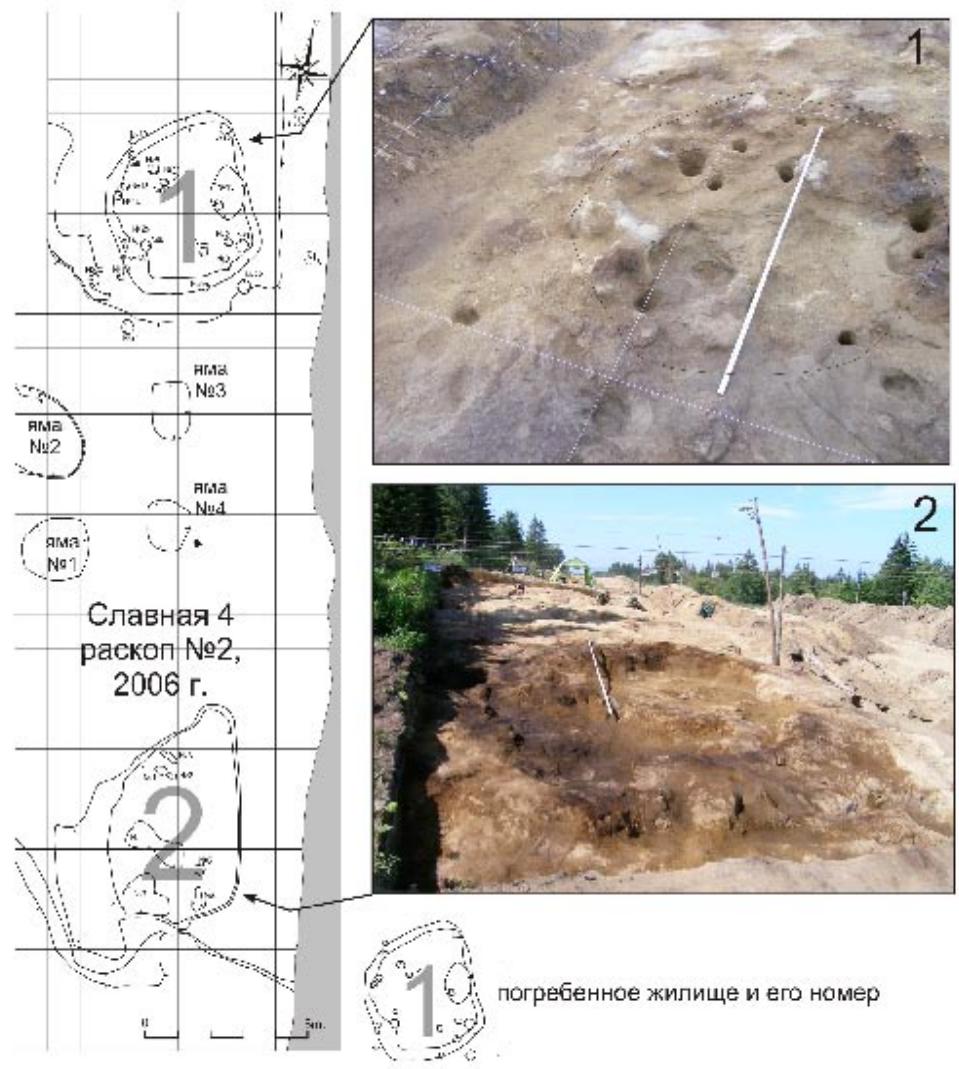

Рис. 49. Погребенные ранненеолитические жилища в раскопе 2 поселения Славная-4

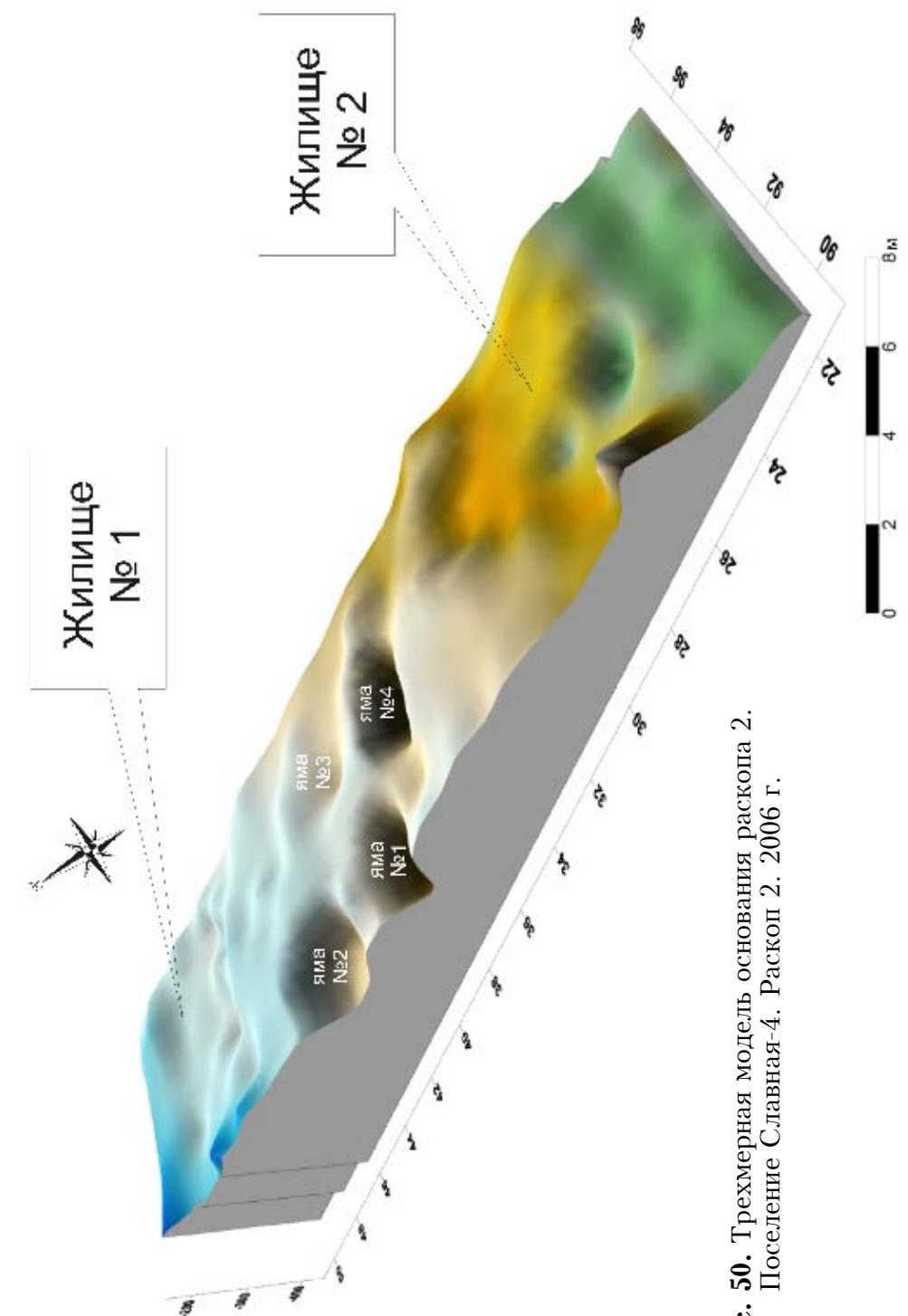

Рис. 50. Трехмерная модель основания раскопа 2.
Поселение Славная-4. Раскоп 2. 2006 г.

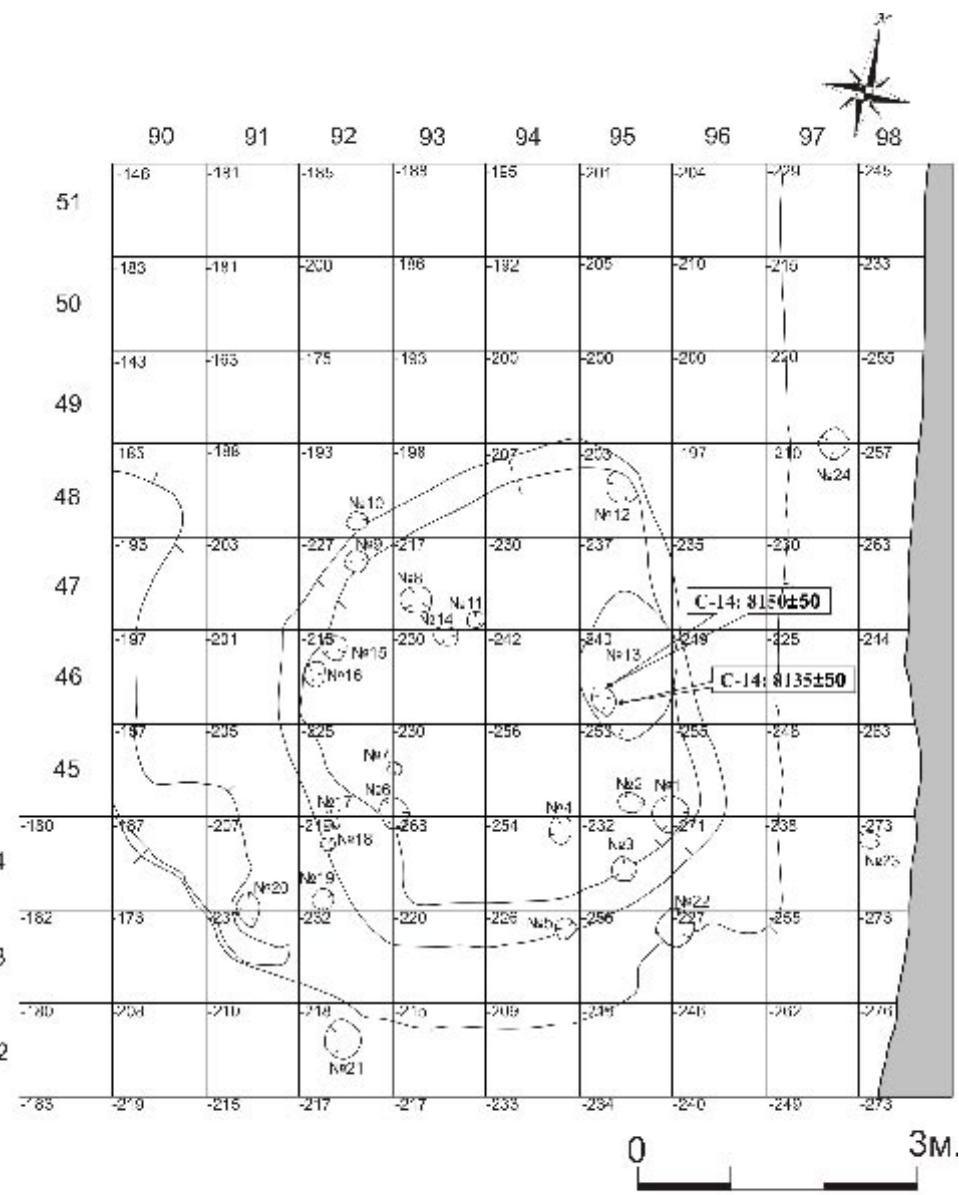

Рис. 51. Жилище № 1 с нанесенными нивелировками основания слоя 5. Поселение Славная-4. Раскоп 2. 2006 г.

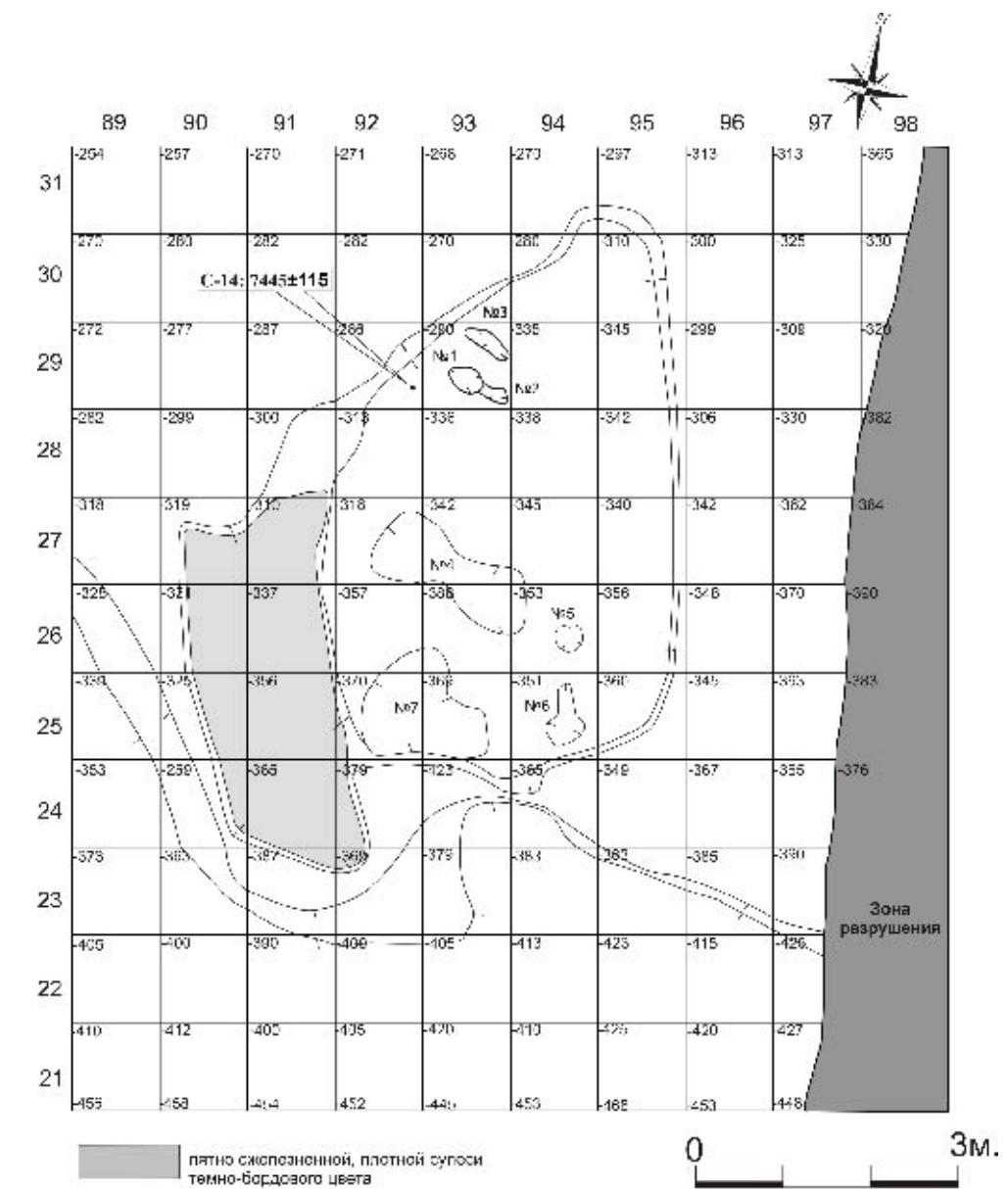

Рис. 52. Жилище № 2 с нанесенными нивелировками основания слоя 5. Поселение Славная-4. Раскоп 2. 2006 г.

Рис. 53. Инвентарь ранненеолитического горизонта поселения Стародубское-3.
По А. А. Василевскому, 2008 г.

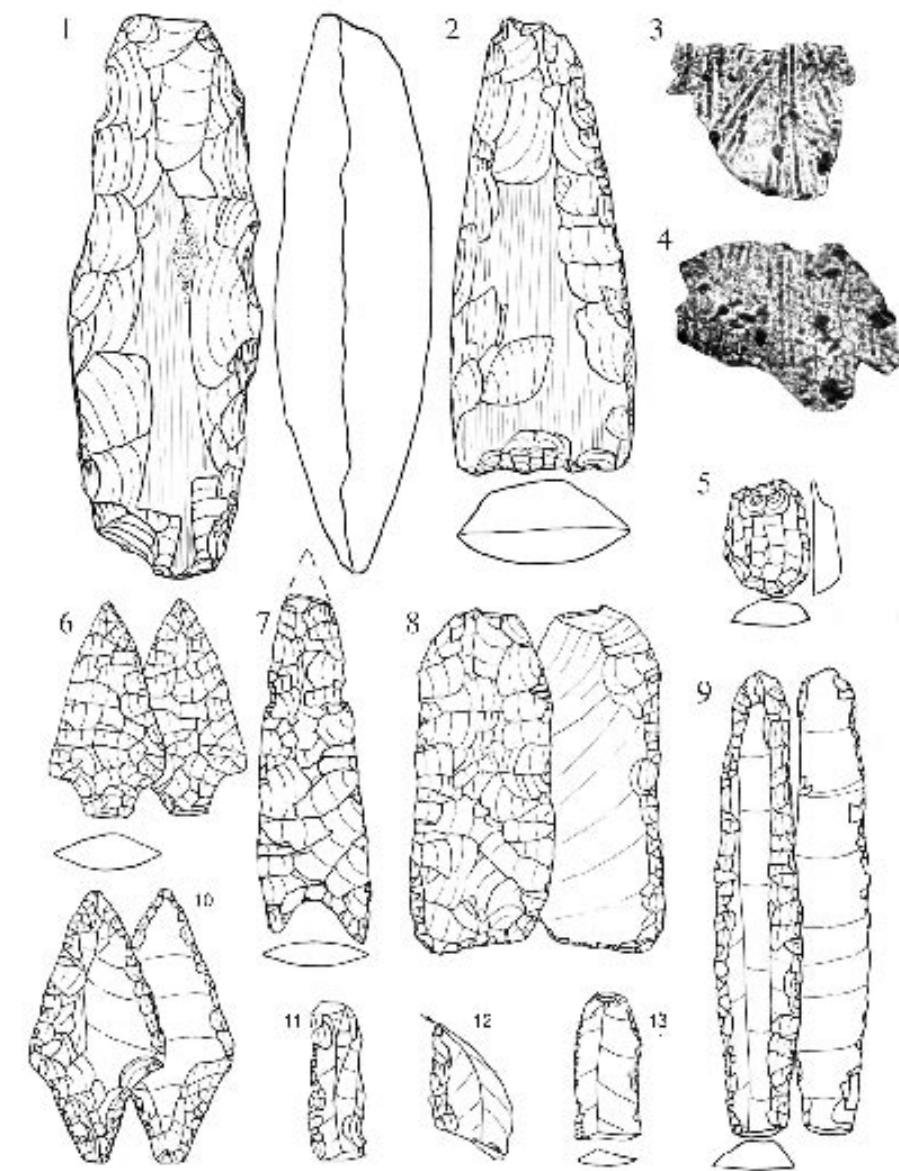

Рис. 54. Артефакты из горизонтов 1 и 2А поселения Стародубское-3 (3–4, 6, 9) и стоянки Поречье-4 (1–2, 5, 7, 10–13).
1–2, 5–13 – камень; 3–4 – керамика.
По А. А. Василевскому, 2008 г.

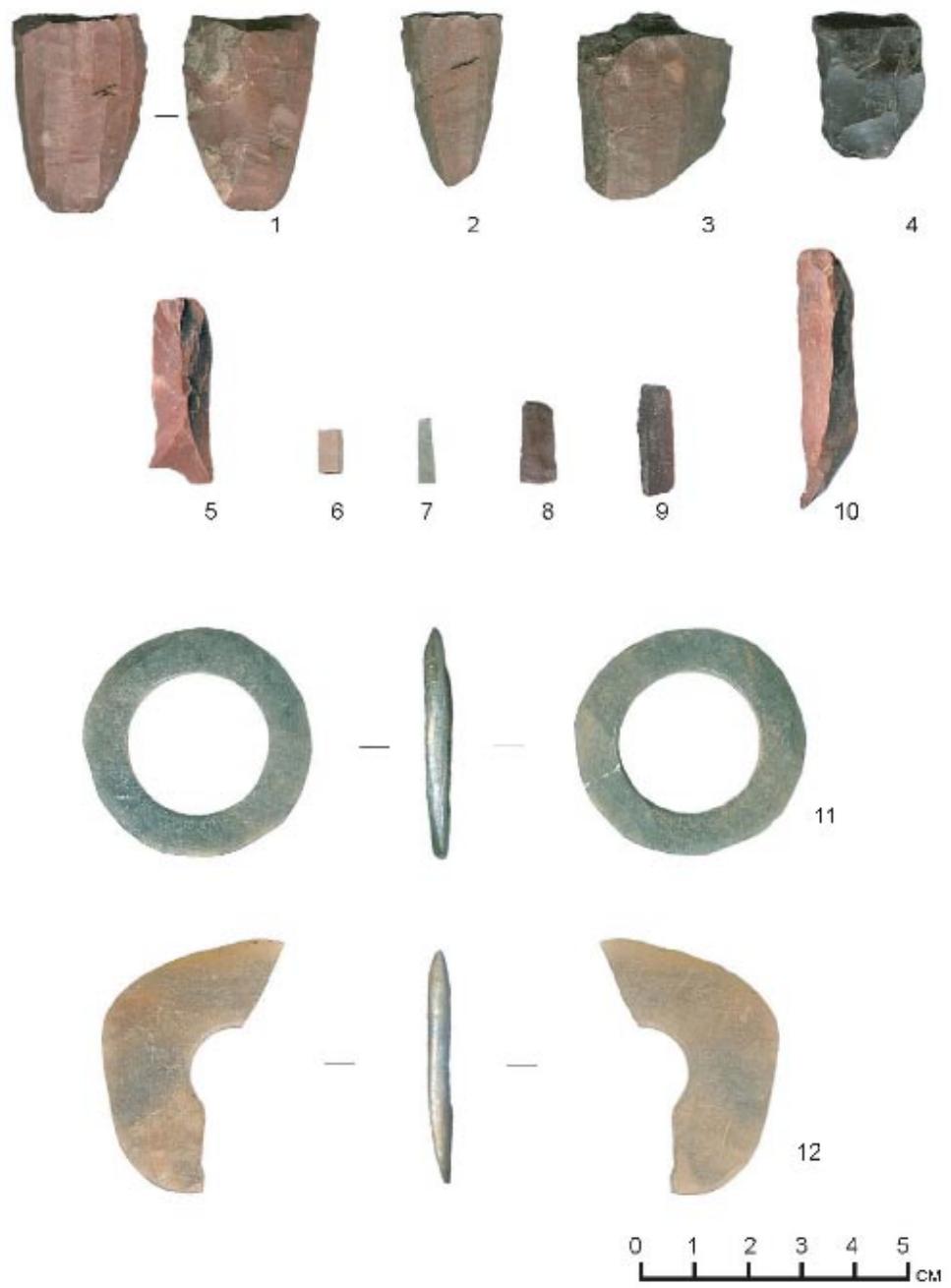

Рис. 55. Артефакты из раскопок поселения Набиль-1, пункт 2.
1–12 – камень; по В. О. Шубину, 2008 г.

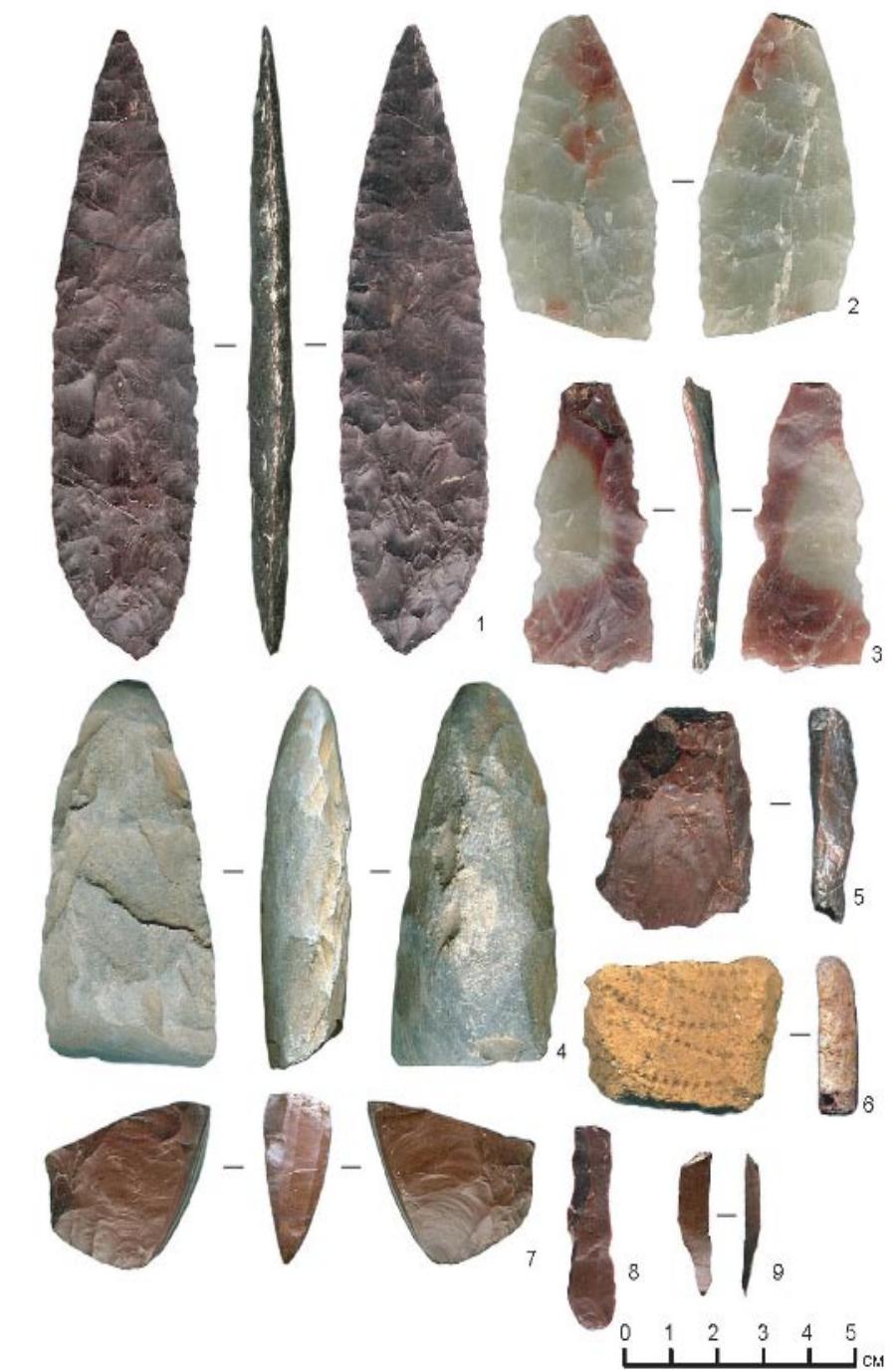

Рис. 56. Артефакты из раскопок поселения Набиль-1, пункт 2.
1–5, 7–9 – камень, 6 – керамика; по В. О. Шубину, 2008 г.

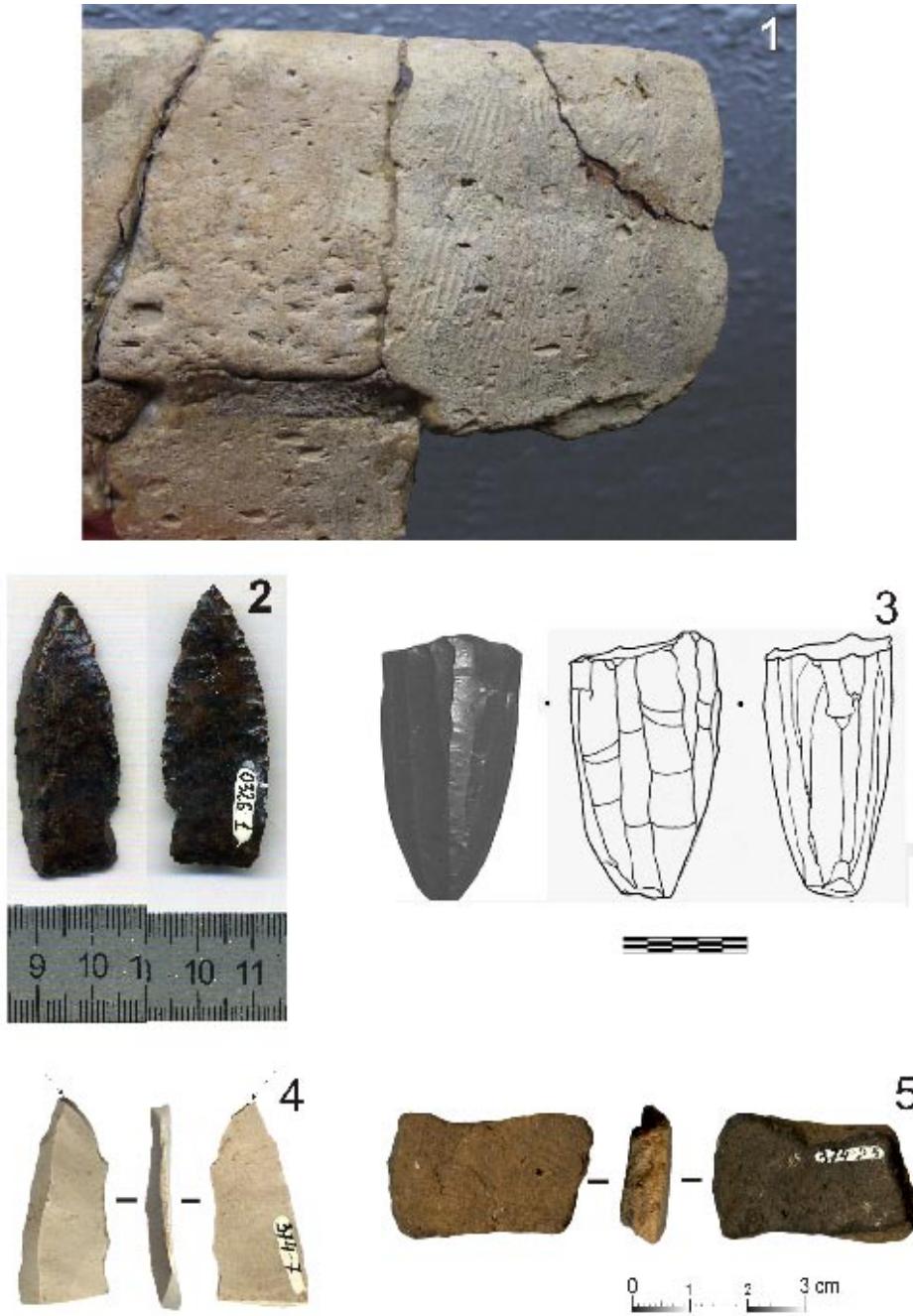

Рис. 57. 1 – ранняя керамика, стоянка Адо-Тымово-2, раскопки С. В. Горбунова; по А. А. Василевскому, 2008 г.
 2 – наконечник со стоянки Косая-1 (обсидиан),
 3 – нуклеус отд. нах. Тайга (яшмоид), по А. А. Василевскому, 2008 г.,
 4 – резец на средней пластине, со стоянки Крильон-1,
 5 – керамика со стоянки Крильон-1

Рис. 58. Вкладышевое орудие, бивень моржа (обсидиановые пластиинки из материалов стоянки Сокол), пещера Медвежьих Трагедий. Фонды СОКМ

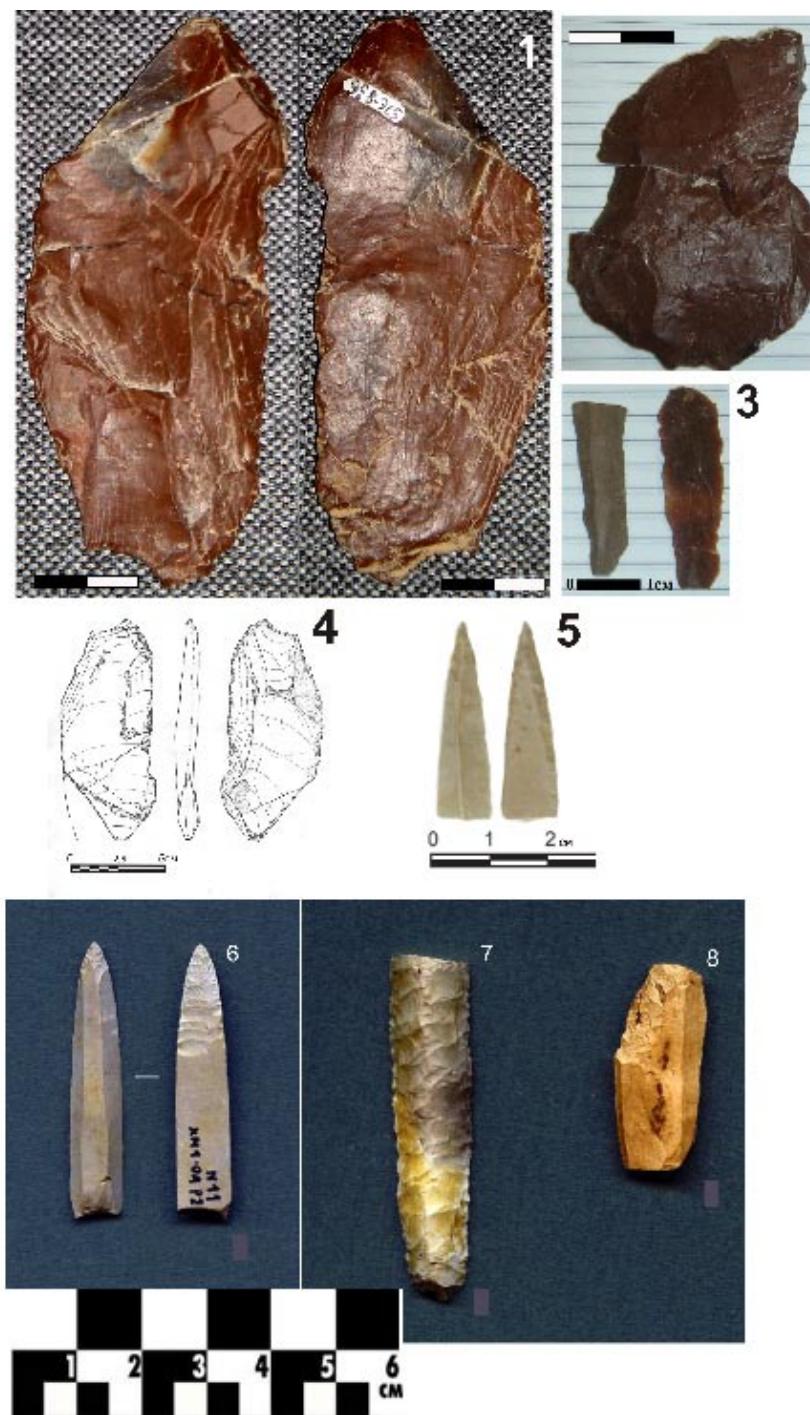

Рис. 59. Артефакты из раскопок поселения Джимдан-5 (1–4),
автор раскопок – А. А. Василевский, отд. находка Горелый-1 (5)
и материалы раскопок поселения Хунмакхта-1 (6–8);
по С. В. Гусеву и др., 2005 г.

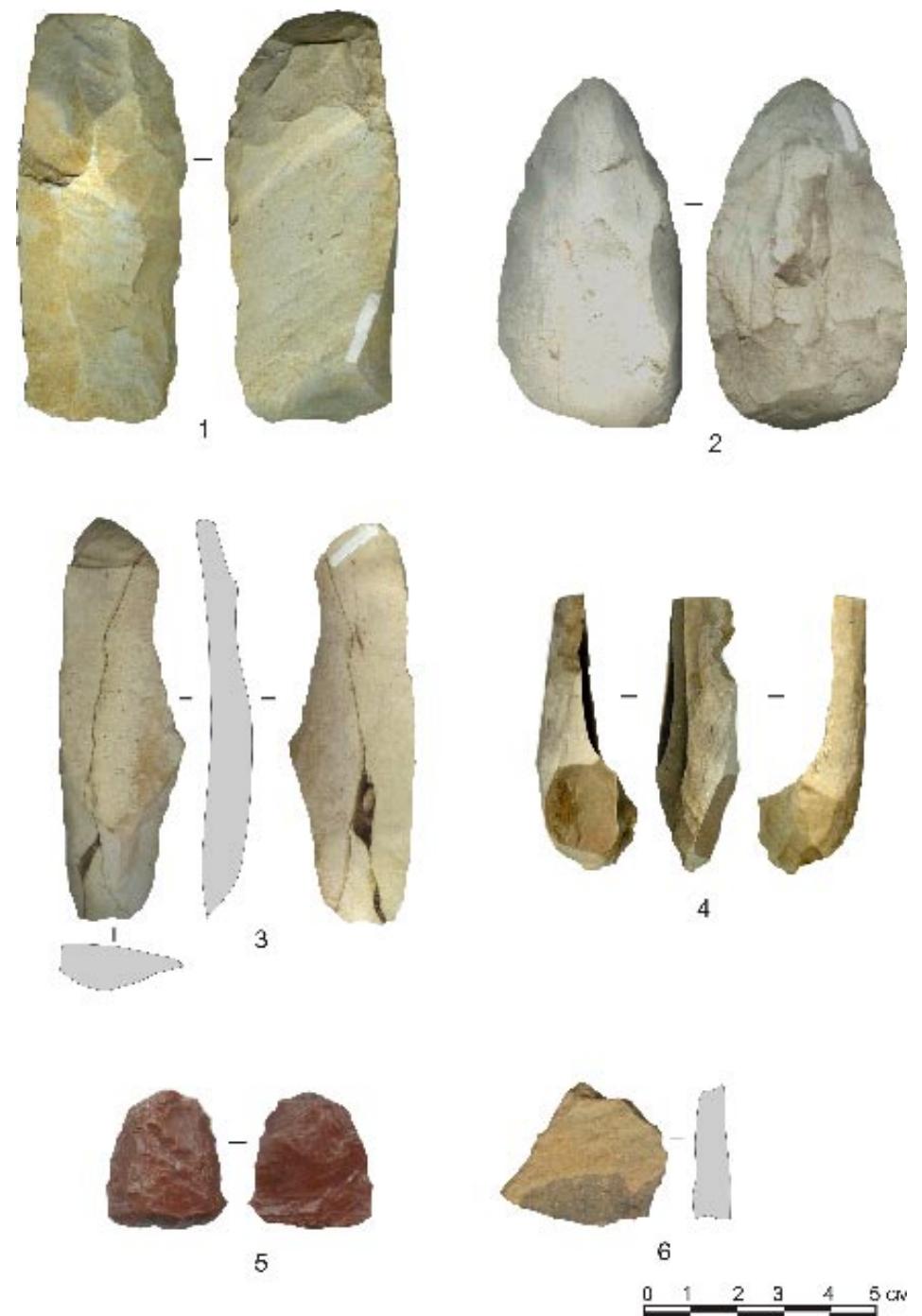

Рис. 60. Артефакты из подъемных сборов
на стоянке Даги-7 (1–5 – камень, 6 – керамика)

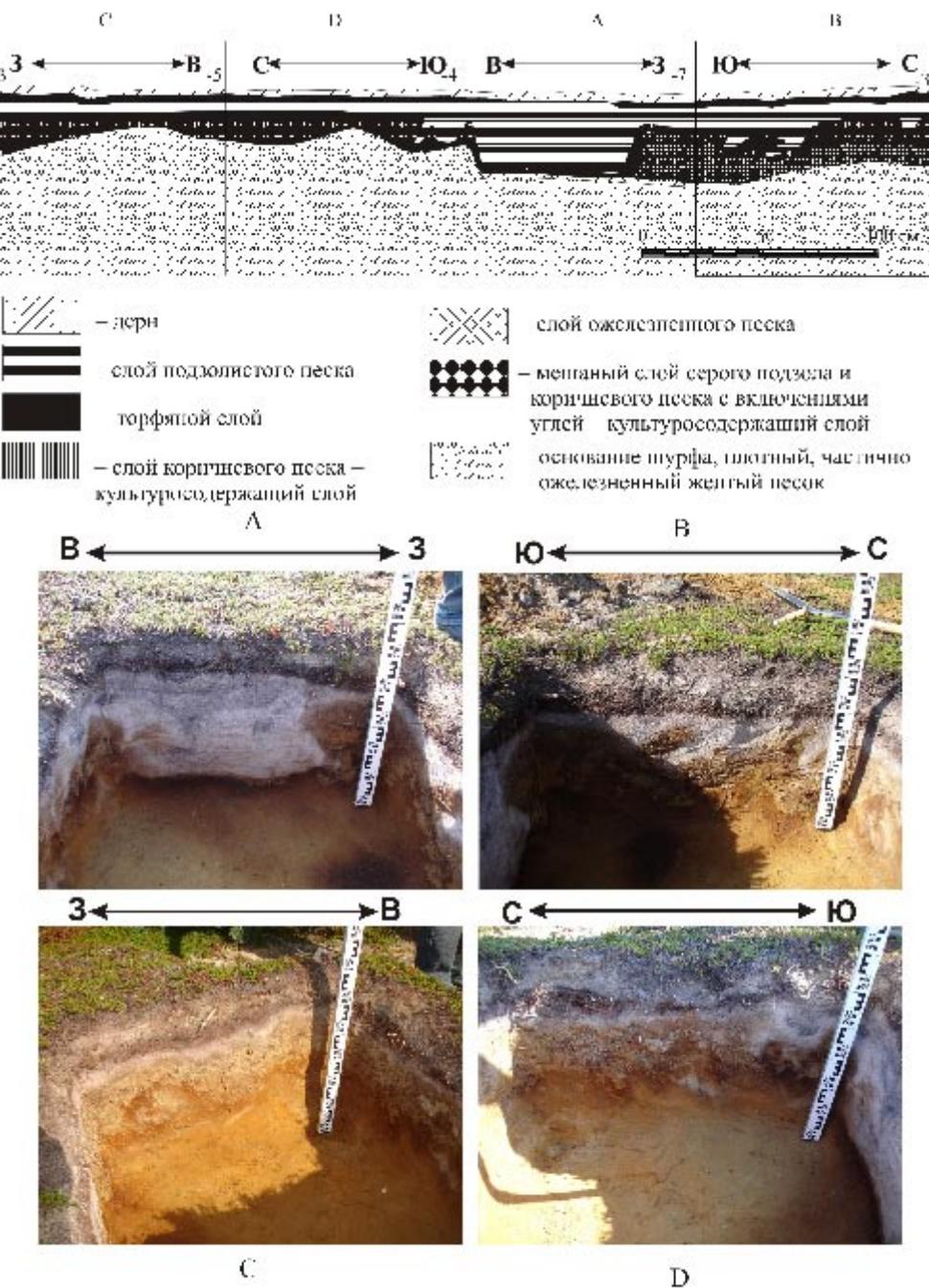

Рис. 61. Шурф 1 на стоянке Бивачное-1

Рис. 62. Артефакты из подъемных сборов (1–3) и из шурфа 1 (4–7) на стоянке Бивачное-1, а также из подъемных сборов на стоянке Незаметное-1 (8–13)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рудая Н. А.
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

РЕКОНСТРУКЦИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО ПОКРОВА ОКРЕСТНОСТЕЙ СТОЯНКИ СЛАВНАЯ-5 (ЮЖНЫЙ САХАЛИН, ДОЛИНСКИЙ РАЙОН) ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Материалы и методы

Восемь образцов (по 75 г сухого веса) из геологических отложений стоянки Славная-5 (Сахалинская область, Долинский район, $47^{\circ}43'51,7''$, $142^{\circ}32'10,9''$) были обработаны для спорово-пыльцевого анализа с применением сепарационного метода Гричука (Пыльцевой анализ, 1950). Для подсчета концентрации пыльцевых зерен и спор были использованы таблетки спор *Lycopodium*. Ацетолиз не проводился. В каждом образце насчитывалось от 100 до 500 зерен, кроме образцов 1 и 2, в которых споры и пыльца встречаются единично. Спорово-пыльцевой анализ выявил очень низкую пыльцевую концентрацию (не более 416 зерен/грамм) и относительно плохую сохранность материала. Всего в колонке отложений было определено 23 типа пыльцы и спор. Устьичные клетки хвойных не обнаружены.

Кроме этого, в каждом образце параллельно с пыльцой и спорами подсчитывались частицы угля размером от 20 до 100 μm (рис. 1). Подсчет частиц угля в палинологических препаратах может использоваться для региональных (20–100 км) реконструкций лесных пожаров [Gobet et al., 2003; Whitlock and Larsen, 2001]. Одним из показателей событий в спорово-пыльцевых спектрах, связанных с пожарами, является отношение общего количества частиц угля к сумме пыльцы и спор (Уг/ПС) [Blackford, 2000].

Подсчет пыльцевых зерен, спор и частиц угля проводился с помощью светового микроскопа Imager.D1 (Zeiss) с увеличением Ч400. Для определения таксономической принадлежности пыльцы и спор были использованы определители и атласы [Куприянова, 1965; Куприянова, Алешина, 1972; Reille, 1992, 1995, 1998].

Результаты спорово-пыльцевого анализа представлены на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 2), построенной с использованием программного обеспечения Tilia-Tilia-Graph [Grimm, 1991]. Разделения диаграммы на локальные палинозоны не проводилось из-за небольшого количества образцов.

Присутствие пыльцы и спор в образцах с низкой пыльцевой концентрацией (в которых не удалось насчитать более 100 зерен) не представлено на диаграмме в процентном содержании и обозначено знаком «+». Суммы пыльцы и спор менее 100 зерен не являются репрезентативными и не могут быть использованы при статистическом анализе [Faegri and Iversen, 1989].

В анализируемом спорово-пыльцевом спектре споры папоротников, которые невозможно определить до родового или видового ранга, обозначены как *Pteridophyta*.

Как показатель тренда относительных вариаций в изменении увлажнения было подсчитано отношение сумм пыльцы темнохвойных пород (*Picea*, *Abies*) к сумме пыльцы светлохвойных пород (*Pinus*) – Tx/Cx (рис. 2).

Результаты

Спорово-пыльцевой спектр характеризуется преобладанием пыльцы древесных (до 85 %) и спор споровых растений (до 75 %). Среди древесной пыльцы преобладает пыльца представителей семейства Pinaceae – родов *Pinus* (сосна) – 10–60 %; *Picea* (ель) – 5–40 % и *Abies* (пихта) – 5–35 %. Кроме сосновых, заметное место в спектре занимает пыльца семейства Betulaceae – *Betula* (береза) – до 10%; и *Alnus* (ольха) – также до 10 %. Единично встречена пыльца *Salix* (ива) и *Tilia* (липа). Пыльца травянистых растений немногочисленна и представлена в основном пыльцой рода *Artemisia* (полынь) – до 15 % и семейства Сурегасеae (осоковые) – до 10 %. Споры принадлежат представителям отдела папоротникообразных (*Pteridophyta*) и рода *Lycopodium* (плаун) из отдела плауновых (*Lycopodiophyta*) (рис. 2).

Нижняя часть анализируемого спектра (20–30 см) характеризуется пониженным содержанием пыльцы древесных растений и повышенным содержанием спор папоротников и плауна. Увеличение пыльцы древесных начинается от 20 см с максимумом на глубине 15 см (85 %). Повышение содержания древесной пыльцы в спектре совпадает с понижением содержания спор (до 15 %). Верхняя часть спектра (от 15 см) характеризуется повышенным содержанием пыльцы древесных растений (70–80 %) с незначительным участием травянистой пыльцы (около 10 %). Споры составляют 15–20 %.

Пыльца рода *Pinus* встречается во всех образцах, кроме образца с глубины 35 см (образец 3) с максимальным содержанием на глубинах 15 см и 10 см (52 % и 38 % соответственно). Пыльца *Picea* имеет максимумы содержания на глубинах 20 см, 10 см и 5 см (36 %, 20 % и 24 % соответственно). Максимум содержания пыльцы *Abies* приходится на верхнюю часть спектра (до 41 % на глубине 5 см). Пыльца хвойных имеет плохую сохранность, что не исключает ее дальнего заноса.

Отличительной особенностью спектра является нахождение в нижней и средней части спектра (глубина 20–40 см) большого количества угольных частиц (830–2500) размером от 20 до 100 μm . Отношение количества угольных частиц к сумме пыльцы и спор (Уг/ПС) достигает в нижней части спектра 450 (глубина 35 см), а

верхней части – 0–0,1 (рис. 3). Коэффициент корреляции между суммой пыльцы и спор и количеством угольных частиц в спектре довольно высок ($r = -0,7$) и показывает строгую отрицательную корреляцию.

Интерпретация результатов

В целом анализ спорово-пыльцевого спектра позволяет реконструировать в окрестностях стоянки Славная-5 в период накопления геологических отложений колонки развитие лесной растительности с преобладанием хвойных пород. Кустарниковый ярус представлен береской и ольхой. Травянистый покров состоит из лесного разнотравья со значительным участием различных видов папоротников.

Нижняя часть колонки отложений, возможно, соотносится с началом голоцене. Высокое содержание угольных частиц и отсутствие пыльцы и спор в этой части отложений может свидетельствовать о лесных пожарах в непосредственной близости стоянки Славная-5. Следы лесных пожаров в окрестностях стоянки, выраженные в высоких содержаниях угольных частиц и значениях отношения Уг/ПС, зафиксированы до глубины 30 см. Этот период характеризуется снижением участия хвойных в составе растительности и развитием растительных сообществ с участием берески, ольхи с разнотравьем и папоротниками в травянистом ярусе. Такие растительные группировки могут входить в состав «пионерной» растительности, предшествующей развитию лесов на местах вырубок или гарей.

Хвойные леса начинают развиваться в окрестностях стоянки Славная-5 в период, соответствующий накоплению геологических осадков выше 30 см, и доминируют в составе растительности до наших дней. Леса представлены темнохвойными породами, такими как ель и пихта, пыльца которых имеет тенденцию отлагаться относительно локально [Bezrukova, 2005]. Лесообразующей породой вышележащего горного пояса могла быть сосна (предположительно *Pinus pumila*), пыльца которой занимает значительное место в спорово-пыльцевом спектре. Повышение содержания пыльцы сосны в спектре отражается на отношении темнохвойных и светлохвойных пород (Tx/Cx) (рис. 2), что может косвенно свидетельствовать о существовании более теплого и влажного климата в периоды, соответствующие глубинам 20 см и особенно 5 см. Предположить похолодание и некоторое иссушение климата можно в интервалах времени, соответствующих глубинам 25–30 см и 10–15 см.

Таким образом, в окрестностях стоянки Славная-5 на всем протяжении разреза можно предположить развитие растительного покрова, аналогичного современной зональной темнохвойной тайге с *Picea ajanensis* и *Abies sachalinensis* с подлеском из *Betula ermanii*, разнотравьем и многочисленными видами папоротников и плаунов [Толмачев, 1959].

Литература

- Куприянова, Л. А. Пыльца и споры растений флоры Европейской части СССР / Л. А. Куприянова, Л. А. Алешина. – Л.: Наука, 1972.
- Куприянова, Л. А. Палинология сережкоцветных / Л. А. Куприянова. – М. ; Л.: Наука, 1965.
- Пыльцевой анализ. – М., 1950.
- Сладков, А. Н. Введение в спорово-пыльцевой анализ / А. Н. Сладков. – М., 1967.
- Толмачев, А. И. О флоре острова Сахалина / А. И. Толмачев: изд-во Ак. наук СССР.
- Bezrukova, E. V., Abzaeva, A. A., Letunova, P. P., Kulagina, N. V., Vershinin, K. E., Belov, A. V., Orlova, L. A., Danko, L. V., Krapivina, S. M. Post-glacial history of Siberian spruce (*Picea obovata*) in the Lake Baikal area and the significance of this species as a paleoenvironmental indicator, Quaternary International 136, 2005. – P. 47–57.
- Blackford, J. J. Charcoal fragments in surface samples following a fire and the implications for interpretation of subfossil charcoal data. Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology 164, 2000. – P. 33–42.
- Faegri, K., Iversen, J., 1989. Textbook of Pollen Analysis, 4th ed. by K. Faegri, P.E. Kaland & K. Krzywinski, John Wiley & Sons, Chichester Gobet, E., Tinner, W., Hochuli, P., van Leeuwen, J., Ammann, B., Middle to Late Holocene vegetation history of the Upper Engadine (Swiss Alps): the role of man and fire. Veget Hist Archaeobot 12, 2003. P. 143–163.
- Grimm, E., TILIA and TILIAGRAPH, Illinois State Museum, Springfield, Illinois, 1991.
- Reille, M. In: Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. Laboratoire de botanique historique et palynologie, URA CNRS, Marseille, France, 1992.
- Reille, M. In: Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord Supplement 1. Laboratoire de botanique historique et palynologie, URA CNRS, Marseille. – France, 1995.
- Reille, M. In: Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord Supplement 2. Laboratoire de botanique historique et palynologie, URA CNRS, Marseille, France. – 530 p. (including 435 plates), 1998.
- Whitlock, C., Larsen, C., Charcoal as a fire proxy. In: Smol, J. P., Birks, H. J. B., Last, W. M. (Eds.), Tracking Environmental Change Using Lake Sediments. Terrestrial, Algal, and Siliceous Indicators, vol. 3. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, 2001. – P. 75–93.

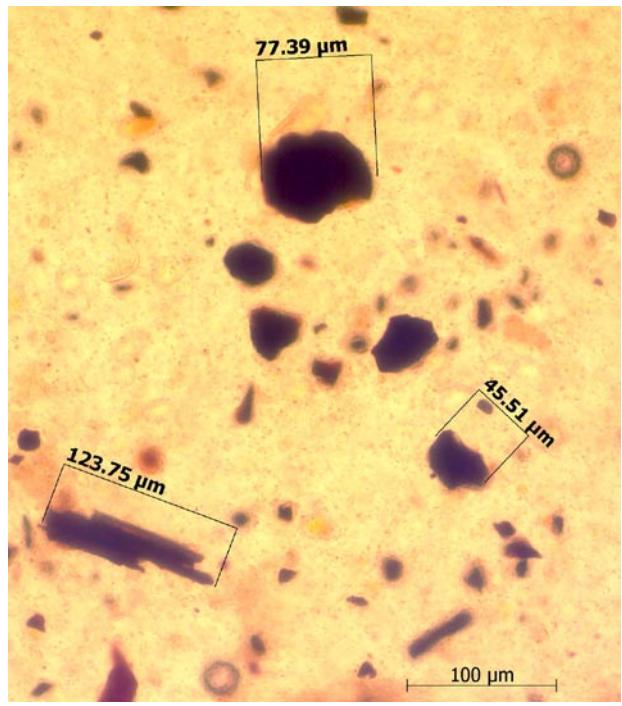

Рис. 1. Частицы угля из образца 2 разреза 2 стоянки Славная-5 под световым микроскопом (увеличение x 200)

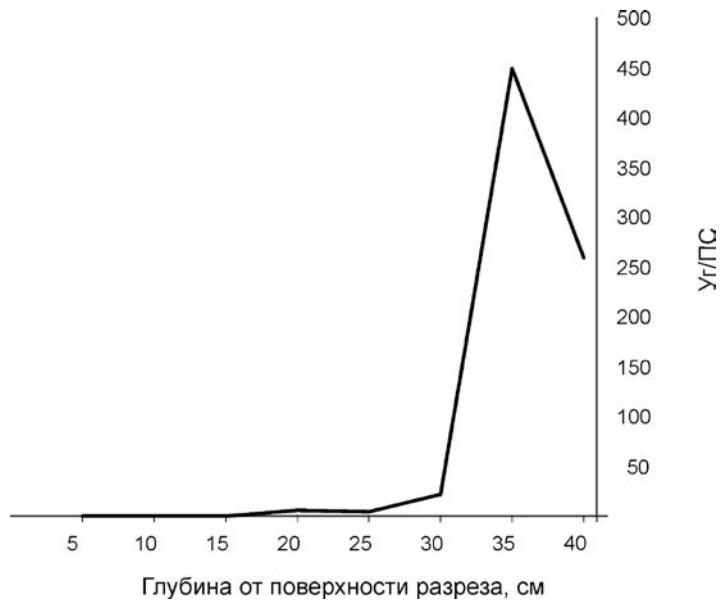

Рис. 2. Изменение отношения количества угольных частиц к сумме пыльцы и спор ($\text{Уг}/\text{ПС}$) в отложениях разреза 2 стоянки Славная-5 в зависимости от изменения глубины (см)

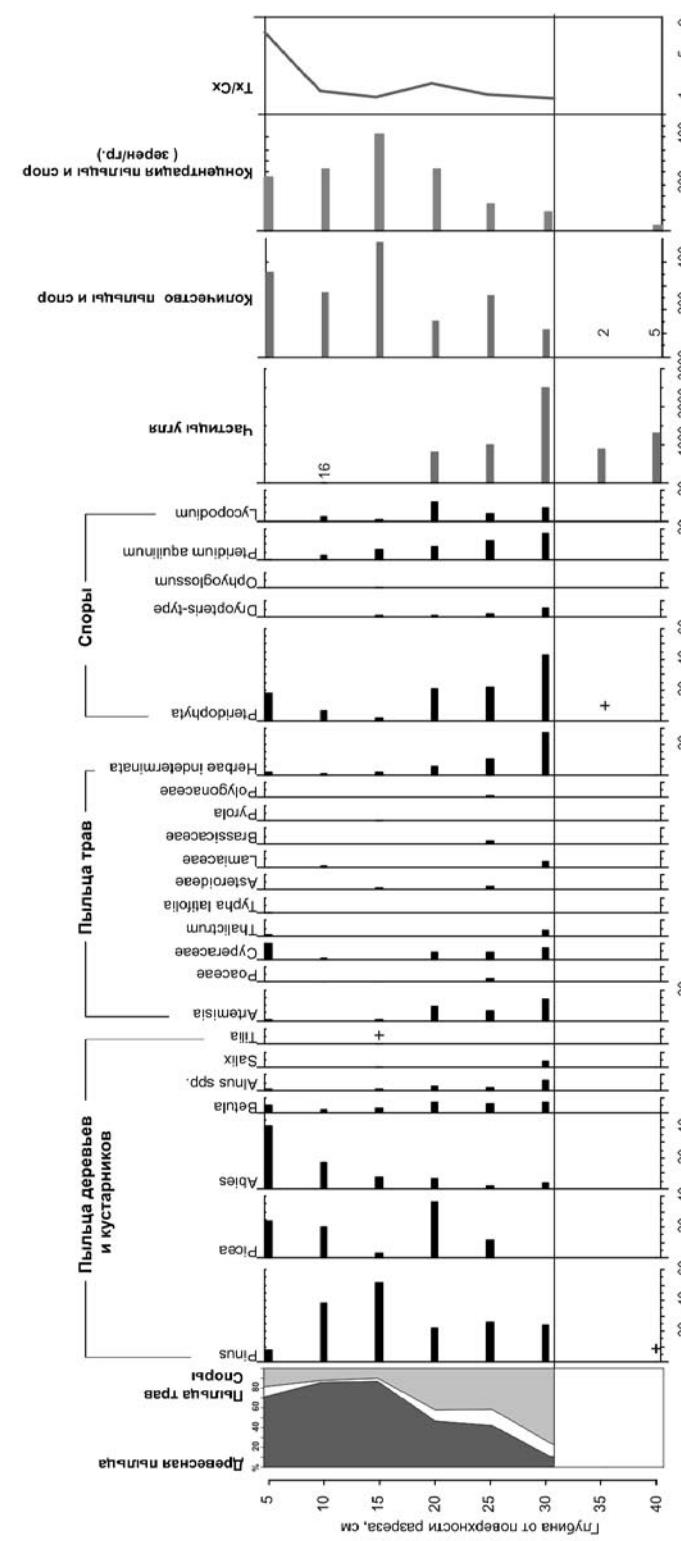

Рис. 3. Пыльцевая диаграмма разреза 2 стоянки Славная-5: изменения процентного содержания пыльцы и спор в зависимости от изменения глубины (см). Tx/Cx — отношение суммы пыльцы темнохвойных древесных растений к сумме пыльцы светлохвойных

Научное издание

ГРИЩЕНКО Вячеслав Александрович

**РАННИЙ НЕОЛИТ ОСТРОВА
САХАЛИН**

Монография

Корректор М. Ф. Шатохина

Верстка О. А. Надточий

Подписано в печать 27.05.2011. Бумага «Mondi»
Гарнитура «Kudrashov». Формат 70x100¹/₁₆
Тираж 500 экз. Объем 11,5 усл. п. л. Заказ № 889-10

Издательство Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32
Тел. (4242) 45-23-16, факс (4242) 45-23-17
E-mail: polygraph@sakhgu.sakhalin.ru